

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
2018, №2

日
本
研
究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические
науки и археология

08.00.00 Экономические
науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гришачёв С.В., к.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Мазурик В.П., к.филол.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симотомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.; Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Овчинникова Л.В., к.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (главный редактор)

Редакция: Белилина Е.В.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Овчинникова Л.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией)

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-commercial organization
«Association of Japonologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far East Studies of Russian Academy of Sciences, Association of Japonologists.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Media registration number (in Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910

Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru” and Russian Science Citation Index.

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Branch of science:

07.00.00 History and

Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Corresponding member of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Grishachev Sergei V., PhD (History); Gurevich Tatiyana M., DSc (Culturology), PhD (Philology); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Korchagina Tatiyana I., PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Kuznetsov Sergei I., DSc (History); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Louzianin Sergei G., DSc (History); Mazurik Victor P., PhD (Philology); Nechaeva Lyudmila T., DSc (Pedagogy); Nosov Mikhail G., DSc (History), Corresponding member of the RAS; Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Shnyrko Aleksandr A., PhD (Philology); Shodiev Fattah K., PhD (Political Science); Shulatov Yaroslav A., PhD (History); Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Simonova-Gudzenko Ekaterina K., DSc (History); Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Vojtishek Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Ovchinnikova Lyubov V., PhD (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Belilina Elena V.; Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Ovchinnikova Lyubov V., PhD (History); Surkova Tatiyana I. (*Head of Editors Office*)

Requirements for authors: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japonologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2018, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Полхов С.А. Наставления Мори Мотонари сыновьям: ценности, идеалы и политическая стратегия даймё периода Сэнгоку (Часть 2).....	6
Добринская О.А. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии	23
Санчирова К.В. Истоки становления японской фотографии	38
Толстогузов С.А. Финансовый кризис и Мэйдзи исин	54
Skovoronskikh M.V. Shirakawa Kinsui: Writing Biographies of Exemplary Women in the Age of Modernization *	72
Ермакова Л.М. О трёх риторических жанрах современной Японии	89
<i>Научная жизнь</i>	
Борькина А.Ю. О международной конференции, посвящённой 150-летию революции Мэйдзи в Японии	107
Сахарова Е.Б. О XX ежегодной конференции «История и культура Японии»	111
<i>Книжная полка</i>	
Кириченко М.А. О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 2»	119

* На английском языке.

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2018, N 2

CONTENTS

Polkhov S.A. Teachings of Mori Motonari for the Sons: Values, Ideals and Strategy of the Sengoku Daimyo (Part 2).....	6
Dobrinskaya O.A. On Some Aspects of Evolution of Japan's Foreign Policy	23
Sanchirova K.V. The origins of Japanese photography	38
Tolstoguzov S.A. Financial Crisis and Meiji Restoration.....	54
Skovoronskikh M.V. Shirakawa Kinsui: Writing Biographies of Exemplary Women in the Age of Modernization *	72
Ermakova L.M. On Three Rhetoric Genres of Contemporary Japan	89
<i>Academic Events</i>	
Borkina A.Yu. On the International Conference, Dedicated to the 150th Anniversary of the Meiji Revolution in Japan.....	107
Sakharova E.B. The 20th Annual International Conference "History and Culture of Japan"	111
<i>Book Review</i>	
Kirichenko M.A. On the Book "30 Unique Figures of Japan and Russia – 2"	119

* In English.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10008

Наставления Мори Мотонари сыновьям: ценности, идеалы и политическая стратегия даймё периода Сэнгоку (Часть 2)¹

С.А. Полхов

Аннотация. В статье представлены первое в отечественном японоведении исследование и комментированный перевод четырёх писем с поучениями для сыновей могущественного даймё периода «воюющих княжеств» (1467–1590) Мори Мотонари. Эти документы отражают важнейшие ценности удельного князя, стремящегося обеспечить процветание и сохранение в будущем своего рода. Единение между сыновьями, возглавившими кланы Мори, Киккава и Кобаякава, рассматривается в посланиях Мотонари как стратегия укрепления их власти и положения дома Мори.

Ключевые слова: Мори Мотонари, Мори, Киккава, Кобаякава, какун, наставления, период Сэнгоку, сэнгоку даймё, Ходзё Удзицуна, Асакура Такакагэ.

Автор: Полхов Святослав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: cjr-ran@yandex.ru

Teachings of Mori Motonari for the Sons: Values, Ideals and Strategy of the Sengoku Daimyo (Part 2)

S.A. Polkhov

Abstract. The article presents a study and first Russian commented translation of four letters with behavioral guidelines for the sons of Mori Motonari, a powerful Japanese daimyo of the Sengoku period (1467–1590). These documents reflect the most important values of the provincial lord, who aspires to ensure prosperity and preservation of his clan. The unity of the sons, who led the clans of Mori, Kikkawa and Kobayakawa, is regarded in messages of Motonari to be a strategy of strengthening their power and ensuring the stability and prosperity of the Mori house.

Keywords: Mori Motonari, Mori, Kikkawa, Kobayakawa, kakun, behavioral guidelines and teachings, Sengoku period, sengoku daimyo, Hojo Ujitsuna, Asakura Takakage.

Author: Polkhov Svyatoslav A., PhD (History), Research Fellow, Center of Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: cjr-ran@yandex.ru

¹ Окончание. Начало опубликовано в журнале «Японские исследования» № 1, 2018.

Искусство управления вассальным домом: советы Такамото и Такакагэ

Предположительно почти одновременно с назиданиями из 14-ти пунктов в том же 1557 г. Мотонари направил отдельное письмо старшему сыну и главе дома Такамото. В нём повторяется тема первого послания с призывом к единению между тремя братьями: «Если между [вами] троими даже по незначительному поводу случится размолвка и невзлюбите друг друга можете считать, что в скором времени [вас] постигнет гибель. Ныне для [блага] этого дома, верно, нет надобности ни в оберегах, ни в глубоких раздумьях. Только лишь эти установления, не говоря уже о вас и двух [ваших братьях], и для [ваших] детей станут оберегом». Это увещевание Мотонари неоднократно повторяет. «Тайна нашего дома [Мори] и [всех] трёх домов [скрыта] только в этом», – подчёркивает он. Хорошие отношения между сыновьями важнее «свитка с [военным] трактатом», – пишет Мотонари.

Под свитком, о котором идёт речь в письме, подразумевается трактат, который будто бы получил Чжан Лян (?–186 до н.э.) – полководец и политик времен династии Хань. По преданию, изложенному в «Ши-цзи», загадочный старец вручил ему дощечки с трактатом о военном искусстве «Тай-гун бин фа» («Военное искусство Тай-гуна») [5, с. 210, 211]. Чжан Лян пересказывал содержание сочинения Лю Бану, будущему основателю династии Хань. Как отмечал Р.А. Вяткин, книга «Тай-гун бин фа» не обнаружена, хотя упоминается в некоторых древнекитайских источниках [5, с. 364].

В Японии с этой книгой отождествлялся и многократно копировался военный трактат из 42 статей, а образ Чжан Ляна как мудреца присутствует в изобразительном искусстве японского Средневековья. Ценность произведения видели не столько в его статьях, где изложены тайны военного мастерства, сколько во введении к нему, в котором обладателю текста сулились военные победы и замиренняя страна [18, с. 142, 147]².

В музее Мори хранятся два списка трактата, один из которых в 1561 г. переписал Мори Такамото, а в 1623 г. – Мори Тэрумото. Обе копии восходят к тексту, переписанному Мотонари в 1555 г. с ещё более раннего списка. Примечательно, что Мотонари скопировал трактат за два месяца до битвы при Ицукусима. Возможно, князь верил, что обладание им обеспечит непобедимость на войне [18, с. 141; 19, с. 355, 356].

Другие письма отражают тревогу, беспокойство и недоверие, которые испытывал Мотонари. «Положение дел ныне [вызывает] гораздо больше опасений, чем прежде... Куда ни посмотри, если в одном месте что-то дурное происходит, кажется и где угодно, верно, случится что-то плохое, потому, что и говорить, тревожно», – откровенно признаётся он Такамото.

Он опасается не только сильных врагов – домов Амаго и Отомо, но и своих вассалов и союзников. «Мои дети, верно, навлекают на себя особую ненависть других. И когда [будет грозить гибель], каждого из вас поодиночке другие не пощадят», – пишет он трём сыновьям (ст. 3). Такамото он предупреждает, что в княжестве Мори, «не говоря уже о других уделах, верно, нет никого, кто желал бы добра этому дому». И даже в доме Мори есть недоброжелатели, подозревает Мотонари.

Он осознавал, что дом Мори возвысился над другими кланами провинций Аки и Бинго относительно недавно, в XV – начале XVI века. Мори были такими же провинциальными

² Этот трактат упоминается в двух письмах Мотонари, адресованных Кобаякава Такакагэ.

воинами (*кокудзин*), как и их нынешние вассалы. «И не припомню, кто из подвластных нам воинов Аки и Бинго желал бы в сердце добра нашему дому. Верно, думают день и ночь, как же горько повиноваться Мори нашим сотоварищам», – признаётся он Такамото. Это недоверие не только отражает дух той эпохи, наполненной предательствами, коварством и интригами, но и показывает неуверенность Мотонари в прочности своей власти, несмотря на впечатляющие военные успехи. Возникает ощущение, что его беспокоит недостаточная легитимность господства Мори в глазах самураев вассальных и зависимых кланов.

За сравнительно короткий срок Мори захватили огромные территории. Но опыта управления столь обширным уделом и подходящих кадров не хватало, писал Мотонари:

«...[Приходится] управлять поистине обширными [землями], пятью или десятью провинциями. Но [способных] управителей и рассудительных [вассалов] мало: что должно быть завершено сегодня, откладывается на десять дней, то, что в этом месяце – на будущий месяц, или следующий за ним, что крайне досадно».

Судя по всему, для Мотонари именно единство между ближайшими родичами должно способствовать удержанию так быстро обрётённого могущества. По его мнению, единение Такамото, его братьев и Сисидо Такаиэ, зятя Мотонари, должно обеспечить контроль над вассалами и безопасность перед лицом внешних угроз. «Если, как и ныне, три дома будут в ладу [друг с другом], смею надеяться, что люди в княжестве не будут злоумышлять [против вас]. И, верно, не будет особенных опасений из-за других домов и других уделов», – указывает он. Напротив, взаимные раздоры вызовут презрение вассалов. Для Мотонари важно не только поддержание гармонии и согласия в отношениях между близкими родственниками, но и совместное обсуждение дел, о чем он говорит Такамото. Младшие братья и его зять Такаиэ должны принимать деятельное участие в делах дома Мори.

Другая важная тема наставлений Мори Мотонари – властвование над вассальным домом, нравы вассалов, отношения господина (*даймё*) и самураев. Об этом говорится в письмах к Такамото и к Кобаякава Такакагэ. Мотонари придаёт большое значение введению правильных законов (*хатто*, 法度) для надлежащего управления и сетует, что из-за войн и неспокойной политической обстановки вынужден его откладывать. По всей видимости, прав Акияма Нобутака, считающий, что нет причин видеть в *хатто* именно законодательный свод, скорее речь идёт о требующихся новых указах. В документах дома Мори *хатто* – это и законы для управления княжеством и вассальным домом [7, с. 258, 259].

Мотонари обеспокоен умонастроениями (*кокоромоти*, 心持) и состоянием обычаев (*нараи*, ならい) вассалов. Наставляя Такамото, он говорит, что после победы над домом Оути сердца самураев дома Мори, какого бы статуса они ни были, переменились. Они разбогатели, их охватило высокомерие и своеволие, и лишь внешне они ведут себя благопристойно.

В то же время он превозносит состояние нравов в доме Мори при своём деде и отце, которые «превосходили [других] чувством долга и потому не предали смерти ни одного человека». Потому и почтение вассалов к ним было исключительным, рассуждает Мотонари. Но после смерти Окимото, при его сыне Комацумару моральные устои клана Иноуэ и других самураев начали приходить в упадок. Мотонари говорит Такакагэ, что долго не занимался этим вопросом. В связи с этим он оправдывает истребление клана Иноуэ необходимостью

исправления нравов и обычаев в своём доме: «Подумал, если в правление Такамото такие обычаи сохраняются, дом [Мори] пресечётся».

Мотонари представляет устранение Иноуэ как исключительную меру, так как господин, обладающий способностями правителя, не убивает своих людей «...Когда господин предаёт смерти своих людей, он всё равно что отрубает [себе] руки и ноги, оттого нет худшего зла». В обычных обстоятельствах это недопустимо, наставляет он Такакагэ. В то же время Мотонари описывает расправу как неизбежное зло, говоря о необходимости расквитаться за обиды и вспоминая о высокомерии клана Иноуэ. Он призывает Такакагэ управлять домом Кобаякава с осторожностью, избегать необдуманных распоряжений, в противном случае вассалы начнут презирать господина.

Дом Мори именуется в письмах Мотонари *токэ* (当家), *уцуро* (洞), *токастю* (当家中), *коно катю* (此家中), а вассальные дома других кланов – *такэ* (他家). Для обозначения вассального дома Мори и других кланов также используется бином *катю* (家中) – *Кобаякава катю* (小早川 家中), *Киккава катю* (吉川 家中). Почти во всех приведённых примерах присутствует иероглиф «дом» (家). Характерно, что кланы Киккава и Кобаякава, которые возглавили сыновья Мотонари, рассматриваются не как часть дома Мори, а как самостоятельные единицы. Конечно, Мотохару и Такакагэ, как неустанно напоминает Мотонари, не должны оставаться в стороне от разработки военно-политического курса Мори, но они для него не только сыновья, но и зависимые союзники, управляющие своими вассалами. Само напоминание им о происхождении из рода Мори, о важности сплочённости с Такамото свидетельствует о том, что встав во главе других домов, Мотохару и Такакагэ получали большую самостоятельность, распорядиться которой можно было по-разному.

Исследователи отмечают, что вассальные дома *сэнгоку даймё* были гетерогенны. Наследственные вассалы обычно более прочно зависели от даймё, ведь ему служили их предки. В то же время другие самураи могли до периода *Сэнгоку* обладать тем же статусом, что и даймё. Так, Мори в XV – начале XVI века участвовали в лигах провинциальных землевладельцев (*кокудзин икки*) провинции Аки как равные по отношению к Киккава и Кобаякава и другим кланам [22, с. 131]. Даже признав верховенство более сильного дома, провинциальные самураи сохраняли укреплённые замки, земли и свою группу потомственных вассалов. Обычно такие мощные провинциальные кланы периода «воюющих княжеств» в японской историографии называются *кунисю* (国衆)³. В письмах Мотонари они соответствуют «другим домам» – *такэ* (他家). Они гораздо меньше зависели от даймё по сравнению с вассалами в княжествах (*хан*, 藩) эпохи Токугава, которые, как правило, не обладали своими крепостями и зачастую не владели землёй, а получали жалованье из княжеской казны [12, с. 66]⁴.

³ Акияма констатирует слабость власти *сюго* (военных наместников) в провинциях Аки, Бинго и Ивами в период Муромати, которым успешно противостояли сотрудничавшие между собой провинциальные военные дома, нередко возводившие родословную к *гокэнин* (прямым вассалам) Камакура бакуфу [7, с. 248].

⁴ Икэ пишет, что в эпоху Эдо, после отделения крестьян от воинов, вассалы даймё были оторваны от земельных владений и сосредоточены в городах близ замков даймё. Выросло число самураев, получавших рисовый паёк от даймё, средства для которого собирали с крестьян княжеские чиновники *дайкан*. В этом смысле самураи эпохи Токугава коренным образом отличались от воинов периода *Сэнгоку*, которые были прочно связаны со своими земельными владениями, что было материальной основой сохранения их домов (*катю*) [12, с. 66].

Дом Мори возвысился благодаря политической изворотливости и военным дарованиям Мотонари. Это могущество покоилось не только на военных победах, но и на выстроенной сети личных связей, подкреплённой родственными браками, и превращении его детей в сюзеренов двух влиятельных кланов. Подобная структура власти характерна и для многих других *сэнгоку даймё*. Как подчёркивал Икэ Сусуму, господство *сэнгоку даймё* не основано, как в Новейшее время, на неперсонифицированной, безличной бюрократии, а осуществляется посредством личных связей с другими военными домами [11, с. 185, 186]. В княжествах не отрицается определённая автономия вассалов, а власть *сэнгоку даймё* существует благодаря их признанию [11, с. 318]. Вместе с тем некорректно говорить о полной независимости. Например, Мураи показал, что после того, как дома Киккава и Кобаякава перешли под начало сыновей Мотонари, в них были инкорпорированы вассалы дома Мори. При поддержке Мори Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ усилили контроль над своими домами [25, с. 185].

Гетерогенность вассальных связей Мори обусловила сложную и неунифицированную структуру управления уделом: в провинциях Аки, Бинго и Ивами глава дома Мори выступал прежде всего как лидер союза *кунисю* – влиятельных военных домов, чьи позиции во многом основаны на личных, в том числе родственных связях. В бывших владениях Оути и Амаго дом Мори в большей степени воспринимался в качестве носителя публичной власти, силы, подобной *сюго* или *сёгунам*. В разных частях княжества Мори прибегали к разным методам управления [7, с. 248, 249].

Мотонари не мог не осознавать значительную самостоятельность и силу влиятельных военных кланов, подчинявшихся ему. Это и обусловило его недоверие и подозрительность по отношению не только к *кунисю* провинций Аки и Бинго (*Бигэй-сю*, 備芸衆), но даже и по отношению к самураям дома Мори (*ути-но моно*, 内之者, *катю-но моно домо*, 家中之者共).

Заключение

В посланиях Мори Мотонари подчёркивается необходимость единства между его сыновьями: Такамото, главой клана Мори, и Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ. Это единство понимается как повиновение Мотохару и Такакагэ старшему брату, а также как соучастие последних в управлении домом Мори. Младшие братья предстают в наставлениях скорее как младшие (зависимые) союзники, а не вассалы. Отец убеждает их следовать указаниям старшего брата и быть с ним заодно, поскольку это соответствует их интересам. Сплочение близких родичей рассматривается как средство укрепления власти каждого из них по отдельности над кланами Мори, Киккава и Кобаякава и, в конечном счёте, как условие продолжения дома Мори. Взаимопонимание и сотрудничество между сыновьями должны были стать одной из скреп политической системы, выстроенной Мотонари, в условиях сохранения значительной самостоятельности вассальных кланов по отношению к власти *сэнгоку даймё*.

Письмо Мори Мотонари сыновьям⁵

Такамото, Мотохару, Такакагэ
 направлено это [письмо]
 [от] Ума-[но ками]⁶ Мотонари

Если забыл [что-либо], могу снова [написать]. В этом письме могут быть пропущены знаки и иное, наверное, есть и ошибки [в] *тэниха*⁷. [Пожалуйста, читайте], представляя как правильно⁸.

О том, какое [вам] троим иметь настроение в сердце, сейчас, [стало] возможно надлежащим образом поговорить. Тысяча осеней, десять тысяч лет,⁹ это [для меня] великая радость.

(1). Не раз уже говорил, важно заботиться и радеть о том, чтобы имя [рода] Мори до скончания времен не угасло.

(2). Мотохару и Такакагэ унаследовали другие дома¹⁰. Но поистине, это [произошло] совсем недавно¹¹. Никак не подобает, думая с пренебрежением, предавать забвению два знака [из имени] Мори¹². Нет надобности и говорить об этом.

(3). Хотя [об этом не раз уже] говорилось, скажу снова. Если между Вами троими будет даже в малом деле разлад, можете думать, что [все] трое, несомненно, сгинете. [Ведь вы] отличны от других людей. Мои дети, верно, навлекают на себя особую ненависть других. И потому, когда [будет грозить гибель], каждого из вас поодиночке другие не пощадят¹³. Даже если уцелеете, ради чего, опозорив [свое] имя, держаться одному или двум? Нет нужды и говорить.

(4). Такамото, опираясь на Такакагэ и Мотохару, сможет управиться и с внешними, и с внутренними делами. И [тогда] что станет [для него] преградой? Также и Мотохару, и Такакагэ, если только этот дом¹⁴ будет крепок, его силами смогут повелевать вассалами по своему разумению. Ныне как бы ни думали, что по своему разумению повелеваете своими

⁵ Документ насчитывает короткое введение, 14 статей и постскрипtum. В оригинальном тексте нумерация статей отсутствует, в переводе она проставлена ради удобства.

⁶ Ума-[но ками] (右馬頭) – название придворной должности, пожалованной Мори Мотонари императорским двором в 1533 г. Ума-но ками – начальник Умарё (右馬寮, «Отдела правой конюшни» (перевод термина – А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев). В период *Сэнгоку* такие должности рассматривались как почётные титулы, которые стремились получить *сэнгоку даймё* для повышения своего авторитета.

⁷ Тэниха (てにほ) – *тэниоха* – словоизменительные суффиксы и частицы в системе японской грамматики [9, с. 334].

⁸ Эта часть текста – постскрипtum (*оттэгаки*), сделанный рукой Мотонари.

⁹ Дословно – *сэнсю бандзай* (千秋万歳). Видимо, Мотонари выражает здесь свою радость в связи с тем, что выдался случай дать наставления сыновьям, и желает им здравствовать. В то же время Моримото трактует *сэнсю бандзай* как пожелание долговечности дому Мори [24, с. 167]. Менее вероятна другая трактовка: Мотонари выражает радость в связи с недавним разговором с тремя сыновьями, после которого были написаны эти поучения.

¹⁰ Другие дома – дословно *тамё-но изэ* (他名之家), «дома другого имени», то есть кланы Киккава и Кобаякава.

¹¹ Совсем недавно – *тодза* (当座).

¹² Дословно – *Мори-но нидзи* (毛利之二字) – два иероглифа из фамилии рода Мори.

¹³ Не пощадят – дословно – *мораси соро мадзiku соро* (もらし候まじく候), «несомненно, не позволят сбежать/уйти».

¹⁴ Дом Мори.

вассальными домами, если этот дом ослабевает, настроение людей переменится, и потому вам двоим важно [такое] настроение [хранить] в сердце.

(5). Как недавно говорил, даже если Мотохару и Такакагэ не будут согласны, [Такамото] следует всякий раз по-родительски проявлять снисходительность. Равным образом, если Такамото не будет согласен [с Мотохару и Такакагэ], если [вы] двое не слушаете [Такамото], поступите вопреки справедливости. Если же сюда¹⁵ соизволите явиться, поистине, как и Фукухара, Кацура и другие высокого и низкого [положения вассалы], чего бы дело ни касалось, не сможете не повиноваться приказаниям Такамото. Потому, хоть и сейчас положение дел таково¹⁶, в сердце вам надлежит помнить об этом.

(6). Хотел бы, чтобы этим наставлениям [следовали] вплоть до поколения внуков [дома Мори]. Коли будет так, три дома сохранятся [на протяжении жизни] нескольких поколений. Однако, хоть именно этого желаю, поскольку [наступил] век конца закона¹⁷, не могу предугадать, что так и [произойдёт]. И всё же, если [каждый из вас] при жизни не будет всенепременно держаться такого настроения в своём сердце, верно, лишитесь и чести, и всего [вашего] достояния.

(7). Нет более важного для [всех] вас дела, чем, проявляя сыновнюю почтительность, справлять заупокойные службы по Мёкю¹⁸.

(8). Я думаю с жалостью и участием о Горю¹⁹ и его почтенной супруге. Все [вы] трое непременно в своём сердце так же относитесь [к ним]. Если при жизни все трое не будете думать так же, несомненно, навлечёте [на себя] обиду Мотонари за это недостойное [поведение].

(9). Сейчас [они] дети, подобные маленьким букашечкам. Если же они станут взрослыми, и характер у них будет правильный, можно, проявив милосердие, отправить их на дальние границы [княжества]. Если же окажутся бестолковыми и неспособными, поскольку [дело касается] управления [уделом], как ни поступите с ними, будет по [вашему] разумению. Как бы ни сложилось, о том не думаю. Таково ныне настроение в моём сердце. Что же до [вас] троих и Горю, если хоть в чём-то обидите [его], проявите [ко мне] сыновнюю непочтительность.

(10). Я, против ожидания, сгубил многих людей, и оттого со смятением думаю, что воздаяние [за это] обязательно наступит. Но и вам важно быть осмотрительными. Если же расплата придёт при жизни Мотонари, нет нужды [об этом] говорить.

(11). Мотонари [было] 20 лет, [когда] Окимото покинул [его]²⁰. [С того времени] до нынешнего года прошло 40 с лишним лет. За это время [накатывали] и малые, и большие волны, [случались] войны дома [Мори]²¹ с другими домами, сколько же было разных

¹⁵ Сюда (*кокомото* 愛元) – ядро владений дома Мори – вотчина Ёсида в провинции Аки [3, с. 359].

¹⁶ Возможно, Мотонари указывает, что Мотохару и Такакагэ унаследовали другие дома.

¹⁷ Век конца закона – *массэ* (末世) – время упадка учения Будды, буддийской общины и порчи нравов, которое пришло по представлениям средневековых японцев в 1052 г.

¹⁸ Мёкю – дочь Киккава Куницунэ, жена Мори Мотонари (? – 1545). Была матерью Такамото, Мотохару и Такакагэ.

¹⁹ Горю – могущественный вассал дома Мори Сисидо Такаиз (? – 1592), женатый на дочери Мотонари. Горю-дзё (五龍城) – его замок-резиденция.

²⁰ Мори Окимото умер в 1516 г.

²¹ Дом Мори – дословно – *уцуро* (洞). Это слово со сходным значением также встречается в «Юки-си синхатто», законах Юки Масакацу (1556 г.), удел которого располагался на востоке Японии в области Канто [27, с. 301].

перемен. Но Мотонари один смог выстоять. Непостижимо это, что и говорить. Я ни доблестью, ни бесстрашием, ни умом и способностями не отличался от других, не превосходил других тем, что был прям и [следовал] прямым путём, не оберегали [более других] бодхисаттвы и божества, ни в чём из этого не выделялся, но сумел устоять. Отчего бы ни было так, мне не дано знать. Но хоть и желаю скорее успокоить сердце, немного насладиться радостью от этой жизни, и с безмятежным сердцем молиться о жизни последующей²², такое невозможно, нечего и говорить.

(12). Когда в 11 лет [жил] у земляного вала²³, к [ныне] покойному Иноуэ Кавати-но ками²⁴ зашёл один странствующий монах, чтобы передать важность памятования о Будде, устроил [проповедь]. Оката доно²⁵ посетила [её] и восприняла [наставления]. Мне в 11 лет равным образом [от неё] было передано [это поучение], и [с того времени] до этого года каждое утро много молился. Узнал, что если поклонись восходящему солнцу и десять раз возгласишь памятование о Будде, – вознесёшь молитвы о [благополучии] в этой жизни, не говоря уже о жизни последующей. И я согласно [древним] обычаям к солнцу²⁶ обращаю молитвы о [благополучии] в этой жизни. И думаю, не стало ли это моей защитой. И потому желаю, чтобы [вы] трое каждое утро делали бы так же. И луне, и солнцу надо равным образом [поклоняться].

(13). Я непостижимым образом в глубине своего сердца чтит [божество] Ицукусима²⁷, издавна поклоняюсь [ему]. И первый раз во время битвы при Осикибата²⁸, когда уже началось сражение, из Ицукусима пришёл Исида Рокуро Саэмоннодзё²⁹, принесённый священный рис³⁰ [и] кандзю³¹. И потому, решив, что [это] знак свыше³², сражался с ещё [большим воодушевлением] и победил. После этого, когда я переправлялся на Ицукусима для

²² Последующая жизнь – *годзё* (後生). Бином имеет несколько значений, в том числе «перерождение после смерти в новом облике», а также «возродиться в раю после смерти», «посмертное блаженство». В данном случае, по-видимому, Мотонари выражает намерение молиться о возрождении в «Чистой земле» Будды Амида.

²³ Земляной вал – *дои* (土居), земляная насыпь вокруг замка периода *Сэнгоку*. Здесь говорится об усадьбе близ замка Саругакэ, в которой провёл детство Мотонари [3, с. 360].

²⁴ Иноуэ Мицуканэ (? – ?) – вассал дома Мори.

²⁵ Оката доно – госпожа Оката (大方殿), наложница Мори Хиромото, из рода Такахаси. Когда в пять лет умерла мать Мотонари из рода Фукухара, взяла его на воспитание.

²⁶ Иероглиф солнце *хи* (日) употреблён с гонорифическим префиксом *о* (御). Вероятно, упоминаемое почитание солнца – проявление культа великой богини Аматаэрасу. Популярность солнечного божества, отождествлявшегося с Аматаэрасу, в период *Сэнгоку* отмечалась и католическими миссионерами [14, с. 195]. Возможно, культ луны, о котором свидетельствует письмо Мотонари, соотносится с почитанием богини Тоёукэ-химэ, которая в Средние века стала рассматриваться как лунное божество [8, с. 89]. Как известно, эти *ками* почитались в Исэ дзингу, причём Аматаэрасу во Внутреннем, а Тоёукэ-химэ – во Внешнем святилище этого комплекса [8, с. 177].

²⁷ В святилище Ицукусима, которое расположено на территории префектуры Хиросима (в период *Сэнгоку* – провинция Аки) почиталось несколько божеств, в том числе и Аматаэрасу. Подробнее [8, с. 178].

²⁸ В битве при Осикибата в 1554 г. отряды Мори разбили силы дома Оути.

²⁹ Исида Рокуро Саэмоннодзё (石田六郎左衛門尉) – посланец Танамори Фусааки (棚守房頭, 1495–1590), настоятеля святилища Ицукусима. Впоследствии Фусааки удостоился многочисленных милостей и наград дома Мори и неоднократно проводил молебны об их военных победах.

³⁰ Священный рис – в оригинале *окумэ* (御久米). Согласно комментарию Исии *окумэ* – рис, преподносимый в святилища божествам (*кумасинэ*) [3, с. 361].

³¹ *Кандзю* (巻数) – предоставляемый из храма заказчику документ с перечнем названий сутр, читавшихся во время молитв, о которых он просил.

³² Чудесный знак – *симпэн* (神変). Знамение, благоприятное для войска Мори.

укрепления³³ [замка]³⁴, внезапно приплыли три вражеских корабля, началась битва, и было добыто в бою множество вражеских голов, которые были выставлены у крепости. И тогда я подумал: не благое ли это знамение, [предвещающее], что одержу большую победу на этом острове?³⁵ Тогда успокоил сердце: выпала такая удача, когда Мотонари переправлялся, значит оберегает великое пресветлое божество. Важно, чтобы и все [вы] поклонялись [божеству] Ицукусима, таково [моё] заветное желание.

(14). Высказал сейчас, то, что давно хотел высказать. И кроме этого в моей душе нет другого [что желал бы записать]. Лишь это. Только [изложенное] – мои сокровенные чаяния. Весьма рад, смиренно и с почтением

[3-й год девиза правления Кодзи] 11-й месяц, 25-й день

Мотонари монограмма

Такамото
Такакагэ
Мотохару

Это направляю

Письмо Мори Такамото

Такамото с почтением направлено

[от] Ума-[но ками] Мотонари

После прочтения этого [послания], прошу [его] вернуть³⁶

Уже писал в свитке [с наставлениями]³⁷, но это исключительно важное дело. Осмелюсь сказать, что для [Вас] троих это важнее, чем обереги и что бы то ни было ещё, потому пишу отдельное письмо. Если между [вами] троими даже по незначительному поводу случится размолвка и невзлюбите друг друга, можете считать, что в скором времени [вас] постигнет гибель. Ныне для [блага] этого дома, верно, нет надобности ни в оберегах, ни в глубоких раздумьях. Только лишь эти установления, не говоря уже о вас и двух [ваших братьях], и для [ваших] детей станут оберегом. Они важнее свитка с [военным] трактатом [Чжан Ляна]³⁸. Если, как и ныне, три дома будут в ладу [друг с другом], смею надеяться, что люди в княжестве³⁹ не будут злоумышлять [против вас]⁴⁰. И, верно, не будет особенных опасений из-за других домов и других уделов.

³³ Укрепление – *фусин* (普請). Это слово обычно обозначало ремонт, а также строительство дополнительных укреплений замка.

³⁴ Крепость Мияо-дзё на северо-западном побережье острова Ицукусима. Согласно комментарию Исии, речь идёт о событиях 1555 г., когда замок был построен, а Мотонари отправился с целью его инспекции. Его корабли были внезапно атакованы врагом, в морском сражении победили силы Мори [3, с. 361].

³⁵ Намёк на битву при Ицукусима в 1555 г., в которой Мори Мотонари победил Суэ Харуката.

³⁶ Эта часть письма – постскриптум (*оттэгаки*).

³⁷ Свиток [с наставлениями] – дословно – *макимоно* (巻物). Вслед за Кисида я считаю, что речь идёт о послании из четырнадцати пунктов трём сыновьям [18, с. 140].

³⁸ Чжан Лян (?–186 до н.э.) – полководец и политик династии Хань, по преданию получил от загадочного старца свиток с трактатом о военном искусстве.

³⁹ В княжестве – *кокутю*, *кунидзю* (国中), т.е. в уделе дома Мори. Люди (*хитобито*, 人々) – самурайские кланы.

И в этом княжестве, не говоря уже о других уделах, верно, нет никого, кто желал бы добра нашему дому⁴¹.

И в нашем доме в зависимости от человека и времени могут быть те, кто не особенно желает добра [Мори].

Если, как и ныне, три дома⁴² будут в ладу, над этим домом [будете властвовать] по вашему разумению, дом Кобаякава [будет управляться] по усмотрению Такакагэ, дом Киккава – по воле Мотохару. Если даже из-за пустяка будет [между вами] разлад, прежде всего, навлечёте презрение [вассалов] вашего дома и ничего не будет удаваться [как задумывали]. Тайна нашего дома [Мори] и [всех] трёх домов [скрыта] только в этом. Свиток [с трактатом о военном искусстве] – эти [назидания]. Если хоть из-за мелочи возникнет разлад между братьями, можете считать, это станет причиной [вашей] гибели. Да преумножатся счастливые события. С почтением.

Если бы жива была [ваша мать] Мёкю, она бы сама сказала об этом, [теперь], думаю, что [об этом] должен сам позаботиться. С почтением.

Письмо Кобаякава Такакагэ⁴³

Матаси[ро]⁴⁴ с почтением направлено
[от] Ума-[но ками] Мотонари

Будьте осмотрительны⁴⁵. Чего бы дело не касалось, если не проявите терпение, будет, в чём упрекнуть. Я⁴⁶ за сорок лет после смерти Окимото терпел, прислуживая отпрыскам [рода] Иноуэ, будто [своим] господам. Сможете ли представить, как же горько было тогда. Так продолжалось уже сорок лет, нечего и говорить, [как же] долго сносил. К этому времени [я] уже постарел, и думал, что же будет, если не расквитаться за такие обиды, и [потому] тогда всё произошло. В обычных делах нельзя [допускать] ни малейшей оплошности. Прежде всего, когда господин предаёт смерти своих людей⁴⁷, он всё равно что отрубает [себе] руки и ноги, оттого нет худшего зла. Хотя и нет ничего, что превзошло бы это зло, в этом доме необходимо было так поступить, потому как это было неизбежно, так и сделал. В обычных обстоятельствах такого быть не должно. Дошло до меня, что в вашем [доме Кобаякава] ваши родственники и вассалы⁴⁸ [следуют] хорошим обычаям, все служат с беспримерным усердием, потому [сказать об этом] важно. Если даже дело незначительное,

⁴⁰ Не будут злоумышлять [против вас] – в оригинале *комата ва какарэмадзiku соро* (小股かゝれまじく候).

⁴¹ Дом Мори.

⁴² Мори, Киккава, Кобаякава.

⁴³ Предположительно датируется 1550 г., было послано вскоре после создания поучений Мотонари из 14 статей. Перевод письма осуществлён с незначительными сокращениями.

⁴⁴ Матаси[ро] (又四郎) – Кобаякава Такакагэ.

⁴⁵ Дословно – *аикамаэтэ* (相構へて), «будь осторожен», «хорошо обрати на это внимание».

⁴⁶ В оригинале *варэварэ надо* (我々など). Представляется, что *варэварэ* в данном случае следует переводить не местоимением «мы», но местоимением «я». *Варэварэ* согласно словарю «Кодзиэн» может быть скромным, самоуничижительным наименованием 1-го лица в единственном числе. *Надо* в наставлениях Мори используется в том числе для смягчения выражения, но не для выражения множественного числа.

⁴⁷ Свои люди – *ути-но моно* (内之者), вассалы, люди дома Мори.

⁴⁸ Ваши родственники и вассалы – *госинруй, гохикан-тю* (御親類 御被官中).

но [господином] дано повеление, не должно быть пренебрежения. Если отдадите странные распоряжения, ваш приказ может [быть встречен] с презрением. Как слышал, до сего дня вассалы [дома Кобаякава] вас хвалили. И хоть не говорят совсем ничего дурного, если вдруг отдадите странные распоряжения, вассалы неожиданно могут презрительно [о вас] отозваться, хорошо усвойте [это].

Обычно если господин предаёт смерти своих людей, это происходит из-за его непригодности [к управлению]. Способный [к управлению господин] не убивает своих людей. Хорошо усвойте [это]. В этом доме после смерти Окимото во время малолетства господина Комацу⁴⁹ обычаи [вассалов], и прежде всего [клана] Иноуэ, испортились. [После того вассальный дом] принял Мотонари. От Мотонари с рождения не было толка. Не исправляя [нравы вассалов], провёл годы. В конце концов нравы совсем испортились. Подумал, если в правление Такамото такие обычаи сохраняются, дом [Мори] пресечётся, и такое беспримерное злодейство вынужден был совершить.

Если господин [вассального] дома [обладает] способностями, он не предаёт смерти своих людей, и управляет хорошо, именно это должно стать [для вас] образцом [правления]. В этом доме мой дед Тоёмото, отец Хиромото превосходили [других] чувством долга⁵⁰ и потому не предали смерти ни одного человека. Также и почтение к [ним] людей дома⁵¹ было беспримерным. Именно это должно стать [для вас] образцом [правления]. Будьте осмотрительны. В вашем доме, как говорят, служат преданно и ревностно⁵² все [ваши люди], и потому, [пожалуйста], нисколько этому не повредите своими распоряжениями, следует управлять взвешенно и осмотрительно.

Смирено и с почтением.

10-й [месяц] 23-й день
Мотонари (монограмма)

Матаси[ро] с почтением направлено
[от] Ума-[но ками] Мотонари

Прошу без промедления вернуть мне это письмо.
Хорошо вникнув в [эти наставления], пожалуйста, верните.

Письмо Мори Такамото⁵³

Такамото с почтением направлено
[от] Ума-[но ками] Мотонари

⁴⁹ Комацу – Комацумару (幸松丸) – сын Окимото, старшего брата Мотонари.

⁵⁰ Чувство долга – гибун (儀分). Ги (義), гири (義理) – долг, чувство долга (кит. и), – понятие конфуцианской доктрины, относящееся к пяти постоянствам (кит. у чан) существования человека, представляет собой нормы должных социальных отношений, в том числе между государем и подданным.

⁵¹ Люди дома – ути-но моно (内之者).

⁵² Преданно и ревностно – дословно – нараи ёку (ならいよく).

⁵³ Перевод письма осуществлён с незначительными сокращениями.

Поскольку много написал о [различных] делах, письмо после прочтения прошу вернуть. Кроме того, о прошлом написал излишне много⁵⁴.

В этих двух ваших письмах ответ прочитал, мог тотчас ответить, но промедлил из-за срочных дел, прежде всего [касающихся] Биттю⁵⁵, [а также] Тёсю-дзё⁵⁶.

Положение дел ныне [вызывает] гораздо больше опасений, чем прежде. Хотя и победили в войне, управляем поистине обширными [землями], пятью или десятью провинциями. Но [способных] управителей и рассудительных [вассалов] мало: что должно быть завершено сегодня, откладывается на пять или десять дней, то, что должно быть сделано в этом месяце – на будущий месяц, или следующий за ним, что крайне досадно.

Куда ни посмотри, если в одном месте что-то дурное происходит, кажется, и где угодно, верно, случится что-то плохое, потому, что и говорить, тревожно.

Поскольку дела обстоят так, над этим не раздумываю, поистине желаю⁵⁷, пусть всё будет как будет.

Что же до вассального дома, как всякий раз говорю, настроения всех вассалов, настроения верхов и низов, всех людей ныне таковы, что будущее [вызывает лишь] тревогу. Хотя до Окимото состояние [вассального дома] было надлежащим, [он] удивительно рано умер. И поскольку господин Комацу[мару] был мал годами, обычаи [дома Мори стали] приходить в упадок. Но в доме [Мори] были [вассалы] высокого положения, и хоть и сказал, что пока господин был мал годами, обычаи приходили в упадок, [отношения в вассальном доме были] подобающими. Кроме того, это было давно, и потому нынешнее время отличается [от того времени], как небо от земли. Чего и говорить. После этого наступило время моего правления. Сражался с [кланом] Амаго, не занимался ни [созданием] установлений⁵⁸, ни чем-либо иным, но [думал лишь о том], как сохранить дом [Мори]. И по разным вопросам даймё⁵⁹, складывая ладони, [к вассалам обращался с просьбами], полагался [на них] по всевозможным делам войны, потому и в моё правление обычаи пришли в ещё больший упадок. Действительно, вся [область] Тюгоку⁶⁰ повиновалась [дому] Амаго. И в этой провинции [Аки] Такэда, настоятель [святилища Ицукусима], [кланы] Кобаякава, Хирага, все [были] на стороне Амаго. И поскольку этот дом [Мотонари] был один, нужно ли оправдываться, [почему] не принял установления вассального дома и иное. Но поскольку [в доме Мори] было много тех, кто знал, [как было в] старину, и прежде всего Кодзукэ-но сукэ, [отпрыски] дома Иноуэ, Бунго-но ками, Хиго-но ками, Хоки-но ками, а также Курия

⁵⁴ Эта часть письма – постскрипtum. В начале написано – *нао нао моси соро* (尚々申候), что характерно для постскриптумов в японских письмах.

⁵⁵ Провинция в Западной Японии.

⁵⁶ Тёсю-дзё – 長州城. Тёсю – провинция Нагато (長門). Видимо, речь идёт о крепостях (城) провинции Нагато.

⁵⁷ В оригинале стоит бином *окуи* (億意). Исии в комментарии отметил, что значение этого слова неясно [3, с. 366]. Возможно, иероглиф 億 употреблён чисто фонетически, а подразумевается *окуи* (奥意) – «сокровенное желание, сокровенные мысли».

⁵⁸ Установлений – *окитэ* (掟), т.е. законов.

⁵⁹ Даймё – в тексте *уэ ёри* 上より.

⁶⁰ Область Тюгоку – западная Япония.

Камон, Куниси Бинго-но ками, Хида-но ками⁶¹ и другие, хоть и сказал, что обычаи пришли в упадок, [в вассальном доме] был надлежащий порядок.

Ныне Кодзукэ-но сукэ и остальные все умерли, поистине, около меня [служат] лишь дети⁶², не знаю, что поделать. И хотя так обстоят дела, и [сил] недостаточно, ныне случилась непредвиденная война с [землём] Суо⁶³, не входившая в истинные [мои] намерения. Но во время гибели высочайшего дома Оути этот дом стал врагом⁶⁴ и в войне одержал победу.

По этой причине и простые, и высокого положения [вассалы Мори], богатея, возжелали стать ещё богаче, и неожиданно сердца всех людей переменились. И ничего [с этим не поделать]. Если в большой войне одержана победа, положение господина должно упрочиться, но напротив положение военачальника становится шатким, всех его воинов [охватывает] высокомерие и своеволие, и внутри [они] таковы. И лишь с виду [вассалы] учтивы, лишь снаружи так выглядят.

И поскольку в войне одержана большая победа, сокровенное моё желание сейчас – [утвердив] законы, вершить правление как должно, следуя правильному пути, но земля Идзумо⁶⁵ – сильный враг. Чего [ожидать от] Бунго⁶⁶, не ведаю. И чего [ожидать] от Курусима⁶⁷ – не знаю. И не припомню, кто из подвластных нам воинов Аки и Бинго⁶⁸, желал бы и в сердце добра нашему дому. Верно, думают день и ночь, как же горько повиноваться Мори нашим сотоварищам. В такое время хоть в войне, кажется, и победили, всё ещё нет спокойствия, и оттого задерживается [надлежащее] правление и [введение] законов, [что] до крайности досадно.

То, что само собой разумеется, не нужно снова повторять, но насколько возможно три брата и Сисидо Такаиэ [должны быть] заодно, учитывая нынешнее положение в вассальном доме; как всякий раз говорю, если люди этого дома не будут управляться [совместно] силами Такакагэ, Мотохару, Такаиэ, [вассалы] хоть с виду и будут казаться почтительными, но внутри, несомненно, будут относиться с пренебрежением.

Но если будет видно, что, как и сейчас, втроём или вчетвером советуетесь по любому делу, думаю, и в душе, несомненно, никто не будет [вас] презирать. Разумеется, используя

⁶¹ Видные вассалы дома Мори. Согласно комментарию Исии, Кодзукэ-но сукэ – Сидзи Хироёси (1467–1557) [3, с. 367], который помог Мотонари в 1523 г. занять место главы дома Мори. Упомянуты также представители родов Иноуэ, Курия и Куниси.

⁶² Дети – *варавабэ-сю* (童衆). Вероятно, Мотонари сетует, что вокруг него остались лишь молодые вассалы.

⁶³ Война с [землём] Суо – война дома Мори и Оути Ёсинага, поддерживаемого Суэ Харуката, который сверг Оути Ёситака. Суо (周防) – название провинции на юго-западе Хонсю, которая входила в удел Оути. В данном случае Суо – дом Оути после свержения Оути Ёситака. В письмах *сэнгоку даймё* те или иные кланы именуются по названию провинции, которая была центром их княжества.

⁶⁴ Дом Мори стал врагом Суэ Харуката и его ставленника Оути Ёсинага.

⁶⁵ Земля Идзумо (出雲) – дом Амаго, ядром княжества Амаго была провинция Идзумо.

⁶⁶ Бунго (豊後) – название провинции на Кюсю, здесь обозначает дом Отомо (大友), с которым Мори воевали за контроль над севером Кюсю.

⁶⁷ Курусима (来島) – ветвь рода Мураками, центр владений которой находился в провинции Иё на острове Сикоку. Обладая сильным флотом, в Средние века Курусима занимались торговлей и пиратством в Японском внутреннем море. Помогли Мотонари одержать победу в битве при Ицукусима в 1555 г., а затем активно участвовали в военных кампаниях Мори.

⁶⁸ Дословно *Бигэй-сю* (備芸衆). *Би* (備) – первый иероглиф названия провинции Бинго (備後), *Гэй* (芸) – провинции Аки (安芸). *Сю* (衆) указывает на группу людей, в данном случае на самурайские кланы Бинго и Аки.

силу нашего дома, Мотохару, Такакагэ, Такаиэ и своими домами смогут управлять. [Вам] следует так относиться друг к другу.

И что бы ни произошло, даже если случится в Аки и Бинго что-то, вызывающее опасения, если будете едины втроём и вчетвером, со стороны других провинциальных воинов⁶⁹, смею надеяться, неожиданностей, без сомнения, не произойдет. И говорить нечего. Напишу [о том] в отдельном письме. С почтением.

Библиографический список

Источники

1. Асакура Эйрин кабэгаки : [Настенные предписания Асакура Эйрин] // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подгот. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
2. Дайнихон комондзё. Иэвакэ дайхати : [Древние документы великой Японии, разделенные по домам. Т. 8]. Мори кэ мондзё : [Документы дома Мори]. Ч. 2. URL: <http://www.hi.u-tokyo.ac.jp>
3. Письма Мори Мотонари / с коммент. Исии Сусуму // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подгот. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
4. Соундзи доно нидзю икка дзё : [Двадцать одна статья Соундзи доно] // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подгот. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
5. *Сыма Цянь*. Исторические записки («Ши цзи»). Т. 6 / пер. и коммент. Р.А. Вяткина. М.: Наука, «Восточная литература», 1992.
6. Ходзё Удзицуна какиоки : [Завещанное Ходзё Удзицуна] // Букэ какун икун сюсэй. Одзава Томио хэнсю : [Собрание наставлений и увещаний военных домов] / сост. и коммент. *Одзава Томио*. Токио: Периканся, 1993.

Литература

7. *Акияма Нобутака*. Сэнгоку даймё Мори-си но кэнкю : [Исследование сэнгоку даймё рода Мори]. Токио: Ёсикава Кобункан, 1998.
8. Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия Синто / под ред. И.С. Смирнова. М.: РГГУ, 2010.
9. Большой русско-японский словарь в 2-х томах / под ред. Н.И. Конрада. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
10. *Годзё Сазё*. Мори-кэ какун-но кэйсё : [Наследование наставлений дома Мори] // Кэнрицу Хиросима дайгаку сого кёику сэнта киё 2, 68–51, 2017.
11. *Икэ Сусуму*. Сэнгоку-ки но тиики сякай то кэнрёку : [Общество и власть в провинциях в период Сэнгоку]. Токио: Ёсикава Кобункан, 2010.

⁶⁹ Провинциальные воины – *кунисю* (国衆), провинциальные военные дома.

12. *Икэ Сусуму*. Тисё. Мори Мотонари. Кокудзин рёсю кара сэнгоку даймё э : [Мудрый военачальник. Мори Мотонари. От провинциального землевладельца к сэнгоку даймё]. Токио: Син Нихон сюппанся, 2009.
13. *Икэгами Хироко*. Сэнгоку-но гундзо. Нихон-но рэкиси. 10 : [Портреты периода Сэнгоку. История Японии. Т. 10]. Токио: Сюэйся, 1992.
14. *Исигэ Тадаси*. Сисоси-дзё Хидэёси : [Хидэёси с точки зрения идеологии] // Тоётоми Хидэёси-но субэтэ : [Всё о Тоётоми Хидэёси] / под ред. Кувата Тадатика. 3-е изд. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1991.
15. *Исии Сусуму*. Какун. Окибуми. Икки кэйдзё : [Клановые наставления, окибуми, договоры кокудзин икки] // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подгот. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
16. *Каваи Масахару*. Аки Мори итидзоку : [Род Мори из Аки]. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1984.
17. *Каваи Масахару*. Мори итимон данкэцу-но симбору. Мёкю : [Символ единства рода Мори. Мёкю] // Тюгоку даймё-но кэнкю. Сэнгоку даймё ронсю 6 : [Исследование даймё района Тюгоку. Сборник исследований о сэнгоку даймё 6] / под ред. Кисида Хиреси. Токио: Ёсикава Кобункан, 1984.
18. *Кисида Хиреси*. Мори Мотонари. Токио: Минэруба сёбо, 2014.
19. *Кисида Хиреси*. Мори Мотонари то Тёрё ка иккэн-но каки : [Мори Мотонари и книга Чжан Ляна] // Рюкоку дайгаку ронсю. № 474/475. 2010.
20. *Климов В.Ю.* Наставления дома Асакура – историко-правовой источник Японии конца XV века // История и культура традиционной Японии 3. *Orientalia et Classica*. М.: Наталис, 2010.
21. *Кондо Хитоси*. Сэнгоку дзидай. Букэ какун-но кэнкю : [Период Сэнгоку. Исследование клановых наставлений воинов]. Токио: Фукан сёбо, 1978.
22. *Курусима Норико*. Икки то сэнгоку даймё : [Икки и сэнгоку даймё]. Нихон-но рэкиси : [История Японии]. Т. 13. Токио: Коданся, 2001.
23. *Миямото Ёсими*. Сэнгоку даймё Мори-си но вахэй сэйсаку. Гэй ун вахэй сэйрицу о мэгуттэ : [Курс на заключение перемирия сэнгоку даймё рода Мори. К вопросу о заключении перемирия между Аки и Идзумо] // Нихон рэкиси, 1978, декабрь. Т. 367.
24. *Моримото Сигэру*. Мори Мотонари. 3-е изд. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1997.
25. *Мураи Рёсукэ*. Сэнгоку даймё кэнрёку кодзо-но кэнкю : [Исследование структуры власти сэнгоку даймё]. Киото: Сибункаку сюппан, 2012.
26. Официальный сайт музея Мори (Мори хакубуцукан). URL: <http://www.c-able.ne.jp>
27. *Полхов С.А.* Законодательные уложения Сэнгоку даймё. Исследования и переводы. М.: Кругъ, 2015.
28. *Полхов С.А.* Япония в эпоху Средневековья // История Японии / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект-пресс, 2018.
29. *Ямамура Кёко*. Гунью сосэйки. Сингэн. Удзицуна. Мотонари. Иэясу : [«Книга сотворения» героев. Сингэн. Удзицуна. Мотонари. Иэясу]. Токио: Асахи симбунся, 1995.
30. *Sansom George*. A History of Japan, 1334–1615. 7th printing. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1990.
31. *Steenstrup Carl*. Hojo Soun's Twenty One Articles. The Code of the Conduct of the Odawara Hojo // *Monumenta Nipponica*, Vol. 29, 1974, №3.

References

Primary sources

1. Asakura Eirin Kabegaki. (2001). [Wall Writings of Asakura Eirin] // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
2. Dainihon Komonjo. Iewake Daihachi. Mori-ke monjo [Old Documents of Japan. Documents of Mori clan]. Part. 2. URL: <http://www.hi.u-tokyo.ac.jp>
3. The Letters of Mori Motonari. (2001). Commentaries of Ishii Susumu // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
4. Sounji Dono Niju Ikka Jo. (2001). [Hojo Soun's Twenty-One Articles] // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
5. Syma, Tsyun'. (1992). Istoricheskiye zapiski (Shi tsi) [Ssu-ma Ch'ien, Historical Records] / Translated from the Chinese with a commentary by R.V. Vyatkin. M.: Nauka, 1992.
6. Hojo Ujitsuna Kakioki. (1993). [Hojo Ujitsuna's Testamentary Message] // Buke Kakun Ikun Shusei. Ozawa Tomio ed.: [The Collection of Teachings and Admonitions of Warrior Clans]. Tokyo: Perikansha, 1993.

Secondary sources

7. Akiyama, Nobutaka. (1998). Sengoku Daimyo Mori-shi no Kenkyu [The Study of Sengoku Daimyo of Mori clan]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1998.
8. Bogi, svyatilischa, obryady Yaponii. Entsiklopediya Sinto (2010) [Gods, Shrines and Rituals of Japan. The Encyclopedia of Shinto] / Smirnov I.S. ed. M.: RGGU, 2010.
9. Bol'shoi Russko-Yaponskii Slovar' pod red. N.I. Konrada (1970). T. 1. [Russian-Japanese Dictionary. N.I. Konrad ed. Vol. 1]. M.: Sov. Entsiklopedia, 1970.
10. Gojo, Saeko. (2017). Mori-ke Kakun-no Keisho: [The transmitting the Teachings of the Mori Clan] // Kenritsu Hiroshima Daigaku Sogo Kyoiku Senta Kiyo 2, 68–51, 2017.
11. Ike, Susumu. (2010). Sengoku-ki no Chiiki Shakai to Kenryoku [Local Society and Power during Sengoku Period]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 2010.
12. Ike, Susumu. (2009). Chisho. Mori Motonari. Kokujin ryoshyu kara sengoku daimyo e [The wise warlord. Mori Motonari. From the Provincial Landlord to Sengoku Daimyo]. Tokyo: Shin Nihon shuppansha, 2009.
13. Ikegami, Hiroko. (1992). Sengoku Gunzo. Nihon-no Rekishi. 10 : [The Portraits of the Sengoku Period. The History of Japan. Vol. 10]. Tokyo: Shuisha, 1992.
14. Ishige, Tadashi. (1991). Shisoshi-jo Hideyoshi [Hideyoshi from the Viewpoint of Ideology] // Toyotomi Hideyoshi –no subete [All About Toyotomi Hideyoshi]. Kuwata Tadachika ed. 3-rd edition. Tokyo: Shinjinbutsu oraisha, 1991.
15. Ishii, Susumu. (2001). Kakun. Okibumi. Ikki Keijo [Clan Teachings, Okibumi, The Treaties of Kokujin Ikki] // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
16. Kawai, Masaharu. (1991). Aki Mori Ichizoku: [Mori Clan from Aki]. Tokyo: Shinjinbutsu oraisha, 1991.
17. Kawai, Masaharu. (1984). Mori Ichimon Danketsu-no Shinboru. Myokyu [The Symbol of the Unity of the Mori Clan. Myokyu] // Chugoku Daimyo-no Kenkyu. Sengoku Daimyo Ronshu 6

[The Study of the daimyo of Chugoku Region. The Collection of Papers about Sengoku Daimyo 6] / Kishida Hiroshi ed. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1984.

18. Kishida, Hiroshi. (2014). Mori Motonari. Tokyo: Mineruba shobo, 2014.
19. Kishida, Hiroshi. (2010). Mori Motonari to Choryo ka ikken-no kaki: [Mori Motonari and the Book of Jhang Liang] // Ryukoku daigaku ronshu. № 474/475. 2010.
20. Klimov, V.Y. (2010). Nastavleniya doma Asakura – istoriko-pravovoi istochnik Yaponii kontsa XV veka (The teachings of Asakura clan – the judicial and historical source of the XVth century Japan // Istoriya I Kul'tura Traditsionnoi Yaponii [The History and Culture of the Traditional Japan] 3. Orientalia et Classica. M.: Natalis, 2010.
21. Kondo, Hitoshi. (1978). Sengoku Jidai. Buke kakun-no Kenkyu [Sengoku Period. The Study of the warrior clan teachings]. Tokyo: Fukun shobo, 1978.
22. Kurushima, Noriko. (2001). Ikki to Sengoku Daimyo [Ikki and Sengoku Daimyo]. Nihon-no Rekishi: [The History of Japan]. Vol. 13. Tokyo: Kodansha, 2001.
23. Miyamoto, Yoshimi. (1978). Sengoku Daimyo Mori-shi no Wahei Seisaku. Geiun Wahei no Seiritsu o megutte [The Politics of Reconciliation of Sengoku Daimyou of Mori clan. Concerning the Conclusion of the Peace between Aki and Izumo] // Nihon Rekishi, 1978, December. Vol. 367.
24. Morimoto, Shigeru. (1997). Mori Motonari. 3-rd edition. Tokyo: Shinjinbutsu oraisha, 1997.
25. Murai, Ryosuke. (2012). Sengoku Daimyo Kenryoku Kozo-no Kenkyu [The Study of the Power Structure of Sengoku Daimyo]. Kyoto: Shibunkaku shuppan, 2012.
26. The official web-site of Mori Museum (Mori Hakubutsukan). URL: <http://www.c-able.ne.jp>
27. Polkhov, S.A. (2015). Zakonodatel'nye Ulojeniya Sengoku Daimyo. Issledovaniya i Perevody [The Law Codes of Sengoku Daimyo: Studies and Translations]. M.: Krug, 2015.
28. Polkhov S.A. (2018). Yaponiya v Epohu Srednevekoviya [Japan in the Medieval Age] // Istoriya Yaponii. Pod red. Streltsova D.V. [The History of Japan. Streltsov D.V. ed.]. 2nd edition. M.: Aspect-Press, 2018, p. 91–199.
29. Yamamuro, Kyoko. (1995). Gun'yu soseiki. Shingen. Ujitsuna. Motonari. Ieyasu [The Book of Genesis of heroes. Shingen. Ujitsuna. Motonari. Ieyasu]. Tokyo: Asahi Shinbunsha, 1995.
30. Sansom, George (1990). A History of Japan, 1334–1615. 7th printing. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1990.
31. Steenstrup, Carl. (1974). Hojo Soun's Twenty One Articles. The Code of the Conduct of the Odawara Hojo // Monumenta Nipponica, Vol. 29, 1974, №3.

Поступила в редакцию 02.01.2018

Received 02.01.2018

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009

О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии

О.А. Добринская

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, характеризующие изменения внешней политики Японии после окончания холодной войны. Особое внимание уделено академическим подходам к внешнеполитической стратегии, дискуссиям относительно международной роли Японии, а также их отражению в реализации внешнеполитических инициатив.

Ключевые слова: Япония, внешняя политика, международная роль, С. Абэ, безопасность.

Автор: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: doa_78@mail.ru

On Some Aspects of Evolution of Japan's Foreign Policy

O.A. Dobrinskaya

Abstract. The article analyses the changes that have taken place in Japan's foreign policy after the end of 'Cold war'. Special attention is paid to the academic approaches concerning Japan's security strategy and the discourse on Japan's international role, as well as their influence on Japan's foreign policy initiatives.

Keywords: Japan, foreign policy, international role, S. Abe, security.

Author: Dobrinskaya Olga A., PhD, Senior Lecturer, Diplomatic Academy MOFA of Russia, Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: doa_78@mail.ru

Процессы, происходящие в мире после окончания глобального биполярного противостояния, существенным образом изменили картину международных отношений. Исчезновение старых угроз и появление новых, ускорение глобализации и регионализации, усложнение информационного фона требуют модификации внешнеполитических стратегий. В 1990-е годы Япония столкнулась с необходимостью пересмотреть принципы, следование которым позволяло ей избегать вмешательства в международные конфликты и сосредоточиться на экономическом росте. Сегодня Япония обладает всеми атрибутами великой державы. Она занимает 3-е место в мире по размерам ВВП (в 2016 г. он составил 4,939 трлн долл. [1]), является вторым после США по величине донором в ООН и МВФ, а также одним из лидеров по объемам предоставления Официальной помощи развитию (ОПР). Её Силы самообороны оснащены по последнему слову техники, и она обладает возможностями в течение нескольких

лет создать собственное ядерное оружие. При желании Япония могла бы стать крупнейшей военной державой в регионе, однако, несмотря на свою впечатляющую экономическую, политическую и военную мощь, Япония до недавнего времени предпочитала вести себя пассивно на международной арене. В связи с этим возникает вопрос, почему окончание глобального биполярного противостояния не привело к тотальной смене Японией своей внешнеполитической модели поведения? Является ли политика С. Абэ сменой парадигмы или модификацией прежней стратегии? Являются ли нынешние изменения заслугой сильного лидера или закономерным итогом адаптации Японии к новой международной среде?

Академические подходы к японской внешнеполитической стратегии

В академических кругах сформировалось две группы, придерживающиеся полярных подходов к японской внешней политике. Первая группа исходит из того, что Япония является реактивным, или реагирующим, государством, внешняя политика которого представляет собой не результат большой стратегии, а формулируется в ответ на международные события. Наиболее известным выразителем этой точки зрения является американский профессор К. Калдер. По мнению К. Калдера, японской политике присуща инертность, а основной её движущей силой является давление извне (*gaiatsu*). В основе этой инертности лежат особенности политической культуры и глубоко укоренившийся пацифизм. Эта точка зрения исходит из того, что политика обеспечения безопасности основана на национальном интересе в узком его понимании и представляет собой компромисс между внешним давлением со стороны США и пацифистски настроенной общественностью.

Вторая группа учёных считает, что внешнеполитическая пассивность не свидетельствует о неспособности принимать решения, а, напротив, является результатом стратегического расчёта, основанного на национальном интересе. Япония позволяет другим брать инициативу в международных делах, в то время как сама незаметно укрепляет собственную экономическую и техническую мощь и увеличивает дипломатическое влияние. Дж. Линд называет это «перекладыванием ответственности» (*buck passing*) [2]. Такая стратегия вполне логична для державы среднего звена, которая не сталкивается с непосредственными угрозами безопасности и доверяет защиту своих жизненно важных интересов сильнейшему государству в мире. Согласно этой точке зрения, понимание национальной мощи в Японии значительно отличается от американского – в центр этого понятия ставится не военная сила, а экономический и технологический потенциал. Профессор Р. Сэмюэлз называет такую стратегию «меркантильным реализмом», Дж. Най, Р. Дрифт – «комплексной безопасностью», М. Грин – «оборонительным реализмом» [3].

Если приведённые выше трактовки японского внешнеполитического поведения основаны на рассмотрении её через призму реализма, то американский профессор Т. Бергер предлагает применять к ней либеральную модель «адаптирующегося, или адаптивного, государства» [4]. Согласно этой модели, Японии присуща способность быстро перенастраиваться и адаптироваться к меняющемуся миру, переосмысливать эти изменения и внедрять их в национальную стратегию. Движущей силой внешней политики Японии является не столько наращивание национальной мощи, сколько либеральные устремления к налаживанию многостороннего сотрудничества, увеличения своего присутствия в международных организациях, участия в решении глобальных проблем. В то же время

либеральная тенденция в японской внешней политике имеет свои ограничения, такие, как нарастание межгосударственных противоречий с Китаем и усиление реалистских тенденций в регионе.

Существенный вклад в изучение японского феномена внесла конструктивистская школа, которая делает акцент на нормах, формирующих поведение политических игроков. В отношении Японии ученые выделяют несколько норм внешнего и внутреннего характера, которые определяют особенности её внешнеполитического курса [5, с. 65–68].

К внешним нормам относится приоритет двусторонних отношений («билатерализм»), а именно центральное положение альянса с США в послевоенном внешнеполитическом курсе. «Азиатизм» делает акцент на отношениях с азиатскими странами, их общей с Японией идентичности, и его проявлением можно считать традиционную посредническую роль, которую Япония стремится играть как мост между Западом и Востоком. В японском внешнеполитическом поведении можно выделить установку на трехстороннее взаимодействие Японии, Европы и США, или норму «трилатерализма». Она служит для уравнивания региональных и глобальных интересов Вашингтона и одновременно для поддержки союзника в рамках многосторонних институтов. После окончания холодной войны развитие в японской внешней политике получила норма интернационализма. Она находит выражение в стремлении расширять сотрудничество с мировым сообществом, увеличивать вклад в обеспечение международной безопасности, в частности, за счет участия Японии в миротворческих операциях и финансирования деятельности ООН. В целом действие международных норм на японскую внешнюю политику направлено на её активизацию – как на региональном, так и на глобальном уровне.

Значительное влияние имеют внутренние нормы, которые зачастую вступают в противоречие с нормами международными, препятствуя выполнению Японией новой роли, адекватной постбиполярным реалиям. Прежде всего это пацифизм, возникший как результат трагического опыта Второй мировой войны и атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Пацифизм является мощным препятствием на пути легитимации использования вооружённой силы как инструмента государственной политики. Ещё одной укоренившейся в японском обществе нормой является «ориентация на развитие», суть которой состоит в попытках Японии равняться на Запад как экономически, так и с точки зрения политического и культурного влияния, а также выступать как ролевая модель для развивающихся государств. Существенным элементом, влияющим на формирование внешнеполитических приоритетов Японии и на её положение в системе международных отношений, является норма «экономизма», ставшая определяющей в период ускоренных темпов роста и подкреплявшая «доктрину Ёсида».

Американский ученый Э. Орос выделяет понятие «идентичности безопасности», определяющей эволюцию внешней и оборонной политики страны. «Идентичность безопасности» – это набор коллективно исповедуемых принципов, касающихся подходящего поведения государства в сфере безопасности, которые пользуются широкой политической поддержкой и которые институционализированы в процессе принятия политических решений. Идентичность безопасности послевоенной Японии опирается на три принципа: отказ от обладания вооружёнными силами, от использования военной силы, кроме случаев самообороны, отказ от участия в войнах [6, с. 140].

По мере изменения среды безопасности соотношение влияния различных норм на формирование внешней политики изменяется. Так, крах «экономики мыльного пузыря» дискредитировал в глазах многих японскую модель развития, а рост Китая, в том числе вытеснение им Японии со второго места по размерам ВВП, даёт повод сомневаться в возможностях японского лидерства в мире и в Восточной Азии. Постепенно изменяется отношение населения Японии к зарубежной деятельности Сил самообороны, широко обсуждаются вопросы применения военной силы, что было немыслимым ещё пару десятилетий назад.

Дискурс по вопросам политики безопасности в послевоенный период позволяет говорить о существовании четырёх «лагерей» – пацифистски настроенных левых сил, умеренных консерваторов, считающих, что Японии следует сосредоточиться на политике торговой, а не военной державы, и участвовать в решении мировых проблем с помощью экономики, правых консерваторов, отстаивающих необходимость постепенного вооружения страны, а также крайне правых сил националистического толка, призывающих к обычному и ядерному вооружению Японии и проведению ею независимой внешней политики [7].

Дискуссии о политике обеспечения безопасности

Новые реалии высветили недостаточность «экономической дипломатии», на которую долгое время делала ставку Япония, обозначив слабые стороны «доктрины Ёсида». Первым «звонком» для японцев стал кризис в Персидском заливе, во время которого Япония не направила Силы самообороны для участия в международной коалиции, однако выделила на финансирование операции огромную сумму – 13 млрд долл. Критика со стороны мировой общественности (прежде всего, США) и даже отсутствие Японии в списке стран, которым Кувейт выразил официальную благодарность, стали ударом по национальному престижу. Внешнеполитический провал Японии 1991 г. оставил горький осадок у японских политиков и дал старт дебатам о том, как должна измениться Япония после холодной войны.

В постбиполярный период спектр взглядов на политику безопасности в целом сохранился, однако интернационализация внешней и оборонной политики способствовала наполнению дискуссий новым содержанием. В частности, водораздел между различными направлениями стал проходить по двум вопросам: 1) отношение к союзу с США и 2) необходимость применять силу в целях обеспечения международной безопасности. Р. Сэмюэлз выделяет в постбиполярный период следующие направления: пацифисты (левые), в рамках консервативного лагеря – «среднедержавники» и сторонники «нормального государства», а также неоавтономисты (ультраправые). Если консервативные силы считают США важнейшим гарантом безопасности Японии, то пацифисты и неоавтономисты отрицают необходимость союза с США. Кроме того, сторонники «нормального государства» и неоавтономисты признают возможность использования вооружённой силы, в то время как «среднедержавники» и пацифисты выступают против этого [8].

Из этого спектра мнений относительно будущего страны в качестве наиболее приближённых к реалиям постбиполярного мира можно привести следующие точки зрения. Первая – это видение Японии как государства, которое могло бы полноправно участвовать в системе коллективной безопасности, а также проявляло бы активность на международной арене и принимало на себя риски, связанные с внешней и экономической политикой, чтобы

укрепить международный престиж и государственную мощь. Под руководством депутата И. Одзава был выпущен доклад «Роль Японии в международном сообществе», в котором говорилось о необходимости пересмотреть толкование девятой статьи Конституции, с тем чтобы Япония могла участвовать в операциях ООН по поддержанию мира. Предлагалось взять на вооружение принцип «активного пацифизма», то есть, опираясь на Конституцию, действовать в интересах установления мира во всем мире [9]. Особый резонанс вызвала книга И. Одзава «Программа для новой Японии», а его выражение «нормальная страна», укоренилось как понятие, обозначающее государство, которое имеет право использовать военную силу и готово делать это в целях обеспечения международной безопасности под эгидой ООН.

Вторая группа выступала за скромную модернизацию Сил самообороны в рамках прежней модели сотрудничества с США, с тем чтобы, опираясь на статус пацифистской державы, координировать международные усилия в социально-экономической области, руководствуясь целями обеспечения мира, стабильности, процветания и благосостояния людей. Одним из идеологов этой точки зрения стал известный журналист, впоследствии главный редактор газеты «Асахи» Ё. Фунабаси, выдвинувший концепцию Японии как «глобальной невоенной державы», продвижение которой на международном уровне будет способствовать снижению значимости военной силы в мире и позволит создать благоприятную для японских национальных интересов внешнюю среду [10].

Внешняя политика 1990-х годов: поиск новой глобальной роли

Первые попытки выработать внешнеполитическую линию после холодной войны во многом перекликались с американской стратегией национальной безопасности. Отношения с США продолжали оставаться краеугольным камнем политики обеспечения национальной безопасности. После недолгого периода неопределённости и опасений по поводу ухода США из Азии стороны в 1996 г. подтвердили незыблемость союза безопасности, а в 1997 г. были подписаны новые Руководящие принципы оборонного сотрудничества, расширившие сферу ответственности альянса фактически на весь регион.

В то время как магистральное направление японской внешней политики не претерпело существенных изменений, трансформация международной среды после холодной войны давала Токио возможность расширить горизонты внешнеполитической деятельности, чтобы привести политическую роль в соответствие с экономическим статусом.

В 1990-е годы в Голубых книгах по дипломатии начал фигурировать тезис о намерении Японии играть важную роль в создании нового мирового порядка. Во внешнеполитическом дискурсе 1990-х доминировала либеральная риторика, что во многом было связано с распространёнными в то время представлениями о снижении важности военной силы и выходе на первый план проблем глобального характера. В 1991 г. премьер-министр К. Миядзава заявлял, что в деле строительства нового мирового порядка международная роль Японии будет расти [11, с. 349]. Эта роль предполагала большую активность в региональных делах, участие в межрегиональном сотрудничестве, а также имела глобальное измерение.

Во-первых, значительно изменился подход Японии к многостороннему взаимодействию в Восточной Азии. В годы холодной войны Токио не стремился к выдвиганию каких-либо интеграционных инициатив в регионе, а вопросы безопасности предпочитал обсуждать

только с Вашингтоном. С конца 1980-х – начала 1990-х годов Япония начала выработку предложений, касающихся налаживания регионального сотрудничества, в том числе в сфере безопасности в её широком понимании. Японские идеи были воплощены в проектах по созданию АТЭС, АРФ.

Во-вторых, Япония начала налаживать связи с новыми внешнеполитическими партнёрами. На новый уровень вышли отношения Японии и европейских стран, как двусторонние, так и по линии ЕС, НАТО, ОБСЕ и других структур. Япония начала активно выстраивать отношения со странами постсоветского пространства. Горизонты японской дипломатии в 1990-е годы достигли и Африканского континента: в 1993 г. была организована первая Токийская конференция по развитию Африки (ТИКАД), давшая начало стратегически важному сотрудничеству.

Основными направлениями, на которых Япония сосредоточила свои усилия по достижению нового статуса в мире, стали содействие социально-экономическому развитию, а также миротворчество и постконфликтное восстановление. Хотя участие в ОПМ ООН стало результатом импульса извне (кризиса в Персидском заливе), со временем проблемы миротворчества, постконфликтного восстановления были прочно инкорпорированы в политику обеспечения национальной безопасности. Принятие в 1992 г. Закона о содействии международному миру открыло дорогу для участия Сил самообороны в операциях по поддержанию мира, хотя оно сопровождалось большим количеством ограничений. В 1993 г. Силы самообороны были направлены в Камбоджу, а затем участвовали в ОПМ в Мозамбике, Восточном Тиморе, на Голанских высотах и в других точках мира. Миротворческая деятельность со временем прочно вошла в сферу ответственности Сил самообороны.

Для Японии, видевшей возможности реализации глобальной «творческой роли» в получении места постоянного члена СБ ООН, значительный интерес представляла концепция «безопасности человека», выдвинутая в докладе ПРО ООН в 1994 г. Она давала возможность преподнести японское участие в проектах социально-экономического развития в странах третьего мира как вклад в обеспечение международной безопасности. Кроме того, она перекликалась с появившейся в Японии на рубеже 1970-х–1980-х годов концепцией комплексного обеспечения национальной безопасности, которая подчёркивала важность не только защиты от военных угроз, но и обеспечения безопасности в широком понимании. При премьер-министре К. Обути «безопасность человека» стала частью официальной японской внешней политики, хотя сначала имела чётко выраженный региональный характер. На Саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. Ё. Мори назвал безопасность человека одним из столпов японской дипломатии, подчеркивая, что ООН должна играть более активную роль в её продвижении [12]. После неудачной кампании Токио по получению статуса постоянного члена СБ ООН концепция постепенно стала уходить из приоритетных направлений внешнеполитической повестки дня. Тем не менее она прочно закрепилась как руководящий принцип предоставления помощи развитию (упоминание о ней впервые появилось в среднесрочной программе ОПР 1999 г.) в таких областях, как, например, предотвращение вооружённых конфликтов, разоружение (в частности, уничтожение противопехотных мин), борьба с бедностью. Таким образом, Япония могла вносить вклад в обеспечение международной безопасности даже при существующих конституционных ограничениях, подтверждая успех внешней политики «глобальной невоенной державы».

В целом, характеризуя внешнюю политику Японии в 1990-е годы, можно сказать, что она прошла под лозунгом поиска своей роли в формировании нового мирового порядка. Курс на сотрудничество с ООН приобрёл новые очертания, выйдя за рамки привычной для Японии «экономической дипломатии». Сохранилась такая константа, как приоритетность отношений с США, однако Япония начала осваивать новые региональные направления, а также активизировала многостороннюю дипломатию в АТР, тем самым проявляя либерализм в своей внешней политике.

2000-е годы: рост реализма во внешней политике

Период после 11.09.2001 г. характеризуется повышением значимости фактора военной силы в международных отношениях, что нашло отражение в эволюции японской внешней политики, в которой либеральные тенденции 1990-х годов стали отходить на второй план. Главной её характеристикой является значительное укрепление альянса с США и повышение роли Японии в нём. Правительство Дз. Коидзуми продемонстрировало безоговорочную поддержку США во время операций в Афганистане и Ираке, а также пошло на беспрецедентные шаги, направив Силы самообороны для обеспечения этих операций. В то же время участие Японии в международных коалициях в Афганистане и Ираке было минимизировано до той степени, чтобы продемонстрировать лояльность союзническим обязательствам, но избежать риска для Сил самообороны. Японцы ушли из Ирака в 2005 г., в 2010 г. завершили миссию в Индийском океане, а основной объём вклада в осуществление этих операций Япония постаралась свести к проектам по постконфликтному восстановлению и по линии «безопасности человека». Для этого была разработана концепция «консолидации мира», предусматривающая участие в политическом процессе, содействие обеспечению безопасности и оказание гуманитарной помощи, а постконфликтное восстановление стало важным новым направлением в пересмотренном в 2003 г. Уставе ОПП.

Политика Дз. Коидзуми и его преемников демонстрировала стремление повысить уровень взаимодействия с США. Проявлением этого стали размещение в Японии компонентов американской ПРО, передислокация ВС США, растущая роль Японии в обеспечении безопасности, принятие «Общих стратегических целей», зафиксировавших области совместных интересов в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также конкретные ориентиры долгосрочного сотрудничества.

Исключением в проамериканской линии стал внешнеполитический курс лидера оппозиционной Демократической партии Ю. Хатояма, пришедшего к власти в 2009–2010 гг. Он предпринял попытку отойти от безусловной ориентации на США (пересмотреть вопрос о передислокации авиабазы Футэмма) за счёт сближения с Китаем и курса на создание Восточноазиатского сообщества. Быстрое падение правительства Ю. Хатояма и возврат его преемников к привычной ориентации на Вашингтон только подтвердили отсутствие жизнеспособной альтернативы политике, ставящей в центр альянс. Показательно, что политика оппозиционной Демократической партии в сфере безопасности не особо отличалась от политики либерал-демократов. Такие шаги, как ослабление запрета на экспорт вооружения, принятие концепции «динамичных сил обороны», шаги, направленные на сдерживание Китая, были предприняты во время позднего правления ДПЯ.

В конце 2000-х годов экономический подъём Китая (в 2009 г. он сместил Японию со 2-го места в мире по объёму ВВП), наращивание его военной мощи, а также наступательная стратегия в прилегающем морском пространстве привели к тому, что в Токио усилилась тенденция к восприятию действий Пекина как вызова своей безопасности и как угрозы статус-кво в регионе. Влияние китайского и северокорейского факторов во многом предопределило схожесть политики ЛДП и ДПЯ в сфере безопасности. Можно говорить о существовании консенсуса относительно необходимости укрепления военной роли и альянса с США, что создаёт благоприятные условия для неуклонного движения к «нормализации» Японии.

Политика С. Абэ: на пути к сильной Японии

Внешнеполитический курс премьер-министра С. Абэ, находящегося у власти уже более пяти лет, что по японским меркам рекордно долго, демонстрирует определённые чётко выраженные характеристики. Приход С. Абэ к власти и его первые инициативы заставили говорить о нём как о политике, деятельность которого может коренным образом изменить курс Японии. По мнению некоторых учёных, можно говорить о «доктрине Абэ», способной прийти на смену «доктрине Ёсида». Основные черты этой доктрины заключаются в наращивании собственных оборонных возможностей и снятии ограничений в сфере обороны, укреплении и достижении большей интеграции в рамках альянса с США, а также в реализации «дипломатии ценностей», на основе которой Токио преследует цели достижения лидерства в Восточной Азии и сдерживания Китая [13].

Безусловно, внешняя политика С. Абэ демонстрирует явно выраженный реализм. Его инициативы направлены на укрепление механизма обеспечения национальной безопасности, усиление оборонного потенциала, а также проведение активной внешней политики, нацеленной на развитие отношений с максимальным количеством внешнеполитических партнёров, расширение присутствия в различных уголках земного шара, наступательный стиль в отстаивании национальных интересов.

В 2012 г. С. Абэ вернулся к власти под лозунгом «Вернём Японию». Это означало не только забрать бразды правления страной из рук правительства ДПЯ, но и «вернуть Японию народу из послевоенного прошлого» [14], пересмотреть восприятие истории с левых позиций и избавиться от «комплекса побеждённого». Выступая в Центре стратегических исследований в Вашингтоне, премьер-министр заявил, что Япония не будет державой второго эшелона, тем самым обозначив отношение к позиции сторонников Японии как «средней державы», которая могла бы довольствоваться определённой нишей в международных делах и не стремиться к повышению своего статуса.

Япония как держава первого звена опирается на тесные отношения с США, укрепление собственного оборонного потенциала, а также проведение активной дипломатии. В своей парламентской речи в январе 2013 г. премьер-министр обозначил задачу развития стратегической дипломатии, основанной на фундаментальных ценностях свободы, демократии, основных прав человека, верховенства закона [15].

По мнению японского политолога Т. Иногути, в политике С. Абэ можно проследить сочетание трёх возможных для Японии внешнеполитических сценариев: 1) классический реалистический курс, который состоит в сближении с США в ответ на возвышение Китая

и осуществлении дипломатической стратегии балансирования и хеджирования; 2) трансформативный прагматический курс, направленный на возрождение страны через *абэномику* и упрочение своих позиций в Восточной Азии, и 3) либеральный международный курс, преследующий общую повестку дня по расширению глобальных либеральных норм и правил через многосторонние институты совместно с США и странами АТР [16].

Укрепление японо-американского союза безопасности остается главной внешнеполитической задачей С. Абэ. В Вашингтоне с удовлетворением отметили принятие в июле 2014 г. новой интерпретации 9 статьи Конституции, разрешающей применять ограниченное право на коллективную самооборону. С учётом новой трактовки в апреле 2015 г. были обновлены Руководящие принципы оборонного сотрудничества, снявшие географические рамки действия альянса. Расширяется спектр ситуаций, которые охватывают взаимодействие Японии и США, растёт уровень взаимной интегрированности их вооружённых сил. При этом сам С. Абэ подчёркивает, что усиление альянса не означает подчинение Японии США. Напротив, это признание равенства, поскольку союз укрепит потенциал сдерживания в регионе [17, с. 274].

Стремление Японии найти ответ на вызов со стороны Китая диктует, с одной стороны, укрепление альянса с США, наращивание военных мускулов и пересмотр некоторых аспектов оборонной политики, с другой стороны, приводит к активизации дипломатической стратегии, направленной на формирование антикитайского фронта. При С. Абэ Япония всё активнее сближается со странами, имеющими с Китаем территориальные разногласия, а также привлекает внерегиональных игроков к территориальным спорам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях [18]. Сама Япония постепенно начинает более активно участвовать в делах безопасности Юго-Восточной Азии (например, морские учения, помощь береговой охране прибрежных стран, меморандумы о военном сотрудничестве и т. п.).

Несмотря на достаточно жесткую риторику в отношении Китая, С. Абэ присущ прагматизм, что подразумевает реализацию стратегии не только сдерживания, но и вовлечения Китая в сотрудничество. Об этом может свидетельствовать наметившееся во второй половине 2017 г. сближение Токио и Пекина как в плане дипломатической риторики, так и в плане обсуждения проблем безопасности региона (прежде всего, ситуации вокруг КНДР), а также обозначенного С. Абэ интереса к инициативе «Один пояс – один путь», в частности, к сотрудничеству с Китаем по инфраструктурным проектам в Центральной Азии и в Африке.

Укрепление международной роли Японии включает более чёткое определение приоритетов её внешней и оборонной политики. В декабре 2013 г. впервые была принята Стратегия национальной безопасности (СНБ), в которой определены национальные интересы страны в широком плане и поставлены цели и задачи политики по их обеспечению. Центральным понятием стратегии стал «активный пацифизм». В отличие от «пассивного» пацифизма времен холодной войны, основанного на неприменении силы, «активный» пацифизм разрешает её использование в целях поддержания международного мира и безопасности. С трибуны ООН в сентябре 2013 г. С. Абэ заявил: «Я сделаю возможным, чтобы Япония с позиций активного пацифизма была еще более вовлечена в меры коллективной безопасности в рамках ООН, включая операции по поддержанию мира» [19]. В сентябре 2015 г. были приняты законы, расширяющие полномочия Сил самообороны в миротворческих операциях, а также позволяющие им участвовать в операциях по

урегулированию международных конфликтов, проводимых не под эгидой ООН, хотя это участие ограничено рядом условий.

Таким образом, укрепление военной роли Японии мыслится С. Абэ не только в реалистском ключе политики сдерживания, но и является отражением либерального курса на участие в поддержании международного мира. Большое внимание уделяет он и невоенному сотрудничеству, эффективному задействованию механизма ОПР не только для защиты национальных интересов, но и для обеспечения международного статуса Японии как одного из ведущих доноров ОПР и лидера в решении глобальных проблем, таких, как борьба с бедностью, содействие развитию.

В СНБ сказано, что Япония должна обладать силой, чтобы проявлять лидерство в формировании международной повестки дня и активном продвижении своих национальных интересов, не ограничиваясь реагированием на свершившиеся события и инциденты. При этом необходимо расширить дипломатический творческий потенциал и переговорную силу с целью углубления понимания и получения поддержки японской позиции в мировом сообществе [20]. Такие слова, как «активный», «стратегический», «лидерство», являются неотъемлемой частью внешнеполитического лексикона С. Абэ. Его политика направлена не только на обеспечение безопасности, но и на придание большего веса Японии в мире, распространение японских ценностей, большей активности в различных сферах международной жизни. В связи с этим наряду с усилением оборонного потенциала в японской внешней политике все более важное место занимает «мягкая сила».

Культурная и публичная дипломатия играют важную роль в осуществлении внешнеполитического курса премьер-министра С. Абэ. Свидетельством этому стало решение в 2015 г. значительно увеличить бюджет на нужды публичной дипломатии, а также выделить крупную сумму на финансирование японоведения в университетах и аналитических центрах за рубежом [21]. Еще в 2006 г. премьер-министр говорил о том, как «важно представить миру идентичность новой Японии, смотрящей в будущее, именно, наши идеалы, направление, в котором мы должны двигаться, а также свою «японскую сущность» [22]. Кроме того, культурная дипломатия является способом сглаживания опасений по поводу реформ оборонной политики в условиях обострившейся «войны слов» с Китаем и Южной Кореей по вопросам истории.

В то же время националистическая и ревизионистская риторика, присущая некоторым японским лидерам последних лет, и в особенности С. Абэ, негативно отражается на имидже страны в мире и во многом сводит на нет её мягкую силу. В то время как Япония увеличивает ассигнования на публичную и культурную дипломатию, она сталкивается с недоверием и обвинениями в попытках «подкупить» общественность других стран [23]. Более того, некоторые учёные считают, что с точки зрения формирования мирового общественного мнения Токио проигрывает Пекину и Сеулу. Так, например, Китай молчит по поводу наращивания своего военного потенциала, однако раздувает проблему из отношения японских лидеров к истории, выражает опасения по поводу возможного возрождения японского милитаризма [24]. По мере роста значимости военной силы как инструмента японской внешней политики Япония сталкивается с задачей преодоления противоречий между «мягкой силой», опирающейся на послевоенный пацифизм, и «жесткой силой».

В академической среде можно выделить различные оценки политики обеспечения безопасности при С. Абэ. Так, например, многие склонны видеть в его инициативах отход от курса предыдущих правительств, сохраняющих ограничения в оборонной сфере [25].

Некоторыми учёными, напротив, нынешняя политика С. Абэ рассматривается не как нечто принципиально новое, а как иллюстрация привычной модели японского внешнеполитического поведения. Так, исходя из стратегии «перекладывания ответственности», повышенная японская активность во время ухудшения обстановки в Восточной Азии вписывается в логику поддержания баланса в отношениях с единственным военным союзником. Новое законодательство в сфере безопасности является скорее не существенным отходом от предыдущего курса, а новой версией известной стратегии: делать меньше, когда это возможно, и больше, когда необходимо [26].

Если следовать логике Т. Иногуги и П. Бэйкона, то инициативы С. Абэ являются частью очередного цикла эволюции японской внешней и оборонной политики под влиянием внешней среды. Учёные опираются на наблюдения Г. Киссинджера, считающего, что Японии требуется в среднем около 15 лет для того, чтобы выработать ответ на важные политические события в мире. Пятнадцатилетие после окончания холодной войны (1990–2005 гг.) они называют периодом «глобальной невоенной державы», когда, взяв на вооружение концепцию «безопасности человека», Япония, как и Германия, начала участвовать в ОПМ и в проектах по экономическому восстановлению, особенно щедро выделяя ОПР на нужды стран третьего мира. Однако эпоха «глобальных невоенных держав» завершилась с событиями 11 сентября 2001 г., продемонстрировавшими, что ни им, ни ООН, ни неправительственным организациям не под силу сократить разрыв со странами третьего мира и предотвратить появление «стран-изгоев». Повышение фактора силы в международных отношениях обусловило наступление нового витка эволюции японской политики обеспечения безопасности. Период с 2005 по 2020 г., ученые называют периодом «глобальной обыкновенной державы», когда в Японии большей поддержкой пользуется идея применения вооружённой силы в целях обороны [27].

Таким образом, несмотря на беспрецедентные шаги, предпринимаемые С. Абэ в сфере обеспечения безопасности, нынешнюю «нормализацию» Японии следует рассматривать не только и не столько как заслугу самого С. Абэ, сколько как закономерный этап развития страны под влиянием внешних факторов.

* * *

Эволюция японской внешней политики и политики обеспечения безопасности в целом является производной от действия многих факторов. В ней сосуществуют либеральные и реалистские тенденции, проявляются различные нормы. Преобладание той или иной зависит как от внешних условий, так и от восприятия страной своей идентичности. Если во время холодной войны японская внешняя политика была в основном ориентирована на защиту национальных интересов, особенно экономических, то сегодня Токио проявляет инициативу в обеспечении международной безопасности, причём делает это не только финансово, но и дипломатически, а также задействует Силы самообороны. Эта либеральная тенденция, проявившаяся в начале 1990-х годов, является характерной чертой японской политики предоставления помощи развитию, участия в миротворческих операциях, решения глобальных проблем, таких, как, например, защита окружающей среды или разоружение.

Сегодня во внешней политике преобладает реализм, связанный, прежде всего, с региональным и глобальным соперничеством Японии и Китая. Либерализм во внешней политике во многом будет зависеть от перспектив мирной интеграции Китая в международную систему, а также роли США в мировых делах. Тем не менее стремление к повышению международного влияния, не только в контексте получения постоянного статуса в СБ ООН, но и в контексте распространения своих ценностей и идеалов в мире приводит к тому, что либерализм остается неотъемлемой частью нынешнего внешнеполитического курса.

За время пребывания С. Абэ у власти было предпринято беспрецедентное количество инициатив, направленных на «нормализацию» страны и создание сильной Японии, однако они по-прежнему ставят в центр понятие «пацифизм», тем самым способствуя сохранению послевоенной идентичности безопасности. Несмотря на наличие объективных условий, благоприятствующих снятию ограничений на оборонную политику, движение Японии к «нормализации» происходит довольно медленно.

Пацифизм продолжает оставаться основой внешней и оборонной политики страны, однако меняется его содержание. «Активный пацифизм», давно вошедший в общественный лексикон, однако ставший частью официальной политики только при С. Абэ, направлен не на сдерживание, а, напротив, на стимулирование международной активности Сил самообороны, поскольку подразумевает использование силы в благих целях обеспечения мира и безопасности. Постепенно меняется и отношение общества к вопросам политики национальной безопасности, многие темы, обсуждение которых было немыслимо еще несколько десятилетий назад, становятся предметом открытых дискуссий.

В целом же за период, прошедший со времени окончания холодной войны, Япония стала более активным игроком в международных отношениях. Она готова проявлять большую твердость в отстаивании национальных интересов, в том числе по территориальным вопросам, активно проецирует свою мягкую силу, выдвигает важные инициативы по глобальным проблемам. Адаптируя свою внешнюю политику к быстро меняющимся международным реалиям, она в то же время не стремится категорически отказываться от той модели, которая обеспечивала успех её послевоенного развития.

Библиографический список

1. URL: <http://www.tradingeconomics.com/japan/gdp> (дата обращения: 25.12.2017)
2. *Lind J.* Pacifism or Passing the Buck? Testing Theories of Japanese Security Policy // *International Security*, Vol. 29, No. 1 (Summer, 2004), pp. 92–121.
3. *Green M.* Japan's reluctant realism. Palgrave Macmillan. 2003.
4. *Japan in international politics.* Ed by T. Berger. London. 2007. Pp. 259–290.
5. *Hook G., Dobson H., Gilson J., Hughes Ch.* Japan's international relations. London. 2001.
6. *Oros A.* International and domestic challenges to Japan's postwar security identity: 'norm constructivism' and Japan's new 'proactive pacifism' // *The Pacific Review*. Vol.28, 2015. P. 139–160.
7. *Hirata K.* Who Shapes the National Security Debate? Divergent Interpretations of Japan's Security Role // *Asian Affairs: An American Review*, 35:3, 123–151.

8. *Samuels R.* Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007. Pp. 100–13.
9. Бунгэй сундзю : [Литературный альманах]. Апрель 1992. С. 132–145.
10. *Funabashi Y.* Introduction: Japan's international agenda for the 1990s // Japan's international agenda. Tokyo, 1995. P. 13.
11. Выступление премьер-министра К. Миядзава на 122 сессии парламента. Ноябрь 1991. Гайко сэйсё : [Голубые книги по дипломатии]. Токио, 1992.
12. Statement by H.E. Mr. Yoshiro Mori, prime minister of Japan at the Millennium Summit of the United Nations. 7 September 2000. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/un/summit2000/pmstate.html> (дата обращения: 15.12.2017).
13. *Hughes Ch.* An 'Abe Doctrine' as Japan's Grand Strategy: New Dynamism or Dead-End? // The Asia-Pacific Journal, 21 July 2015.
14. Абэ С. Атарасии куни-э. Уцукусии куни-э : [На пути к обновлённой красивой стране]. 2013. Токио. С. 254.
15. Дай 183 кай коккай ни окэру Абэ найкаку соридайздин сёсин хёмэй эндзэцу : [Выступление премьер-министра С.Абэ на 183 сессии парламента] // Канцелярия премьер-министра Японии. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130128syosin.html (дата обращения: 10.02.2018).
16. *Inoguchi T.* A call for a new Japanese foreign policy: the dilemmas of a stakeholder state // International affairs. July 2014, vol.90, no.4, pp. 943–958. URL: <http://www.chathamhouse.org>
17. Герасимова М. Размышления Абэ Синдзо о «красивой и обновленной Японии» // Япония: консервативный поворот. М., 2015. С. 258–274.
18. Добринская О. Ситуация в Южно-Китайском море и интересы Японии // Азиатско-тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики. Мировое развитие. Выпуск 17. ИМЭМО. М., 2017. С. 5–17.
19. Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations, Thursday, September 26, 2013. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html (дата обращения: 15.12.2017).
20. URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 10.02.2018).
21. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-diplomacy-idUSKBN0M905M20150313> 12.03.2015. (дата обращения: 10.01.2018).
22. Выступление премьер-министра Абэ С. на 165 сессии парламента. 29.09.2006. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/abespeech/2006/09/29syoshin.html> (дата обращения: 12.03.2018).
23. Добринская О. А. Реформы Абэ С. в сфере политики обеспечения национальной безопасности // Япония: консервативный разворот. М., 2015. С.236–257.
24. *Nakamura T.* Japan's new public diplomacy: coolness in foreign policy objectives. Мэдиа то сякай : [СМИ и общество]. №5. P. 13.
25. Japan's foreign and security policy under the "Abe doctrine". New dynamism or new dead end? Hughes Ch. 2015. Palgrave Pivot.
26. *Lind J.* Japan's security evolution. Policy analysis 788. 25.02.2016. URL: <http://www.cato.org/publications/policy-analysis/japans-security-evolution#cite-39> (дата обращения: 12.03.2018).

27. *Inoguchi T., Bacon P.* Japan's emerging role as a 'global ordinary power' // *International relations of the Asia Pacific*. Vol.6, #1, 2006. Pp. 3–4.

References

1. URL: <http://www.tradingeconomics.com/japan/gdp> (accessed: 25.12.2017).
2. Lind J. (2004). *Pacifism or Passing the Buck? Testing Theories of Japanese Security Policy* // *International Security*, Vol. 29, No. 1 (Summer, 2004), pp. 92–121.
3. Green M. (2003). *Japan's reluctant realism*. Palgrave Macmillan.
4. *Japan in international politics* (2007). Ed by T. Berger. London, pp. 259–290.
5. Hook G., Dobson H., Gilson J., Hughes Ch. (2001). *Japan's international relations*. London.
6. Oros A. (2015). International and domestic challenges to Japan's postwar security identity: 'norm constructivism' and Japan's new 'proactive pacifism' // *The Pacific Review*. Vol. 28, 2015, pp. 139–160.
7. Hirata K. (2008). Who Shapes the National Security Debate? Divergent Interpretations of Japan's Security Role // *Asian Affairs: An American Review*, 35:3, pp. 123–151.
8. Samuels R. (2007). *Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 100–13.
9. Bungei shunju (1992) [Literary Chronicle]. April 1992, pp. 132–145.
10. Funabashi Y. (1995). Introduction: Japan's international agenda for the 1990s // *Japan's international agenda*. Tokyo, p. 13.
11. Speech by prime minister K. Miyazawa at the 122th session of the Diet. November 1991. *Gaiko seishyo* [Diplomacy blue book]. Tokyo, 1992.
12. Statement by H.E. Mr. Yoshiro Mori, prime minister of Japan at the Millennium Summit of the United Nations. 7 September 2000. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/un/summit2000/pmstate.html> (accessed: 15.12.2017).
13. Hughes Ch. (2015). An 'Abe Doctrine' as Japan's Grand Strategy: New Dynamism or Dead-End? // *The Asia-Pacific Journal*, 21 July 2015.
14. Abe S. (2013). *Atarashii kuni-e. Utsukushii kuni-e* [Towards beautiful new country]. Tokyo, p. 254.
15. Speech by prime minister Abe at the 183 the session of Diet. // Prime minister cabinet. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130128syosin.html (accessed: 10.02.2018).
16. Inoguchi T. (2014). A call for a new Japanese foreign policy: the dilemmas of a stakeholder state // *International affairs*. July 2014, vol. 90, no. 4, pp. 943–958. URL: <http://www.chathamhouse.org>
17. Gerasimova M. (2015). Abe Shinzo on 'beautiful and new Japan' // *Japan: turn to conservatism*. Moscow, pp. 258–274.
18. Dobrinskaya O. (2017) South China Sea dispute and Japan's interests // *Asia Pacific: a new center of global politics and world economy?* Moscow, IMEMO, pp. 5–17.
19. Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations (2013). Thursday, September 26. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html (accessed: 15.12.2017).
20. URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryoku/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 10.02.2018).

21. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-diplomacy-idUSKBN0M905M20150313> 12.03.2015. (accessed: 10.01.2018).
22. Speech by prime minister S.Abe at the 165 t session of the Diet. 29.09.2006. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/abespeech/2006/09/29syoshin.html> (accessed: 12.03.2018).
23. Dobrinskaya O.A. (2015). Security policy reforms by Shinzo Abe // Japan: turn to conservatism. М., pp. 236–257.
24. Nakamura T. (2013). Japan's new public diplomacy: coolness in foreign policy objectives. Media to shiyakai [Media and society], №5, 2013, p. 13.
25. Japan's foreign and security policy under the "Abe doctrine". New dynamism or new dead end? Hughes Ch. 2015. Palgrave Pivot.
26. Lind J. (2016). Japan's security evolution. Policy analysis 788. 2016 February 25. URL: <http://www.cato.org/publications/policy-analysis/japans-security-evolution#cite-39> (accessed: 12.03.2018).
27. Inoguchi T., Bacon P. (2006). Japan's emerging role as a 'global ordinary power' // International relations of the Asia Pacific. Vol.6, #1, 2006, pp. 3–4.

Поступила в редакцию 13.03.2018

Received 13.03.2018

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10010

Истоки становления японской фотографии

К.В. Санчирова

Аннотация. Статья описывает процесс становления в Японии такого вида искусства, как фотография. В своей работе автор рассматривает особенности японского термина «сясин» (яп. «фотография»), предпринимает попытку выявить истоки становления японской фотографии, определить время появления в Японии первой камеры и первого фотоснимка. Проводится анализ истории развития раннего фотографического дела в Японии на примере опыта западных, а также японских фотографов.

Ключевые слова: японская фотография, «сясин», камера-обскура, Уэно Тосинодзё, Уэно Хикома, дагеротипия, Элифалет Браун, А.Ф. Можайский, портрет Симадзу Нариакира, японские фотографы, западные фотографы в Японии.

Автор: Санчирова Кристина Вячеславовна, студентка 4 курса кафедры японоведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: krystasan@mail.ru

The origins of Japanese photography

K.V. Sanchirova

Abstract. The article describes the Japanese photography formation process. The author focuses on the peculiarities of the Japanese term “shashin” (“photography”), makes an attempt to reveal the origins of Japanese photography as well as to determine the exact time of appearance of the first camera and the first photograph in Japan. The analysis of the early photography history in Japan is carried out based on the experience of both “Western” and Japanese photographers.

Keywords: Japanese photography, “shashin”, camera obscura, Ueno Toshinojo, Ueno Hikoma, daguerreotype, Elifalet Brown, A.F. Mozhaysky, portrait of Shimazu Nariakira, Japanese photographers, Western photographers in Japan.

Author: Sanchirova Kristina V., 4-year student, Department of Japanology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University. E-mail: krystasan@mail.ru

Фотография не является японским изобретением, однако нельзя не согласиться с тем, что Япония внесла немалый вклад в развитие фотографического дела. Запечатлённая на снимках фотографов экзотика быта и культуры Страны восходящего солнца обращает на себя внимание многих авторов книг по истории японской фотографии, в том числе и автора данной работы.

Актуальность выбранной для изучения темы обусловлена повышенным интересом общества к явлению фотографии. Относительная простота использования фототехники, а также

её доступность способствовали популяризации фотографического дела в современном обществе. Теперь заинтересованные в фотоискусстве люди хотят больше знать об истоках происхождения тех или иных художественных приёмов, в том числе и о японской технике раскраски полученных мастером изображений, чтобы впоследствии использовать их в своей работе. Кроме того, на данный момент в российском научном пространстве имеется небольшое количество работ, посвящённых исследованию японской фотографии конца периода Эдо и начала периода Мэйдзи. Дальнейшее и более углублённое изучение данной темы сможет не только повлиять на изменение взглядов, мнений современного общества относительно фотографического дела, но и принести также практическую пользу заинтересованным в японской фотографии и фотографии в целом лицам.

Большей своей частью проделанное исследование основывается на трудах англоязычных и японоязычных авторов. В особенности хотелось бы отметить работы американского историка японской и китайской фотографии Терри Беннетта, собравшего воедино материалы побывавших в Японии фотографов, а также работы известного фотокритика и исследователя японской фотографии Торихара Манабу 日本写真史 (яп. «Нихонсясинси» – История японской фотографии). «Полная история японской фотографии в 12 томах», в свою очередь, помогла не только понять теорию постановки кадра в японской фотографии, но также наглядно представить себе работы японских авторов того времени. Подробные жизнеописания японских фотографов, составленные зарубежными авторами, помогли глубже вникнуть в смысл снятых кадров с учётом исторического контекста. Отдельного внимания заслуживает развитая система японской стоковой фотографии, с помощью которой значительно упростился поиск всех необходимых снимков через Интернет.

Японская фотография

Обозначающий фотографию термин 写真 (с яп. «сясин» – фотография) появился ещё в V–VI веках. Одно из первых упоминаний термина содержится в работе «Новые речи, в свете ходящие» (V век) китайского писателя и историка Лю Ицина. Термин можно наблюдать также в работе китайского учёного Янь Чжитуя под названием «Семейные наставления рода Янь» (VI век). Термином 写真 подписывали нарисованные портреты людей, о жизни которых повествовали произведения. Затем термин проник в Японию, но его значение стало другим. Теперь им подписывали изображения знатных особ, а также картины, на которых изображались синтоистские и буддийские божества. Современное значение фотографии термин получил лишь в начале XVIII века, когда художники в Японии начали писать реалистичные портреты, изображая людей «такими, как есть» [18, с. 4].

С тех пор термин 写真 используется в данном иероглифическом написании исключительно в японском языке. Предстоит разобраться в том, почему японцы не позаимствовали современный иероглифический термин из Китая (照片)¹, а оставили прежний (写真), или же не использовали

¹ 照片 (кит. «zhàopiàn») – фотография.

западный термин из Голландии (Fotografie)², откуда, кстати, и была в XVII веке привезена в Японию первая камера-обскура. По-видимому, разнилось не только понимание устройства фотографического аппарата, но и само отношение к явлению фотографии.

Итак, японское словосочетание состоит из двух иероглифов, где 写 (яп. «ся») – «изображать, отражать», а 真 (яп. «син») – «правда, истина, реальность». При дословном переводе словосочетание звучит как «отражение истины» или «отображение реалей». Однако, как выяснилось, данное определение не совсем соответствовало действительности. Зачастую на японских фотографиях XIX века можно было видеть облачённых в традиционные наряды японских актёров, которые были наняты мастерами для фотосъёмки. Часто вокруг них расставлялась домашняя утварь, а в руках они держали традиционные музыкальные инструменты (рис. 1). Это делалось с определённой целью: такие традиционные одеяния и кажущиеся примитивными вещи были призваны придать кадру эффект старины. Таким образом, многие из снятых тогда кадров имели постановочный характер, что никак не являлось «отражением японских реалей» того времени. Такие фотографии лишь соответствовали требованиям иностранцев, которые хотели видеть в Японии экзотическую страну со своими, не понятными западному человеку, традициями и обычаями.

Рис. 1.

² Fotografie (голландский язык, от др.-греч. φῶς (род. п. φωτός) «свет» и γράφω «пишу») – термин, описывающий технику рисования светом, светопись.

Чтобы понять, чем была фотография для японцев, а также отследить закономерность развития раннего японского фотоискусства и особенности фотографического процесса в Японии второй половины XIX века, необходимо выяснить, где и каким образом впервые появилась фотография в Японии, другими словами, рассмотреть истоки становления японской фотографии.

Появление светописси

Говоря об истоках зарождения японской фотографии, следует упомянуть о том, что когда в Японию была привезена первая камера, то по своему прямому назначению она не использовалась, а если быть точнее, то технологии того времени ещё не позволяли закреплять сделанное изображение на бумаге или каком-либо другом носителе. Камера-обскура (рис. 2) или «донкуру-каамуру» (*donker kamer*) [18, с. 6], как называли её японцы, ориентируясь на голландское произношение, позволяла получать перевёрнутое изображение объектов, но не могла закрепить его на каком-либо материале. Поэтому чаще всего она использовалась художниками, которые с её помощью перерисовывали изображение находящихся перед камерой объектов на бумагу. Сама камера была привезена в Нагасаки голландцами в сентябре 1645 г. [13, с. 1], который стал отправной точкой в ходе истории японской светописси³.

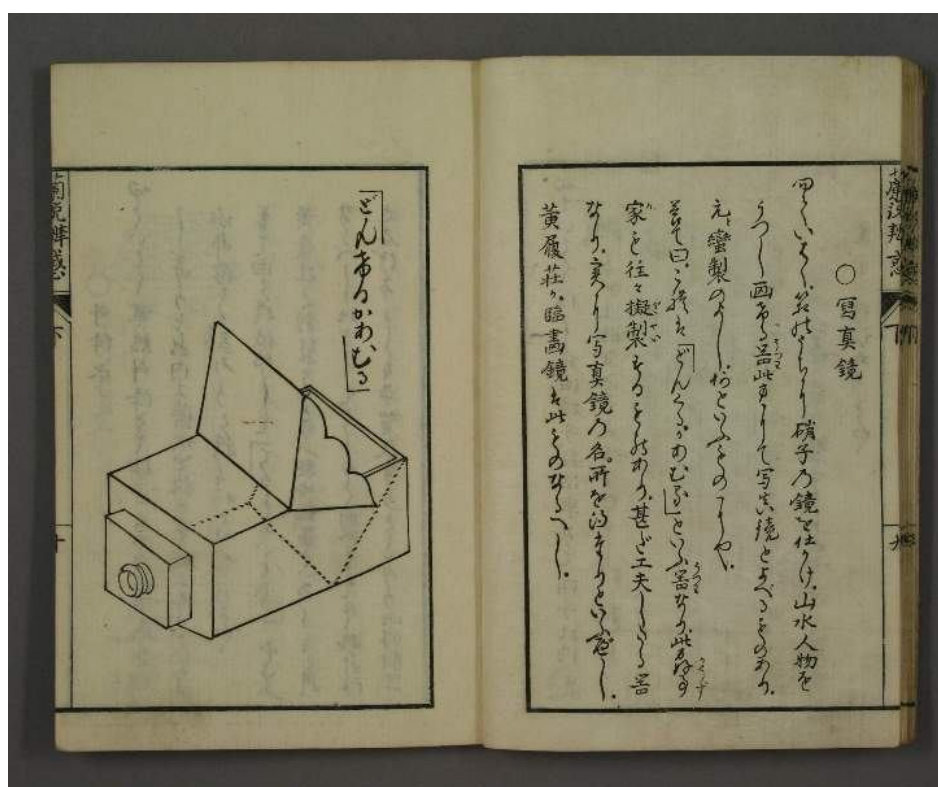

Рис. 2.

³ Устаревшее название фотографии (от др.-греч. φῶς (род. п. φῶτός) «свет» и γράφω «пишу»; светопись – техника рисования светом).

С появлением светочувствительных материалов в первой половине XIX века стало возможным развитие фотографического процесса. Камера-обскура послужила моделью для создания первых фотокамер. Они во многом отличались от своего предшественника: сначала в камеру добавили призму, затем для улучшения изображения в камере начали использовать менисковую линзу с диафрагмой. Теперь необходимо было найти подходящий материал, на котором мастер мог бы запечатлеть то или иное изображение. В результате долгих опытов с целью получения фотографии в 1839 г. французский учёный Луи Жак Манде Дагер изобрёл первый фотоаппарат, позволявший сохранять изображение на дагеротипах⁴. Своё изобретение учёный запатентовал 7 января 1839 г. Тогда была изобретена камера, с помощью которой появилась первая фотография. С тех пор устройство фотокамеры и техника выполнения снимков стали известны всему миру, и Япония не была исключением.

Фотографическая техника проникла на территорию Японского архипелага спустя некоторое время через искусственно сооружённый в бухте города Нагасаки остров Дэдзима⁵. Несмотря на то, что в период самоизоляции страны 鎖国 (яп. «сакоку» – самоизоляция Японии)⁶ с 1641 по 1853 г. в Японию категорически запрещался въезд европейцев, по приказу сёгуна Токугава Иэмицу голландской Ост-Индийской компании разрешалось вести торговлю с Японией через остров Дэдзима. На протяжении около 200 лет остров Дэдзима был одним из важнейших «окон» Японии во внешний мир. Через него в Японию проникали разнообразные иноземные товары и технологии, в том числе и первая камера, позволяющая делать дагеротипические снимки. Первая фотокамера появилась в Японии в 1848 г. Согласно многим источникам [4, с. 73; 5, с. 161] импортёром первой камеры был Уэно Тосинодзё: (上野俊之丞)⁷, сын которого – Уэно Хикома (上野彦馬)⁸ стал впоследствии одним из первых профессиональных фотографов в Японии.

Техника выполнения снимка на данной фотокамере отличалась от предыдущей привезённой голландскими путешественниками камеры-обскуры возможностью одномоментно закрепить изображение на носителе. Сначала снимок, или дагерротип, получали на серебряной пластинке, обработанной парами йода. Затем пластинку экспонировали⁹ и проявляли в парах ртути, после чего фиксировали изображение горячим раствором поваренной соли или гипосульфита. Дагеротипы отличались от предыдущих снимков очень высоким качеством

⁴ Дагеротипия – ранний фотографический процесс, основанный на светочувствительности йодистого серебра. Первая в мире работоспособная технология фотографии, использовавшаяся в течение двух десятилетий.

⁵ Дэдзима (яп. 出島 – досл. «выпирающий остров») – искусственный остров в форме веера в бухте Нагасаки. С 1641 по 1853 год, в период японской самоизоляции, служил голландским торговым портом.

⁶ Сакоку (яп. 鎖国 – запертая страна) – официальная политика самоизоляции Японии от внешнего мира, проводимая с 1641 по 1853 г.

⁷ Уэно Тосинодзё: (上野俊之丞) – торговец из города Нагасаки, который привёз в Японию в 1848 году первую камеру.

⁸ Уэно Хикома (上野彦馬) – сын Уэно Тосинодзё. Его фотостудия, находившаяся в Нагасаки, была очень популярна среди иностранцев, а его снимки, многие из которых сохранились до нашего времени, считались одними из самых качественных, профессионально снятых снимков, сделанных в Японии того времени. Памятник Уэно Хикома установлен в городе Нагасаки.

⁹ Экспонировать – значит подвергать действию света светочувствительный материал (фото-, киноплёнку, фотопластинку, фотобумагу).

изображения, но их минусом было то, что можно было получить только один снимок, так как технология на тот момент не позволяла сделать копию кадра.

Несмотря на то, что первая фотокамера была завезена в Японию в 1848 г., первый качественный дагеротипический снимок удалось получить лишь в 1857 г., – это хорошо сохранившийся до наших дней портрет даймё¹⁰ княжества Сацума (ныне префектура Кагосима) Симадзу Нариакира (島津斉彬) (рис. 3).

Рис. 3.

Тот факт, что первая японская фотография появилась лишь в 1857 г., обусловлен несколькими факторами: во-первых, освоение западной культуры и её изобретений вызывало большие затруднения у японцев на ранних порах; во-вторых, в связи с труднодоступностью необходимых для изготовления фотоснимков материалов и оборудования фотографы были вынуждены искать альтернативные варианты, для чего проводили опыты с новыми, неизвестными им химическими веществами и фотоэмульсиями. Проведение подобных опытов требовало больших затрат, и так как не каждый фотограф мог себе это позволить, то бывали случаи, когда мастера бросали фотографическое ремесло и переключались на что-то другое.

¹⁰ Даймё (яп. 大名, «даймё:») – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии.

Кроме того, у первых фотографов в Японии много времени отнимал поиск моделей для съёмки. Дело в том, что в то время многие японцы боялись фотографироваться, полагая, что их появление в кадре приведёт к «истощению жизненной энергии», болезни или даже смерти, и отказывались от проведения съёмок с их участием. Поэтому совершенно не удивительно, что на фотосессии приглашались в основном актёры и актрисы, наделявшие фотографии неестественной статичностью. Глядя на снимки того времени, возникает ощущение присутствия в японском театре, где на какой-то момент замолкла музыка и актёры застыли в причудливых позах (рис. 4).

Рис. 4.

Таким образом, до приезда в Японию первых профессиональных фотографов (1853), одними из которых были участники первых экспедиций в Японию – Элифалет Браун и Александр Фёдорович Можайский, техника получения качественного фотографического снимка для японцев оставалась загадкой. Безусловно, освоение фотографической техники японцами началось ещё в 1848 г., когда через остров была привезена первая камера, но попытки сделать качественное изображение в то время потерпели неудачу. Снимки были смазанными, не было видно чётких очертаний объектов съёмки. Однако ещё до того, как в Японии появилась первая технически правильно снятая японцем фотография с качественным изображением в 1857 г., снимки первых фотографов-иностранцев возбудили немалый интерес к фотографии в Стране восходящего солнца. Тогда же, прибегая к помощи своих западных коллег, свои первые шаги в научно-исследовательской и творческой деятельности начали делать первые японские фотографы.

Первые фотографы-иностранцы в Японии

Началом нового этапа в истории японской фотографии можно считать 1853 год, когда в Японию прибыла американская экспедиция во главе с коммодором Перри. Официальный фотограф экспедиции Элифалет Браун (1816–1886) был одним из первых, кто сделал фотоснимки с видами Японии. За время своего пребывания в Японии американский фотограф сделал около 400 дагеротипических снимков, однако до наших дней сохранились лишь пять, четыре из которых хранятся в музеях в Японии¹¹, а ещё один – в коллекции Епископского музея в Гонолулу. Многие дагеротипы Брауна, к несчастью, погибли при пожаре в находившейся в Филадельфии типографии P.S. Duval, где снимки готовили для иллюстрированного издания Мэттью Перри.

В том же году, независимо от Брауна, в Японии фотографировал русский офицер Александр Фёдорович Можайский (1825–1890). А.Ф. Можайский прибыл в Японию вместе с экспедицией, отправленной под руководством адмирала Евфимия Васильевича Путятина в октябре 1852 г. на Дальний Восток, к берегам Японии, из Кронштадта. Можайский, обладавший прекрасными навыками рисования, отразил на бумаге поход на фрегате «Диана» и переговоры по подписанию российско-японского договора в серии акварельных и графических рисунков. К сожалению, до наших дней сохранились не все рисунки: как писал Можайский, «японцы, чрезмерно любопытные, не раз похищали у меня рисунки» [26]. Поэтому кое-какие пробелы он заполнил светописью. Купив фотокамеру во Франции, Александр Фёдорович снял множество дагеротипов, среди которых есть снимок представителя японской делегации на переговорах с Путятиным – Кавадзи Тосиакира (川路聖謨) (рис. 5). Сейчас этот дагеротип хранится в Историографическом институте Токийского университета.

Рис. 5.

¹¹ Два из них хранятся в художественном музее города Иокогама, а остальные – в музеях Токио и Хакодате соответственно.

Тогда в Японии люди не знали, что из себя представляет фотография, поэтому дагеротипы, сделанные Можайским и Брауном, стали настоящим открытием для них. Можайский писал: «Японцы... на дагеротип смотрели со страхом, считая действие его сверхъестественным. Когда... в первый раз показали японцам произведения светописы, то эти идолопоклонники приписали сие действие христианской религии» [26]. Именно благодаря рисункам и дагеротипам, сделанным первыми фотографами-иностранцами в Японии, мы имеем наиболее реалистичное представление о людях, быте и культуре страны того времени.

Первые японские фотографы и их наставники с Запада

Первые японские фотографы начали обучаться фотографическому делу под руководством западных наставников, когда в начале 1860-х годов те приехали в Японию. С технической точки зрения японцы во многих своих работах поначалу стремились подражать живописи. Они специально искажали тональную перспективу¹², чтобы угодить покупателю. На фоне резко очерченного переднего плана и расплывчатого заднего плана фигуры оказывались будто выдернутыми из окружающего их пространства. Кроме того, полученные фотографии раскрашивались художниками вручную, что увеличивало их сходство с живописью и традиционной японской гравюрой укиё-э. Но со временем японское понимание фотографии менялось, а вместе с тем менялась и техническая составляющая.

После того как последний сёгун Токугава Ёсинобу ушёл в отставку и объявил о восстановлении имперского правления в 1867 году, император провозгласил начало новой эпохи – эпохи Мэйдзи (1868–1912). Это был период значительного реформирования и модернизации страны. В то время Япония переживала переходный этап от феодализма к капитализму, происходило становление индустриальной мировой державы. После практически двухвековой самоизоляции Япония была вынуждена заново открыть свои двери «внешнему» миру. Вместе с экспедициями в страну прибывали иностранные фотографы, которые оставили после себя большое количество снимков людей, архитектуры, пейзажей Японии. С их помощью иностранцы смогли больше узнать о культуре и быте Страны восходящего солнца. Кроме того, так как процесс индустриализации был тесно связан с развитием науки и техники, то и фотография по мере модернизации общества претерпевала изменения. Помимо снимков пейзажей и портретов в Японии стали появляться кадры, в которых традиционность и новшества зарождающейся индустриальной державы органично перекликались между собой (рис. 6).

¹² Тональная перспектива характеризуется исчезновением чёткости и ясности очертаний предметов по мере их удаления от глаз наблюдателя. При этом дальний план характеризуется уменьшением насыщенности цвета (цвет теряет свою яркость, контрасты светотени смягчаются), таким образом – глубина кажется более тёмной, чем передний план.

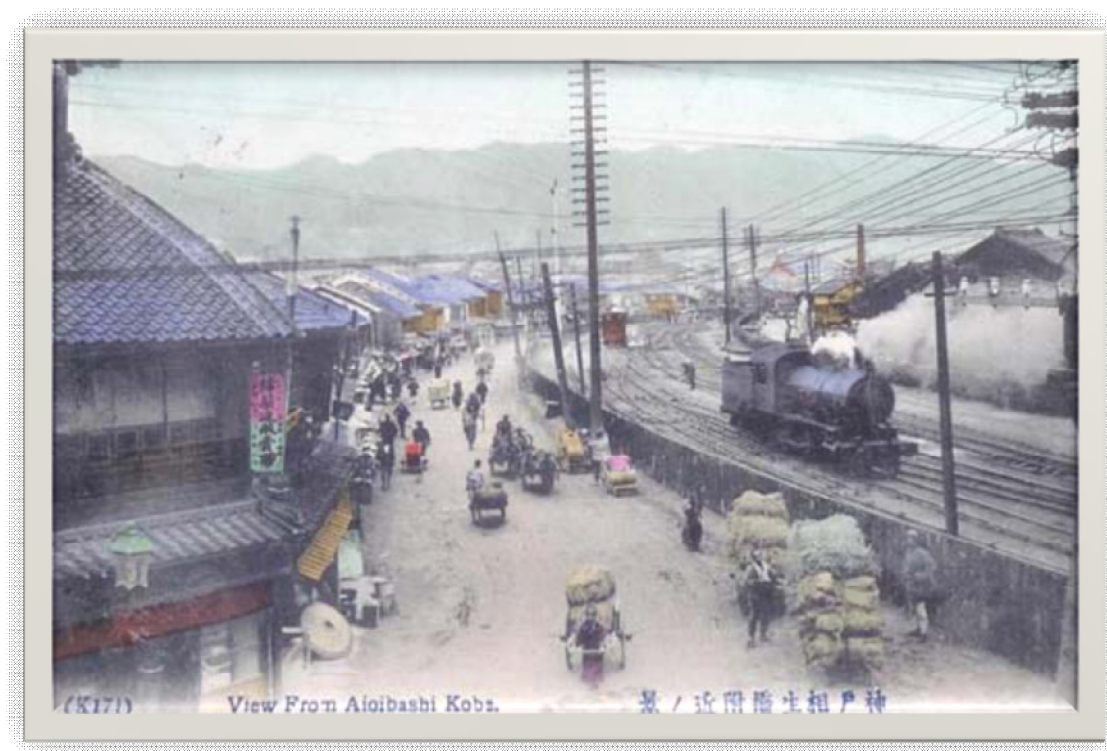

Рис. 6.

Нельзя не учесть тот вклад, который внесли западные исследователи в мир японской фотографии. Они пробудили в японцах искренний интерес к фотографии, тем самым поспособствовав развитию фотографического дела в Японии. Благодаря их труду в Японии появились такие мастера фотографии, как Симоока Рэндзё, Уэно Хикома, Утида Куити и др. Кроме того, гости с Запада привозили в Японию новые фотоэмульсии и фотографическое оборудование по последнему слову техники, которые зачастую продавали японцам. Благодаря им японцы не только изучили технику выполнения снимка, но также получили возможность самостоятельно проводить опыты с фотографией. С течением времени также появилось множество фотоателье, где практически каждый мог заказать свой фотопортрет. Из чего следует, что фотография стала доступной практически всем жителям страны.

Примерно в то же время на Западе начали пользоваться спросом туристические открытки, фотоальбомы с изображениями с Дальнего Востока. Всё больше людей стало интересоваться историей, культурой и традициями Японии. Несмотря на то, что после реставрации Мэйдзи¹³ японское правительство всё ещё продолжало проводить политику протекционизма и культурной изоляции, в Европу проникали разнообразные японские товары, включая гравюры укиё-э, зародившие среди представителей западной буржуазии «моду на Японию».

¹³ Реставрация Мэйдзи (яп. 明治維新), известная также как Революция Мэйдзи – комплекс политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868–1889 гг., превративший отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира.

Среди западных фотографов, приехавших в Японию, наиболее всего известны следующие: швейцарский фотограф Пьер Росье, английский фотограф итальянского происхождения Феличе Беато, австрийский фотограф Барон Раймунд фон Штильфрид, итальянский фотограф Адольфо Фарсари, голландский военный врач Йохан Лийдиус Катаринус Помпе ван Меердервор и др. Они передали свои знания японцам и поспособствовали зарождению в Японии первой профессиональной школы фотографов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что после революции Мэйдзи были смягчены ограничения на въезд в страну, поэтому большое количество туристов разом устремилось в Японию. Фотография, привезённая из экзотической страны, стала популярным туристическим сувениром, зародив таким образом спрос на рынке туристических фотографий. В то время путешественники в большинстве своём были заинтересованы в фотографиях, больше отражающих традиционную японскую культуру, нежели современную. Поэтому многие из японских фотографов старались изобразить на снимках облачённых в *кимоно* или *юката* людей, рядом с которыми стояли типичные для Японии предметы быта (рис. 7). Можно сделать вывод, что путешественники коллекционировали фотографии, желая не столько сохранить воспоминания о пребывании в Японии, сколько запечатлеть ту традиционную культуру страны, которую, как они думали, Япония потеряет с переходом в современную эпоху.

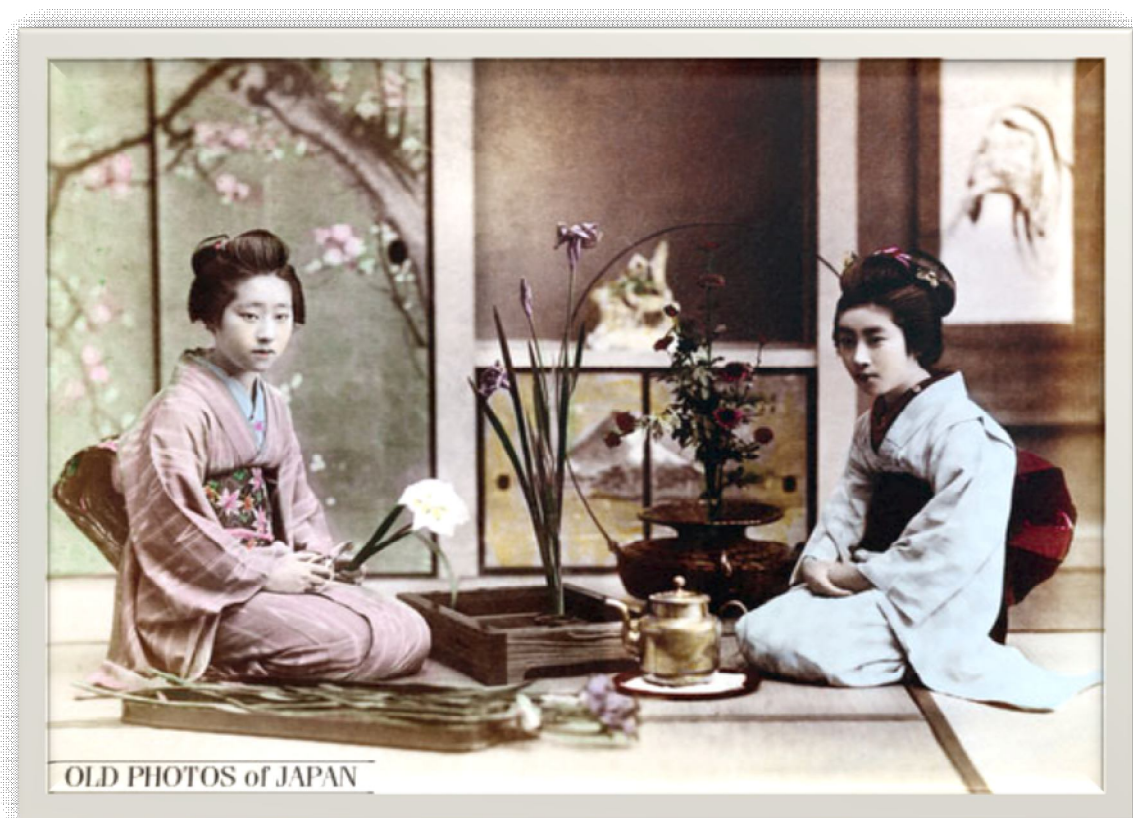

Рис. 7.

Заключение

Период появления и развития японской фотографии, словно зеркало, отражает суть происходящих в Стране восходящего солнца преобразований в конце XIX века, когда Япония после двухсотлетней изоляции распахнула свои двери для диалога с остальным миром. Запечатлённые на снимках¹⁴ японских и западных фотографов элементы культуры страны, её жители, а также уклад их жизни помогают лучше понять, какой была Япония в то время. Японская фотография той эпохи стала не только летописцем происходящего, но и вызывающим к себе неподдельный интерес японцев фактором, проложившим мостик к пониманию и принятию всех политических, экономических и социальных изменений, ворвавшихся в страну, где главенствовали традиции.

В ходе исследования были рассмотрены периоды истории развития фотографии до и после реставрации Мэйдзи на примере опыта японских и западных фотографов. Ни для кого не является секретом, что работы того или иного писателя, художника или же фотохудожника стоит рассматривать вместе с биографией самого автора, поэтому, чтобы провести анализ определённого периода в истории фотографии, необходимо было изучить жизнь людей, посвятивших себя постижению этого искусства. В течение своей жизни они выработали своё собственное отношение к фотографии, что впоследствии воплотилось в их работах. Благодаря этим беззаветно преданным своему делу мастерам мы имеем возможность разглядеть черты давно ушедших людей той эпохи и восстановить живую картинку далёких событий.

Формирование японской школы фотографии во второй половине XIX века – большое достижение как первых фотографов в Японии, так и их последователей, каждый из которых внёс свой вклад в историю развития японской фотографии. Знания, полученные с Запада, помогли сформировать японцам собственную точку зрения на явление фотографии, которая впоследствии отразилась не только на работах японских фотохудожников, но также и на термине, которым они определяли само фотоискусство 写真. Поэтому, рассматривая работу того или иного японского фотографа, необходимо принимать во внимание данное определение фотографии, ведь именно от него зависит целостное восприятие снятого кадра. Японская школа фотографии второй половины XIX века сформировала собственный взгляд на окружающий мир и происходящие в нём события. Имена фотографов, представлявших её, получили известность и за пределами Японии, а их труды вошли в золотой фонд мировой фотографии.

Библиографический список

На русском языке

1. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония // М.: Наталис Рипол Классик, 2006. 735 с.
2. Савельева А.В. Фотографии Кусакабэ Кимбэй в собрании Государственного Эрмитажа / А.В. Савельева. С. 51–64. Сообщения Государственного Эрмитажа. [Вып.] LXVII. // СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 192 с.

¹⁴ За исключением постановочных кадров, предназначенных для продажи иностранным покупателям.

На английском языке

3. *Akiyoshi Tani*. Pioneering portraits: early photography in Japan // Translation and editing by Oliver Moore. IAS NEWSLETTER #49 AUTUMN 2008.
4. *Bennett Terry*. Photography in Japan, 1853–1912. Tokyo: Tuttle Publishing, 2006. 320 p.
5. *Conant Ellen P.* Challenging Past and Present: The Metamorphosis of Nineteenth-Century Japanese Art. University of Hawaii Press, 2006. 292 p.
6. *Gartlan Luke*. A Career of Japan: Baron Raimund Von Stillfried and Early Yokohama Photography (Photography in Asia). Leiden: Brill Academic Pub., 2015. 371 p.
7. *Hannavy John*. Encyclopedia of Nineteenth-Century Photography. New York: Routledge, 2007. 1736 p.
8. *Hight Eleanor M.* Capturing Japan in Nineteenth-Century. New England Photography Collections. Aldershot: Ashgate, 2011. 226 p.
9. *Kim Gyewon*. Registering the Real: Photography and the Emergence of New Historic Sites in Meiji Japan. // A dissertation submitted to McGill University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. McGill University, Montreal. October 2010. 363 p.
10. *Low Morris*. Japan on Display: Photography and the Emperor (Routledge/Asian Studies Association of Australia (ASAA) East Asian Series). New York: Routledge. 2006. 216 p.
11. *Odo David*. The Journey of «A Good Type»: From Artistry to Ethnography in Early Japanese Photographs. Cambridge: Peabody Museum Press, 2015. 144 p.
12. *Tucker Anne, Kotaro Izawa, Naoyuki Kinoshita*. The History of Japanese Photography // Museum of Fine Arts, Houston: Yale University Press, 2003. 405 p.

На японском языке

13. Гэндай сясин дзинмэй дзитэн : [Биографический словарь современной японской фотографии]. Токийский музей фотографии. Токио: Ассоциация Нитигаи, 2005. 593 с. 現代写真人名事典. 東京都写真美術館. – 東京 : 日外アソシエーツ, 2005 年. 593 頁。
14. Ёсимото Хидэюки. Нихон ни окэру камэра-обусукура = сясинкё : [Камера-обскура в Японии = камера-зеркало] // Токио: Токийский университет иностранных языков, март 2017. 12 с. 吉本秀之. 日本におけるカメラ・オブスクラ=写真鏡. 2017 年 3 月、12 頁。
15. Морисигэ Кадзуо. Симоока Рэндзё: Нихон сясин но кайтаку-ся : [Основоположник японской фотографии] / Токийский музей фотографии. Токио: Кокусёканко:кай, 2014. 233 с. 下岡蓮杖 日本写真の開拓者. 東京都写真美術館. – 東京: 国書刊行会、2014 年。 233 頁。
16. Нихон сясин дзэнсю: (дзэн дзю:ни кан) : [Полная история японской фотографии в 12 томах]. Токио: Сёгакукан, 1985–88. 日本写真全集(全 12 卷). 東京:小学館、1985–88 年。
17. Такахаси Синъити. Симоока Рэндзё: то Бураун но сю:хэн но сясин ни цуитэ : [Фотографии в окружении Брауна и Симоока Рэндзё:] // Университет Кэйо, 18 февраля 2008. 下岡蓮杖とブラウンの周辺の写真について。 慶應義塾大学. 准教授 高橋信一。 2008 年 2 月 18 日。

18. *Торихара Манабу*. Нихон сясинси (уэ) : [История японской фотографии (том 1)] // Токио: Тюо:ко:ронсинся, 20 декабря 2013. 230 с. 日本写真史 (上) // 東京: 中央公論新社. 鳥原学. 230頁.

Интернет-источники

19. *Baxley George C., Eliphalet M. Brown Jr.* Daguerreotypist and Artist for the Perry Expedition To Japan : [Бэксли Джордж К., Элифалет М. Браун младший. Дагеротипист и художник экспедиции Перри в Японию]. URL: <http://www.baxleystamps.com/litho/brown.shtml> (дата обращения: 04.02.2016).

20. Early Photography of Japan. URL: <http://hcl.harvard.edu/collections/epj/index.cfm> (дата обращения: 05.11.2015).

21. *Ono Philbert*. A guide to photography in Japan : [Оно Фильберт. Руководство по японской фотографии]. URL: <http://photojpn.org/HIST/hist1.html> (дата обращения: 23.02.2016).

22. Photography in Japan. Essay by Mariko Takeuchi, guest curator of «Spotlight of Japan» for Paris Photo 2008 : [Фотография в Японии. Эссе Марико Такэути, приглашённого гостя-куратора мероприятия «Spotlight of Japan» в Париже на фотовыставке 2008 г.]. URL: <http://v1.zonezero.com/magazine/articles/takeuchi/index.php> (дата обращения: 10.02.2016).

23. Дагеротипы и фотографии Японии периода Эдо (до 1868 г.). URL: <http://schwarzze.livejournal.com/251573.html?thread=871605> (дата обращения: 20.10.2015).

24. История возникновения и развития фотографии. URL: <http://studall.org/all-131512.html> (дата обращения: 20.10.2015).

25. История колоризации фотографий. URL: <http://www.photorepair.ru/istoriya-kolorizatsii-fotografiy> (дата обращения: 20.03.2015).

26. А.Л. Кортик и карандаш // Япония сегодня. URL: <http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/ist/doverie/9/> (дата обращения: 20.11.2015).

27. *Лецинский Андрей*. Фотография Японии. 13 марта 2010. URL: http://fotose.com/ru/life/history/349/Fotografiya_Yaponii-3395/ (дата обращения: 20.10.2015).

28. Что собой представляет японская фотография XIX века. URL: <http://prophotos.ru/lessons/7606-yaponskaya-fotografiya-xix-veka> (дата обращения: 04.02.2016).

29. Никон дэ сайсё ни сясин о тотта но ва дарэ? : [Кто снял первую фотографию в Японии?]. 日本で最初に写真を撮(と)ったのはだれ? URL: <http://discovery.panasonic.com.tw/electricity/lab/lab11cam/l110102.html> (дата обращения: 10.02.2016).

30. Нихон сясинси – итираннэнпё: : [Хронология истории японской фотографии]. 日本写真史一覧年表. URL: <http://www.geocities.jp/photography1862/kikakusitu/syasinsinenpyou.html> (дата обращения: 10.02.2016).

31. Рансэцубэнваку : [Изложение научных открытий Запада]. 蘭説弁惑. URL: http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/ru08/ru08_03035/index.html (дата обращения: 13.02.2018).

References

In Russian

1. Mesheryakov, A.N. (2006). Imperator Meiji i ego Yaponiya [Emperor Meiji and his Japan]// M.: Natalis Ripol Classic. 735 p.
2. Savelieva, A.V. (2009). Forografii Kusakabe Kimbei v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Kusakabe Kimbei's photographs in the archives of the State Hermitage Museum]/ P. 51–64. Soobsheniya Gosudarstvennogo Ermitazha LXVII// SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 192 p.

In English

3. Akiyoshi, Tani. (2008). Pioneering portraits: early photography in Japan // Translation and editing by Oliver Moore. IAS Newsletter #49 Autumn 2008.
4. Bennett, Terry. (2006). Photography in Japan, 1853-1912. Tokyo: Tuttle Publishing, 2006. 320 p.
5. Conant, Ellen P. (2006). Challenging Past and Present: The Metamorphosis of Nineteenth-Century Japanese Art. University of Hawaii Press, 2006. 292 p.
6. Gartlan, Luke. (2015). A Career of Japan: Baron Raimund Von Stillfried and Early Yokohama Photography (Photography in Asia). Leiden: Brill Academic Pub., 2015. 371 p.
7. Hannavy, John. (2007). Encyclopedia of Nineteenth-Century Photography. New York: Routledge, 2007. 1736 p.
8. Hight, Eleanor M. (2011). Capturing Japan in Nineteenth-Century. New England Photography Collections. Aldershot: Ashgate, 2011. 226 p.
9. Kim, Gyewon. (2010). Registering the Real: Photography and the Emergence of New Historic Sites in Meiji Japan // A dissertation submitted to McGill University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. McGill University, Montreal. October 2010. 363 p.
10. Low, Morris. (2006). Japan on Display: Photography and the Emperor (Routledge/Asian Studies Association of Australia (ASAA) East Asian Series. New York: Routledge, 2006. 216 p.
11. Odo, David. (2015). The Journey of «A Good Type»: From Artistry to Ethnography in Early Japanese Photographs. Cambridge: Peabody Museum Press, 2015. 144 p.
12. Tucker, Anne. Kotaro, Iizawa. (2003). Naoyuki, Kinoshita. The History of Japanese Photography // Museum of Fine Arts, Houston: Yale University Press, 2003. 405 p.

In Japanese

13. Yoshimoto, Hideyuki. (2017). Nihon ni okeru kamera-obusukura = shashinkyo [Camera obscura in Japan = camera-mirror. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, March. 12 p. 吉本秀之. 日本におけるカメラ・オブスクラ=写真鏡. 2017年3月、12頁。
14. Gendai shashin jinmei jiten [Biographical dictionary of modern Japanese photography. Tokyo Museum of Photography. Tokyo: Nichigai Association, 2005. 593 p. 現代写真人名事典. 東京都写真美術館. – 東京: 日外アソシエーツ, 2005年. 593頁。
15. Morishige, Kazuo. (2014). Shimooka Renjo: Nihon shashin no kaitaku-sha. = [Shimooka Renjo: Pioneer Of Japanese Photography. Tokyo Museum of Photography. Tokyo: Kokushokankokai,

2014. 233 с. 下岡蓮杖 日本写真の開拓者. 東京都写真美術館. – 東京: 国書刊行会、2014年。 233頁。

16. Nihon shashin zenshu: (zen ju:ni kan) [Full story of Japanese photography in 12 volumes. Tokyo: Shogakukan, 1985–88. 日本写真全集(全12巻). 東京:小学館、1985–88年。

17. Takahashi, Shinichi. (2008). Shimooka to Buraun no shuhen no shashin ni tsuite [Photographs of Brown's and Shimooka's surroundings// Keio University, 18 February. 下岡蓮杖とブラウンの周辺の写真について。慶應義塾大学. 准教授 高橋信一。2008年2月18日。

18. Torihara, Manabu. (2013). Nihon shashinshi (ue) [The history of Japanese photography (1 volume)// Tokyo: Chuokoronshinsha, 20 December, 2013. 230 p. 日本写真史 (上) // 東京: 中央公論新社。鳥原学。230頁。

Internet Sources

19. Baxley, George C. Eliphalet M. Brown, Jr. Daguerreotypist and Artist for the Perry Expedition to Japan. URL: <http://www.baxleystamps.com/litho/brown.shtml> (accessed: 04.02.2016)

20. Early Photography of Japan. URL: <http://hcl.harvard.edu/collections/epj/index.cfm> (accessed: 05.11.2015).

21. Ono, Philbert. A guide to photography in Japan. URL: <http://photojpn.org/HIST/hist1.html> (accessed: 23.02.2016).

22. Photography in Japan. Essay by Mariko Takeuchi, guest curator of «Spotlight of Japan» for Paris Photo 2008. URL: <http://v1.zonezero.com/magazine/articles/takeuchi/index.php> (accessed: 10.02.2016).

23. URL: <http://schwarzze.livejournal.com/251573.html?thread=871605> (accessed: 20.10.2015).

24. URL: <http://studall.org/all-131512.html> (accessed: 20.10.2015).

25. URL: <http://www.photorepair.ru/istoriya-kolorizatsii-fotografiy> (accessed: 20.03.2015).

26. URL: <http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/ist/doverie/9/> (accessed: 20.11.2015).

27. URL: http://fotose.com/ru/life/history/349/Fotografiya_Yaponii-3395/ (accessed: 20.10.2015).

28. URL: <http://prophotos.ru/lessons/7606-yaponskaya-fotografiya-xix-veka> (accessed: 04.02.2016).

29. URL: <http://discovery.panasonic.com.tw/electricity/lab/lab11cam/1110102.html> (accessed: 10.02.2016).

30. URL: <http://www.geocities.jp/photography1862/kikakusitu/syasinsinenpyou.html> (accessed: 10.02.2016).

31. URL: http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/ru08/ru08_03035/index.html (accessed: 13.02.2018).

Поступила в редакцию 02.04.2018

Received 02.04.2018

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10011

Финансовый кризис и Мэйдзи исин

С.А. Толстогузов

Аннотация. Столетие Российской революции 1917 года в 2017 г. и юбилей Мэйдзи исин в 2018 г. продемонстрировали высокую степень внимания общественности к обоим историческим событиям. В чём же причины такого интереса? Частично ответ на этот вопрос можно получить путём сравнительного анализа экономической ситуации, быстрое ухудшение которой стало заметной чертой обоих событий. Поэтому в данной работе внимание будет сконцентрировано на проблеме финансово-экономического кризиса, который оказал значительное влияние на экономику, а вместе с этим – на социально-экономическую структуру обоих государств, изменение которой во многом определяет смысл термина «революция». Этот кризис оказал разрушительное воздействие на экономику сёгуната Токугава и Российской империи. Его характерной особенностью было резкое падение стоимости денег на фоне гиперинфляции, когда выпуск дополнительных объёмов денег только обостряет ситуацию. Поэтому падение стоимости денег, инфляция и финансовые проблемы нуждаются в углублённом сравнительном исследовании. Данный подход несколько не исключает признания многочисленных различий между двумя событиями как в области понимания роли насилия, так и других субъективных и объективных факторов. Основная идея статьи заключается в том, что экономическая основа кризисной ситуации во время Российской революции 1917 года и Мэйдзи исин была принципиально одинаковой, а влияние кризисного состояния экономики должно постоянно учитываться при анализе обоих событий.

Ключевые слова: Мэйдзи исин, финансовый кризис, инфляция, трансформация, 2 бу годов Манъэн, 1 бу годов Тэмпо, Российская революция 1917 г.

Автор: Толстогузов Сергей Анатольевич, Ph.D, кандидат исторических наук, визитный профессор Хиросимского университета. E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

Financial Crisis and Meiji Restoration

S.A. Tolstoguzov

Abstract. 2017 marks the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917, and the following year, 2018, marks the 150th anniversary of the Meiji Restoration. These two events showed wide public attention. What are the reasons for these two events from the past still stimulating such great interest today? This paper is a comparative study of both events, where special attention is being drawn to the economic basis laying behind these historical transformations. It is argued that one of the most important common feature shared between the Meiji Restoration and the Russian Revolution of 1917 was that both these phenomena had occurred in the context of large-scale financial crises, which resulted in radical restructuring of the socio-economic systems, as the term “revolution” actually implies to. In the Japanese case, this crisis destroyed the economic foundations of the Shogunate, and in the Russian case, the Russian Empire economy. Notably, in both cases, there was a sharp

drop in the currency value against the background of hyper-inflation, and additional money issuance only worsened the situation. Thus, the drop in the currency value, inflation and financial problems are the focus of this comparative study. Beyond the similarities, there have been, of course, significant differences, for example the nature and degree of violence which has been integral to both revolutions, the type of individuals involved, etc. However, this paper argues that the economic basis behind both Russian Revolution of 1917 and Meiji Restoration was essentially the same: the pressure of the economic crises were of fundamental and critical importance.

Keywords: Meiji Restoration, financial crisis, inflation, transformation, Man'en 2 bu kin, Tenpo1 bu gin, Russian Revolution of 1917.

Author: Tolstoguzov Sergey A., Ph.D – Visiting Professor, Department of Integrated Arts and Sciences, Hiroshima University. E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

Экономическая сторона Мэйдзи исин давно привлекает внимание историков, в чём существенную роль сыграли японские марксисты, давшие старт, ещё до Второй мировой войны, дискуссии о корнях японского капитализма, включая роль мануфактуры в его развитии. Последующие исследования экономических процессов не только углубили понимание Мэйдзи исин для экономики Японии, но и существенно изменили его, сделав слово «мануфактура» почти исчезнувшим из научных трудов.

Тем не менее, мы подошли к очередному юбилею Мэйдзи исин, имея больше вопросов, чем ответов. Механизм экономической трансформации не стал полностью ясен и понятен. Существует множество белых пятен, в особенности в вопросах влияния «открытия страны», начала внешней торговли и процесса создания новой экономической системы. До сих пор нет убедительного ответа на вопрос, почему в очень стабильной стране, где двести лет не было сильных экономических потрясений, вдруг развивается масштабный инфляционный кризис, который сопровождался политическим катаклизмом. Попытки объяснить его незначительными по своим масштабам оттоком золота за рубеж и более высокими ценами на иностранных рынках выглядят малоубедительными, так как вряд ли такие мелкие причины могли вызвать столь острый инфляционный кризис, поразивший экономику страны.

В отношении Мэйдзи исин встречающиеся в большинстве литературных источников прямолинейные простые объяснения зачастую легко подвергаются сомнению при беглом взгляде на события. То же самое касается марксистского взгляда на события Мэйдзи исин, который основан на представлениях о зарождении капиталистических предпосылок внутри страны, развитии рассеянной мануфактуры и борьбе классов. Мануфактура – это элемент начального этапа развития капитализма, в то время как в Японии имело место сильное влияние извне так называемой второй волны индустриализации, что предполагает скачкообразный переход на более высокую стадию капитализма, минуя мануфактурный период. Вероятность вызревания рыночных отношений такого уровня внутри страны была минимальна, что делало внешние заимствования абсолютной необходимостью.

При любой трактовке процессов в Японии необходим учёт влияния внешнего фактора, связанного с открытием экономики и началом внешней торговли, а также скачкообразного движения в развитии экономики без промежуточного этапа (в данном случае – мануфактурного капитализма).

Одновременно следует заметить, что падение сёгуната было сложным и многофакторным явлением, имевшим не только экономические, но и политические, социальные и другие составляющие. Экономический фактор в этой сложной картине взаимовлияющих процессов играл важную роль и во многом определял специфику ситуации, которая существенно отличалась от истории предыдущих двухсот лет.

В поисках ответа на вопросы Мэйдзи исин полезную информацию можно найти в истории соседних стран, таких, как Китай и Россия. Например, в соседнем Китае, который также длительное время был закрытой страной, «открытие страны» произошло ещё более насильственным образом, чем в Японии, однако это не привело к возникновению инфляционного кризиса. Точно так же, как и в других странах Азии, которые были открыты или интегрированы в мировой рынок. «Открытие страны» больше вело к существенной трансформации экономики в этих странах, чем к возникновению инфляционного кризиса, который представляет собой скорее уникальное, чем обычное явление. Для его понимания особенно полезным видится опыт Российской революции 1917 года, которая сопровождалась ярко выраженными проблемами денежно-финансового характера в условиях вполне открытой экономики и развитой внешней торговли [Толстогузов, 2005; 2014].

С этих позиций хотелось бы изложить несколько соображений и наблюдений, абсолютно не претендуя на всеобъемлющее объяснение Мэйдзи исин, которое невозможно дать в рамках столь небольшой работы. Автор скорее ставит своей целью инициировать и стимулировать дискуссию по затронутым проблемам и был бы очень рад, если бы его статья вызвала интерес других исследователей, которые изложили свою позицию по вопросу о сущности и причинах Мэйдзи.

«Открытие страны» и Мэйдзи исин

«Открытие страны» повлекло принятие нескольких важных для экономики решений. Согласие начать торговые отношения заставило определить её основные принципы и в первую очередь обменные курсы для внешней торговли, а также перечень денежных единиц, которые могли использоваться в торговых операциях. Поэтому проблеме обменных курсов было уделено первостепенное внимание на начавшихся переговорах между представителями сёгуна и иностранных государств.

В первой половине XIX столетия основной мировой валютой было серебро, которое использовалось для мировой торговли. Для этой цели существовали интернациональные денежные единицы, наиболее распространенными из которых были австрийский талер и мексиканский доллар. В период «открытия страны» такой единицей был серебряный мексиканский доллар, который играл роль доллара в современной экономике. Американский доллар также уже существовал в это время и даже имел близкие характеристики с мексиканским долларом. Однако он не мог быть использован для торговли с Японией, так как мировая торговля не велась на основе прямого обменного курса между национальными валютами. Таковым был фундаментальный принцип мировой торговли того времени, которому должна была следовать Америка, ещё не ставшая лидером мировой экономики.

Мексиканский доллар¹

Внутри Японии в условиях изоляции от внешнего мира не существовало специальной монеты для внешнеторговых операций, на основе которой возможно было высчитывать стоимость всех остальных монет. Японская торговля в Нагасаки была очень специфической и в значительной степени скорее бартерной, чем денежной. Мексиканский доллар также не использовался в торговых операциях. «Открытие страны» и начало внешней торговли требовали регулярного использования денег, что повлекло необходимость привязать мексиканский доллар к одной из японских монет.

В Японии было сразу несколько видов серебряной и золотой монет, причём первая имела значительно большую сферу обращения, так как золото использовалось главным образом представителями привилегированных классов. При этом японская золотая система была значительно более упорядочена в противовес серебряной и медной монетной системам, которые не имели единства как по весовым соотношениям, так и по номиналам. Несмотря на это основным средством обращения внутри страны и в торговле в Нагасаки были серебряные и медные деньги. Золото в значительно меньшей степени использовалось в обращении и практически не было задействовано во внешнеторговых операциях.

В этой ситуации японская сторона первоначально предложила взять за основу золотую монету. В то время как американцы, выступавшие на переговорах в качестве представителя всех иностранных государств, настояли на использовании серебра, ибо предложение японской стороны об использовании золота ставило иностранцев в крайне невыгодное положение. В Японии соотношение стоимости золота и серебра существенно отличалось от мирового, которое равнялось 1:15, в то время как в Японии 1:5². Обменный курс на основе японской золотой монеты вёл к тому, что 1 мексиканский доллар, весивший 27 г, фактически должен был

¹ Фото автора.

² Причиной такого роста котировок серебра были многочисленные перечеканки монеты, проводившиеся для пополнения казны *бакуфу*.

быть равным японской серебряной монете 1 бу, весившей 8,6 г. Большая часть торговли неизбежно должна была вестись на основе серебра, поэтому такая диспропорция означала появление спекулятивной торговли в огромных масштабах³ и явных преимуществ японской стороны. В итоге было принято решение приравнять мексиканский доллар напрямую к 1 серебряному бу годов *Тэмпо* на основе весовых параметров этой серебряной монеты и мексиканского доллара.

Серебряная монета 1 бу годов Тэмпо⁴

1 мексиканский доллар стал обмениваться на 3 японские монеты в 1 бу годов *Тэмпо*, которые по весу равнялись примерно 26 г, что делало их равноценными с точки зрения количества содержавшегося серебра. В этом случае оказалось существенно недооценённым японское золото, обменивавшееся на серебряные монеты достоинством 1 бу в соответствии с номиналом (1 золотой *рё*⁵ равен 4 серебряным бу). Номинальная стоимость содержавшегося в японских монетах золота уменьшается в три раза. Начинают проявляться негативные явления, такие, как спекуляции японским золотом и рост цен на некоторые товары, в особенности на предметы роскоши, при покупках которых использовалась золотая монета.

Основным товаром, который начинает вывозиться из страны, становится шёлк-сырец. Начинается рост внутренних цен на этот продукт, который повлёт за собой кризис производства шёлковых тканей. Одновременно наблюдалась нехватка самых разных товаров, как повседневного, так и производственного назначения, что в массовом сознании связывалось с «открытием торговли» и объяснялось «вывозом всех товаров иностранцами».

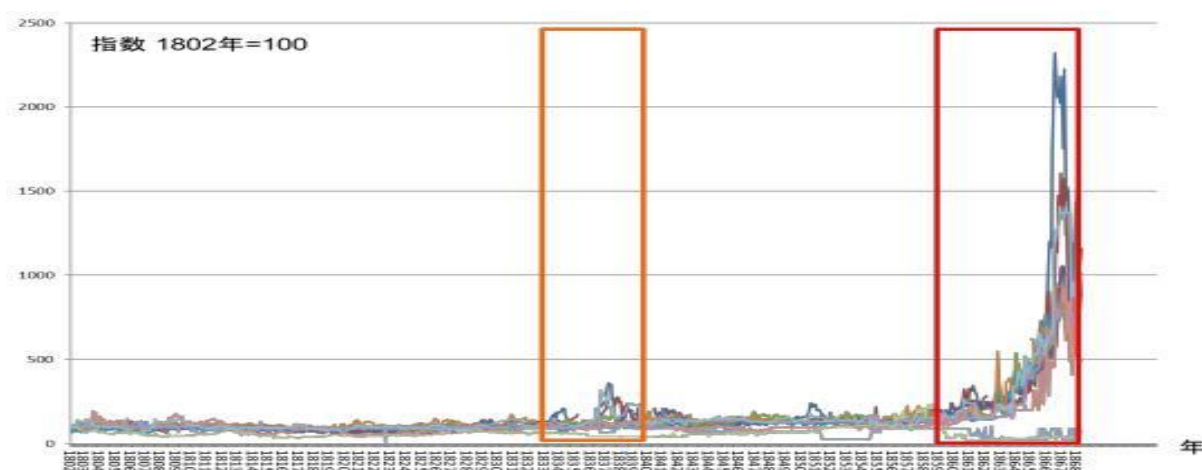
³ В этой ситуации любое решение вопроса означало появление спекулятивного спроса на те или иные деньги. Вопрос состоял только в том, на какие денежные единицы и в каких масштабах.

⁴ Фото автора.

⁵ Рё – золотая денежная единица. 1 рё равен 4 бу или 8 сю. В годы Тэмпо золотая монета достоинством 1 рё (*кобан*) весила 11,2 г и содержала 40 % золота и 60 % серебра. Технология очистки металлов была очень несовершенной, поэтому эти общие данные не отражают наличие значительной доли примесей, которые оставались после плавки металлов.

Спекуляция и некоторый рост цен – это вполне обычные явления в начальный период взаимодействия с мировым рынком, которые наблюдались во многих странах. Все эти проблемы были достаточно легко прогнозируемы при открытии страны для внешней торговли и не являлись редкостью в существовавшем тогда мире. Однако практически не известно примеров, чтобы они приводили к полномасштабной экономической катастрофе и огромному росту цен, как случилось в Японии.

В Японии через несколько лет после «открытия страны», с 1864 г., начинается инфляционный взрыв, когда цены растут на все товары одновременно и с большой скоростью.

Инфляция в Японии периода Бакумацу (уровень цен 1802 г. взят за единицу)
[Охаси Юка, 2012].

Пик инфляции в Японии приходится на 1864–1866 гг., когда она составила в 1864 г. – 21,8 %, в 1865 г. – 32,2 %, в 1866 г. – 58,3 % [Миямото, 1988, с. 153].

Цена риса из Кага (Кага май) в 1864–1867 гг.

Год, месяц	Цена ⁶
1864, март	149,5
1865, март	260,0
1866, март	576,7
1867, март	1439,5

В итоге цены в 1867 г. более чем в 10 раз превышали цены до начала внешней торговли. Учитывая, что в Японии была система металлического денежного обращения, рост количества денег в обращении не мог поспевать за такими темпами инфляции уже в силу ограниченности

⁶ В серебряных *моммэ* за 1 *коку* [Эдо букка дзитэн, 1991, с. 471–475]. *Моммэ* – весовая единица, равная 3,75 г, широко использовавшаяся в средневековой Японии для измерения веса различных товаров и материалов, в том числе серебра.

ресурсов благородных металлов в стране. Инфляция начинает быстро приобретать признаки неконтролируемой гиперинфляции. В свою очередь углубление кризиса значительно увеличивает негативное влияние на экономику. Быстрое сокращение объёма реальной денежной массы ведёт к падению промышленного и сельскохозяйственного производства, разрушению кредитной системы и банкротству государства.

Применительно к экономике сёгуната мы не имеем нормальных статистических данных, но очевидно разрушение всех сложных производств, таких, как производство хлопчатобумажных изделий и лампового масла, крах крупных предприятий полумануфактурного типа, паралич производства в Киото, известного своими тканями *нисидазин* и др. Под воздействием инфляции происходит разрушение системы кредитования крупных феодалов (*даймё*), а также нарушение нормального функционирования системы воспроизводства в сельском хозяйстве, что повлекло в дальнейшем жесточайший голод в 1869 г. В общем, в Японии случился кризис, очень похожий на кризис⁷ во время революции 1917 года в России, правда имеющий значительно меньшие масштабы.

Финансово-экономический кризис в период Мэйдзи исин и Российской революции 1917 г.

С точки зрения экономики, одним из больших сходств Мэйдзи исин и Российской революции 1917 года стал масштабный денежно-финансовый кризис, который проявлялся в форме резкого падения стоимости валюты на фоне инфляции, когда выпуск дополнительных денег только ухудшал ситуацию.

Необходимо заметить, что в России инфляция была значительно более сильной. В 1925 г. по сравнению с 1913 г. цены выросли в несколько десятков миллиардов раз. В Японии рост цен был значительно меньшим, но это не меняет его разрушительного характера. Этот кризис имел одинаково губительное значение для экономики сёгуната и Российской империи.

Очевидно, что развитие товарной экономики в Японии накануне Мэйдзи было значительно меньшим по сравнению с Россией, поэтому в стране не могло быть такой сильной инфляции, так же как не было рабочего класса и таких предприятий, как Путиловский завод. Поэтому в Японии не были возможны ни всеобщая стачка, как в Петербурге в феврале 1917 г., и требование о 50 % повышении зарплаты, выдвинутые 18 февраля рабочими лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода, ни массовые демонстрации. Однако если мы будем рассматривать их как

⁷ Отличительной чертой такого кризиса является необычайно высокая инфляция, вызывающая глубокое расстройство денежной системы и процесса воспроизводства [Брегель, 1968, с. 330–335; Экономика, 1995, с. 645]. Основной отличительной чертой является долговременное превышение темпов инфляции по сравнению с темпами выпуска денег. Такая ситуация объективно делает невозможным индексацию жизненного уровня, так как для этого не хватает физического объёма денежных средств. Более того, она быстро становится причиной обвального падения реальной заработной платы и сокращения оборотных средств в экономике, вызывающее опережающий рост оптовых цен. Этот процесс идёт очень быстрыми темпами, когда падение наблюдается каждый месяц. Быстро сокращается не только производство, но и реальная заработная плата. Поэтому можно считать, что требования 50 % увеличения заработной платы, всеобщая забастовка в феврале 1917 г. и «кастрюльные» бунты имели одну и ту же причину. Так же как и временные трудности на продовольственной почве, которые быстро превратились из временных в долговременные. Люди были уже бессильны перед лицом этой разыгравшейся стихии.

свидетельства очень ненормальной экономической ситуации в стране и направим усилия на поиск более фундаментальных причин, таких, как инфляция, то можно прийти к выводу, что недостаток топлива и сырья на крупнейшем военном предприятии России и массовая нехватка сырья и прочих товаров в Японии имели одинаковую экономическую природу, связанную с инфляционным кризисом.

Под влиянием инфляции происходит обвальное обнищание огромной массы населения. В конце 1916 г. в России начался процесс снижения реальной заработной платы практически во всех отраслях промышленности и для всех категорий занятых. К февралю 1917 г. реальная заработная плата была на 46 % ниже уровня 1914 г. Это создало благоприятную почву для массового недовольства властью в период Февральской революции. С октября 1916 г. начинается организованная борьба рабочих по экономическим вопросам, и в феврале 1917 г. в Петрограде практически ни дня не проходило без забастовки на каком-то из предприятий города [Цудзи Ёсимаса, 1981, с. 101]. Ситуация обостряется до предела в ходе нескольких месяцев, так как экономика росла ещё до 1915 г., когда был достигнут пик выработки на одного работающего [Фабрично-заводская промышленность, 1926, с. 295].

По сравнению с Россией инфляция в Японии имеет значительно более длительную историю, которая начинается ещё до «открытия страны». Всплески роста цен также имели место ранее, например, во время голода годов Тэмпо, когда страна испытала фундаментальный кризис. Ещё до «открытия страны» в стране сложилась очень сложная экономическая ситуация, которая легко обострялась инфляцией, негативное влияние которой начало сказываться значительно раньше «открытия страны».

Признаки гиперинфляции в Японии появляются уже в 1860-е годы, когда процесс приобретает лавинообразный характер. В Японии под воздействием роста цен наблюдалось резкое падение уровня жизни. Подённая плата плотников, которые были одной из самых многочисленных категорий лиц наёмного труда, начала расти вслед за инфляцией только с 1864 г., когда индекс цен изменился в разы. В схожей ситуации находились все остальные категории лиц наёмного труда. До 1867 г. подённая плата выросла примерно в 7 раз, что значительно отставало от роста цен, который уже достиг десятикратной отметки.

Более того, инфляция больно ударила по всем мелким самураям, которые получали свои доходы из казны правительства или *даймё*, и имели, таким образом, фиксированные доходы. Мелкие самураи сразу оказались на грани разорения, что вызвало их быструю радикализацию и критику любых действий сёгунского правительства во внешней политике. Во многом схожая ситуация была в положении придворной знати и императорского дома, которые также не имели земельных владений и фактически находились на содержании у сёгуна. Резкое уменьшение их реальных доходов быстро вызвало рост неприятия политики бакуфу и условий внешней торговли. Мелкие самураи и императорский двор стали основной силой в борьбе против бакуфу.

Развитие гиперинфляционного кризиса имеет лавинообразный характер и в разы сокращает экономику страны. Обычной является ситуация, когда валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения падает до уровня менее 100 долл., независимо от страны. В Японии и в России разрушение экономики было фундаментальным и глубоким, однако в России оно было значительно большим и ВВП на душу населения сократился до предельно низкого уровня.

Обычно причиной столь стремительного разрушения экономики считается гражданская война, которая имела место как в России, так и в Японии. Однако обратим внимание, что в Японии военные действия имели локальный характер, и многие регионы перешли под контроль антиправительственных сил практически без сопротивления, так же как и столица была сдана без боя. В целом в Японии общий ущерб экономике не соразмерно больше прямого экономического ущерба от военных действий. Очевидно, что трудности в экономике начались значительно раньше, чем были начаты боевые действия. Хотя нижняя точка экономического кризиса приходится на период гражданской войны.

Поэтому при наличии существенных сходств в финансовой ситуации в двух странах для понимания механизма воздействия кризиса необходим также анализ влияния войны на финансы и денежное обращение. В обоих случаях необходимо прежде всего обратить внимание не столько на результаты военных действий, сколько на состояние бюджета и рост расходов.

При этом надо учитывать, что в России положение во внешней торговле кардинально отличалось от Японии. В России в результате влияния Первой мировой войны происходит сокращение внешней торговли на 90 %. В результате закрытия из-за военных действий Балтийского и Чёрного морей страна лишилась возможности вести торговлю в прежних объёмах. Кроме того, основной торговый партнёр, каковым была Германия, превращается в противника, с которым прерываются все торговые связи. Это приводит к резкому сокращению внешней торговли, включая торговлю хлебом, которая являлась основным источником валютных поступлений. Всё это крайне негативным образом сказалось на состоянии экономики, но не являлось главной причиной гиперинфляционного кризиса, который происходит в стране. Эти причины следует искать, главным образом, в состоянии государственных финансов и выпуске денег.

В России состояние бюджета накануне Первой мировой войны не внушало особых опасений. Небольшой положительный баланс в 73 млн руб. [Погребинский, 1954, с. 175] делает положение царского правительства более благоприятным по сравнению с значительно большими проблемами правительства сёгунов Токугава. В 1840 г. расходы бакуфу составили чуть больше 2 млн рё при регулярных доходах в 1,422 млн рё. Дефицит составил 579 тыс. рё, или почти 30 %. В следующем 1841 г. ситуация ещё более ухудшилась, и при общей сумме расходов в 1,96 млн рё регулярные доходы составили лишь 1,09 млн рё, то есть дефицит возрос до почти 45 % [Миками Рюдзо, 1994, с. 152] и нехватка доходов приняла уже хронический характер.

Размеры внешнего долга не достигали критической величины в обоих случаях. Япония была в состоянии внешней изоляции, поэтому практически не имела внешнего долга. Напротив, Россия имела достаточно значительный внешний долг, составлявший 8,5 млрд руб. на 1 января 1914 г. [Сидоров, 1960, с. 90], и активно занимала деньги на внешнем рынке после начала войны, но её кредиторы были согласны отложить погашение всех долгов до окончания войны.

Основной проблемой в обеих странах был резкий рост государственных расходов и бюджетного дефицита. В России это происходит под влиянием роста военных расходов. Общий дефицит бюджета России за годы Первой мировой войны составили 46 млрд руб. [Сидоров, 1960, с. 117], что более чем в 3 раза превысило все регулярные доходы, полученные за годы войны. Это привело к такому состоянию, когда у государства, даже за счёт выпуска

дополнительных денег, не хватало средств для оплаты растущих расходов. В начале 1917 г. ежедневные расходы России увеличились в четыре-пять раз по сравнению с начальным периодом войны и достигли огромной суммы – 58,9 млн руб. [Сидоров, 1960, с. 116]. В расчёте на месяц это даёт сумму в 1,38 млрд руб. В то же время «к концу января 1917 г. текущий счет государственного казначейства в Государственном банке насчитывал всего лишь 208,7 млн руб.» [Сидоров, 1960, с. 159]. То есть менее чем на четыре дня. В январе – феврале 1917 г. было выпущено кредитных билетов по 423 млн руб. [Сидоров, 1960, с. 144], что равнялось примерно двухнедельной потребности. Выпуск 210 млн руб. в месяц и наличие 208 млн руб. на текущем счету в сумме дают немногим более 400 млн руб., или около одной трети месячной потребности. Учитывая все прочие доходы, правительство могло оплачивать не более половины своих расходов. Поэтому наступил финансовый коллапс и правительство стало не в состоянии выполнять свои внутренние обязательства и оплачивать потребности армии. В январе 1917 г. Российская империя стала фактически полным банкротом.

Задержки в оплате военных заказов становятся объективной реальностью, справиться с которой царское правительство не имело финансовых возможностей. Соответственно крупнейшее предприятие военной промышленности – Путиловский завод, оказавшийся без полноценного финансирования, стал ареной ожесточённого революционного противостояния.

В Японии правительство *бакуфу* столкнулось примерно с такими же проблемами быстрого роста расходов. В руках правительства находились доходы от внешней торговли⁸, взносы от *даймё*⁹ и мелких вассалов (*дзёнокин*), которые напрямую не были задействованы в участии в военных действиях. Бакуфу получило несколько миллионов рё *гоёкин*¹⁰ со стороны ростовщических и торговых компаний, значительно увеличив эксплуатацию этого источника. Тем не менее потребности бакуфу абсолютно превышали ресурсы, находившиеся в его руках, и в полном отчаянии оно смотрело на огромный бюджетный дефицит, покрывавшийся главным образом за счёт перечекивания монеты [Crawcour Yamamura, 1970, p. 510].

Золотой монеты достоинством в 2 бу года Маньэн¹¹ было отчеканено на огромную сумму в 46 млн 898 тыс. 932 рё [Сакудо Ётаро, 1971, с. 579]. Если учесть, что эта монета чеканилась с 1860 по 1867 г., то ежегодная сумма перечекивания в среднем составляла 5,9 млн рё. Это огромная для того времени цифра, по своим размерам равная всем доходам за 1863 г. Как известно, реальный объём производства новой монеты в 1863 г. был ниже этой средней цифры, так же, как в 1860–1862 гг. Поэтому следует предположить, что основное количество монеты

⁸ Например, за 8 лет после начала торговли сумма таможенных сборов составила 4,54 млн долл., что значительно превышало сумму в 3,25 млн долл., израсходованную на закупку всех 29 военных и торговых судов, которые были куплены за тот же период [Исии Кандзи, 1993, с. 167].

⁹ Самураи высоко ранга, имевшие крупные территориальные владения.

¹⁰ *Гоёкин* – безвозмездные взносы в казну со стороны представителей непривилегированных слоев населения (в основном торговых домов и меняльных контор). В период Эдо являлись разновидностью нерегулярных налогов и собирались на основе специальных распоряжений при недостатке денег у правительства.

¹¹ Год Маньэн – 1860 год по европейскому календарю. Выпуск этой денежной единицы продолжался вплоть до Мэйдзи исин. Хотя она считается золотой единицей, содержание золота в ней было не более 20 % (зачастую около 10 %), остальные 80 % составляло серебро, на поверхность которого тонким слоем наносилось золото. Сначала такая монета имела желтовато-золотистый цвет, который исчезал с течением времени по мере нахождения монеты в обращении, и сменялся белым цветом серебра, которое было основным металлом монеты.

было произведено в 1864–1867 гг. и могло доходить до 8–9 млн рё, не считая доходов от перчеканки других видов монет. Соответственно общий объём бюджета в 1866–1867 гг., по самым скромным оценкам, превысил 10–12 млн рё.

Золотая монета 2 бу годов Манъэн¹²

Десять тысяч чеканщиков монетного двора работали с предельной интенсивностью, однако их усилия уже не могли обеспечить выпуск нужного количества денег. Поэтому бакуфу начало переговоры о поставках из Европы машин для чеканки монеты, которые велись вплоть до падения сёгуната. Тем временем чеканка вручную давала бакуфу огромные объёмы новых денег. Они постоянно пополняли денежные хранилища до тех пор, пока хватало драгоценных металлов для работы чеканщиков. Не хватало не только золота, но и серебра, которое всё более разбавлялось медью и другими металлами, что существенно сдерживало темпы производства. Разрыв между доходами и расходами правительства только нарастал.

Примерное время наступления банкротства бакуфу достаточно понятно. Из-за того, что в 1864 г. было начато строительство верфи и бакуфу дало согласие на выплату компенсации за события в Симоносэки, можно предполагать, что финансовая ситуация ещё не дошла до критической черты и бакуфу имело ещё некоторый финансовый резерв. Соответственно в течение следующего года бакуфу удалось почти в срок сделать два первых платежа в счёт выплаты компенсации. Однако дальше ситуация изменилась. Третья часть была уплачена в апреле 1866 г. после многочисленных переговоров и отсрочек. После чего платежи прекратились. Таким образом, за время до своего падения бакуфу выплатило только половину суммы, положенной в качестве компенсации за обстрел иностранных судов в Симоносэки, хотя к 1868 г. оно должно было полностью произвести выплаты. Соответственно, с 1866 г. подпадают под сокращение выплаты по международным обязательствам и наступает фактическое банкротство бакуфу.

¹² Фото автора.

Экспедиция против Тёсю¹³, начавшаяся в 1865 г., нанесла финансам очень чувствительный удар, лишив последних надежд на благополучный выход из кризиса. Только за период с мая 1865 г., когда сёгун отбыл из Эдо в Киото для проведения первой экспедиции против Тёсю, до начала активных боевых действий в июне 1866 г. расходы на текущее содержание армии без закупок вооружений составили около 3 млн рё [Кацу Кайсю, 1977, с. 107]. Это вынудило бакуфу направить все оставшиеся средства только на обеспечение нужд армии и флота, отложив все прочие расходы.

В последние годы существования сёгуната его финансовое положение стало совсем плачевным, а все выпущенные деньги сразу направлялись на оплату неотложных расходов. По выражению одного из представителей бакуфу, хорошо знакомого с реальной ситуацией, Кацу Кайсю, «...со времени экспедиций против Тёсю в казне не осталось денег, а все хранилища для денег стали пустыми» [Кацу Кайсю, 1928, с. 333]. Правительство не имело денег, поэтому наступает фактическое банкротство бакуфу, которое не могло выполнять не только внешние обязательства, но и обеспечивать свою многочисленную армию.

Если в России основной причиной выпуска денег были преимущественно военные расходы (сначала Первой мировой, а потом Гражданской войны), то в Японии до Мэйдзи исин наблюдался значительный рост также невоенных статей бюджета. Только в последние один-два года происходит резкий рост военных расходов в связи с началом экспедиции против Тёсю. Поэтому в Японии динамика роста нарастания дефицита бюджета и наступления банкротства выглядят несколько иначе, чем в России. Ситуация в двух странах была несколько разной в деталях, но общей в принципе.

Денежно-финансовый кризис в обоих случаях приводит к тяжелейшему длительному финансовому состоянию власти. Это, в свою очередь, является важным фактором её быстрого ослабления. Эта слабость бросается в глаза в обоих случаях. Слабый император Николай II и слабый сёгун Токугава Ёсинобу. Оба отказываются от власти и уступают давлению, не имевшему вполне легитимного характера. При этом существовали альтернативные варианты развития ситуации. Оба руководителя не были свергнуты путём захвата столицы противником. Правительственные силы при огромном превосходстве над своими противниками в обеих странах не смогли удержать контроль за ситуацией. Военные поражения русской армии имели значительное сходство с поражением сёгунской армии, которой противостояло войско не только значительно меньшее по численности, но и состоявшее во многом из слабо обученных наскоро собранных отрядов *кихэйтай*, формировавшихся из низкоранговых самураев, горожан и крестьян.

Остановить процесс сокращения реальной денежной массы – сложная задача, для которой современная наука не имеет точного набора средств, однако ещё в древности было найдено эффективное лекарство в виде замены существующей денежной системы. В Японии основой новой денежной системы стала хорошо известная иена, на основе которой были объединены в строгих пропорциях золотые, серебряные и медные деньги.

¹³ Ответные действия бакуфу, вызванные попыткой самураев Тёсю поднять мятеж и установить контроль над Киото и императорским домом (*Киммон но хэн*).

Серебряная монета 3 года Мэйдзи (1870)¹⁴

В России во время реформирования денежной системы был введён советский рубль (золотой червонец), который пришёл на смену совзнакам, выпуск которых не был использован в должной мере для стабилизации денежной системы. Название «рубль» было возвращено валюте, но это была уже совершенно иная денежная единица, изолированная, как и вся страна, от мирового рынка, в которой деньги постепенно превращались из меры стоимости в средство учёта. В общем денежная единица отразила в себе специфику социальной системы, которая была изолирована от мирового хозяйственного организма. Тем не менее эффект стабилизации был таким же, как в Японии. Поэтому замена денежной единицы – важнейший элемент реформирования, который позволяет начать выход из кризисной ситуации и кардинально изменить экономику.

Последствия денежно-финансового кризиса и гражданской войны для Японии выглядят менее разрушительными. Одним из факторов было то, что гражданская война не имела таких масштабов, как в России, но также надо учитывать, что денежная реформа и замена денежной системы были осуществлены значительно раньше, что позволило сделать короче период сокращения реальной денежной массы и потери от инфляции.

Новая денежная система Японии, созданная в период Мэйдзи, была построена с учётом требований мирового рынка. Серебряная иена имела вес в 26,96 г, то есть практически идентичный мексиканскому доллару и привязанных к нему валют, включая американский доллар. Япония получает средство прямой связи с мировым рынком, что позволило массированно закупать новые технологии, направлять в Европу студентов и включиться в процесс активной индустриализации. Поэтому денежная реформа Мэйдзи стала одним из важнейших элементов процесса модернизации Японии.

¹⁴ Фото автора.

* * *

Проблемы в экономике сыграли существенную роль в возникновении кризисной ситуации в период Мэйдзи исин. Денежно-финансовый кризис становится причиной крайнего ухудшения экономической ситуации в стране. Он порождает высокую инфляцию, вызывает значительное падение жизненного уровня населения, растущую нехватку сырья и продовольствия, транспортные проблемы. Под его влиянием в Японии происходит общее ухудшение ситуации, в то время как военные действия только ускоряют течение кризиса.

Пример Японии и России показывает, что экономики обеих стран оказались очень уязвимыми перед лицом денежно-финансового кризиса. Под влиянием кризиса происходит разрушение экономики и денежно-финансовой системы, что, в свою очередь, влечёт за собой сильное ослабление власти и делает возможным проведение кардинальных экономических реформ. Таким образом, кризис не только разрушает экономику страны, но также в значительной степени инициирует процесс разрушения прежней социально-экономической системы и строительства новой. В этом отношении экономический кризис играет роль катализатора, который вызывает обострение многих, зачастую мало связанных между собой, проблем. Кризис в экономике определяет не только особую остроту, но и одновременность их обострения, что многократно ухудшает ситуацию.

База, на которой происходит денежно-финансовый кризис, и подходы к решению проблем имеют определённую специфику в обеих странах. Процесс не мог быть идентичным в силу разницы в экономических системах. Япония имела более низкий уровень развития производства в целом и современной промышленности в частности. Мэйдзи исин – это начало переходного периода строительства рыночной экономики, в то время как Российская революция 1917 года встроена в общий процесс модернизации, когда в стране уже, несомненно, шёл бурный рост рыночной экономики. Мэйдзи исин произошла в практически немодернизированном обществе, в то время как Российская революция случилась в обществе, существенно продвинувшемся в направлении модернизации с использованием современного опыта европейских стран.

Поэтому мало оснований связывать Мэйдзи исин и Российскую революцию 1917 г. с формированием внутри имеющейся системы каких-то специфических социально-экономических укладов, которые получили развитие в новой системе. Например, с развитием определённого типа производства, который мог стать основой экспортной экономики после Мэйдзи, базировавшейся на экспорте чая, шёлка и каменного угля. Поскольку развитие товарно-денежных отношений шло активными темпами, прямые причинно-следственные связи между развитием товарной экономики и возникновением экономического кризиса во время Мэйдзи исин проследить сложно.

Пропать между обществом эпохи сёгуната и вестернизированным обществом Мэйдзи так же огромна, как между императорской и Советской Россией. Мэйдзи исин и Российская революция 1917 года выглядят как рубежные события. Происходит быстрое разрушение одной системы и формирование на её развалинах другой. При этом общий вектор развития направлен в сторону формирования рыночной экономики даже при многочисленных оговорках, которые надо делать, говоря о советской системе.

Говоря о масштабах перемен, можно, конечно, увидеть определённую работу «революционных» сил по слоому старой и строительству новой системы, но, скорее всего, в обоих случаях это будет слишком сильным завышением роли субъективного фактора, потому что лидеры революционеров, так же, как и реакционеров, зачастую не понимали, что происходит в стране и принимали случайные решения. Это происходило по той причине, что базовые процессы происходили в экономике, на которую не обращалось должного внимания. Экономический кризис действовал вне зависимости от воли революционных сил и их лидеров, делая за людей большую часть разрушительной работы. Без понимания этих специфических особенностей ситуации и механизма влияния экономики на смену власти и радикализацию политических сил невозможно точное понимание Мэйдзи исин, так же, как и Российской революции 1917 года.

Библиографический список

Книги

1. *Брегель Е.Я.* Политическая экономия капитализма. М.: Наука, 1968.
2. *Исин Кандзи.* Кайкоку то Исин : [«Открытие» страны и Реставрация]. Нихон-но рэкиси, Токио: Сёгаккан. Т. 12. 1993. (яп.)
3. *Кацу Кайсю.* Дзэнсю : [Собрание сочинений]. Токио: Кэйсо сёбо. Т. 17. 1977. (на яп.)
4. *Кацу Кайсю.* Кацу Кайсю дзэнсю : [Собрание сочинений Кацу Кайсю]. Токио. Т. 9. 1928. (яп.)
5. *Миками Рюдзо.* Эдо Бакуфу: тосан э но мити : [Эдо Бакуфу: путь к банкротству]. Токио: Нихон хосо сёппанкай, 1994. (яп.)
6. *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М.: Наука, 1954.
7. *Сакудо Ётаро.* Кинсэй хокэн сякай но кахэй кинью кодзо : [Структура финансов и денежного обращения феодального общества периода Кинсэй]. Токио: Ханава сёбо, 1971. (яп.)
8. *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1960.
9. Фабрично-заводская промышленность в период 1915–18 гг. / Труды ЦСУ. М., 1926.
10. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. Пер. 2-го изд-я. Дело, 1995.
11. *Цудзи Ёсимаса.* Росиа дзюгацу какумэй то роси канкэй но тэнкай : [Октябрьская революция в России и развитие отношений между трудом и капиталом]. Токио: Отяномидзу сёбо, 1981. (на яп.)
12. *Эдо букка дзитэн* : [Справочник цен в период Эдо] / под ред. Оно Такэо. Токио: Тэнбосё, 1991. (на яп.)
13. *Frost, Peter.* Bakumatsu Currency Crisis : [Денежный кризис Бакумацу]. Cambridge, M.A: East Asian Research Center, Harvard University. 1970.
14. *Gatrell, Peter.* Russia's First World War: a social and economic history : [Первая мировая война России: социальная и экономическая история]. London: Pearson/Longman, 2005.

15. Jansen, Marius ed., The emergence of Meiji Japan : [Становление мэйдзийской Японии]. New York, NY: Cambridge University Press, 1995.

Статьи в журналах и периодических изданиях

16. *Crawcour E.S., Kozo Yamamura*, The Tokugawa monetary system: 1787–1868 : [Денежная система Токугава: 1787–1868] // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 18, No. 4, Part 1 (July, 1970).

17. *Kitamura Masanori*. Собиэто Росиа ни окэру кахэй сэйдо но хакай катэй то фукко : [Крах и восстановление денежной системы в Советской России]. Matsumoto Dental University research bulletin 40, 2012.

18. *Tolstoguzov S.* The Bakumatsu Currency Crisis and the Bakufu's Finances : [Денежный кризис Бакумацу и финансы бакуфу] // *Japan Studies Association Journal*, 2012, vol. 10.

Статьи в сборниках

19. *Миямото Матао*. Кинсэй букка си : [История цен в период Кинсэй] / под ред. Ода Коносукэ, Ямамото Юдзо / Бакумацу – Мэйдзи но Нихон кэйдзай [Японская экономика в период Бакумацу – Мэйдзи]. (Сорё кэйдзай си ронсю : [Очерки по количественной экономической истории] 4). Токио: Нихон кэйдзай синбунся, 1988.

20. *Толстогузов С.А.* Финансово-экономический кризис и антикризисная политика в условиях Первой мировой войны // *Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения* / отв. ред. Ю.А. Петров; Научный совет по истории социальных реформ, движений и революций, 2014.

21. *Толстогузов С.А.* Катализатор кризиса государственной власти (на примере Мэйдзи исин, Российской революции 1917 года и распада СССР) // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза* / отв. ред. Г.Н. Севостьянов; сост. С.М. Исхаков. – М.: Социально-политическая мысль, 2005.

Интернет-ресурсы

22. *Охаси Юка*. Эдо коки ни окэру букка хэндо но сякайтэки хайкэй ни цуйтэ : [К вопросу о социальном фоне изменений цен во второй половине периода Эдо]. URL: http://www.soc.titech.ac.jp/publication/Theses2012/graduate/08_05086.pdf (дата обращения: 16.02.2018). (яп.)

References

Books

1. Bregel', E.Ya. (1968). *Politicheskaiia ekonomiiia kapitalisma* [The Political Economy of Capitalism]. M: Nauka. (In Russian).

2. Edo Bukka jiten. (1991). [The Price Vocabulary of Edo Period]. Ono Takeo ed. Tokyo: Tenboshu.
3. Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' v period 1913–18 gg. (1926) [Factory Industry in the Period 1913–18 years]. M.: Central Department of Statistics. (In Russian).
4. Frost, Peter (1970). Bakumatsu Currency Crisis. Cambridge, M.A: East Asian Research Center, Harvard University.
5. Gatrell, Peter (2005). Russia's First World War: a social and economic history. London: Pearson/Longman.
6. Ishii, Kanji (1993). Kaikoku to Ishin [The «Opening» of the Ports and Restoration]. Nihon-no rekishi. Tokyo: Shogakkan. Vol. 12. 1993. (In Japanese).
7. Jansen, Marius ed., (1995). The emergence of Meiji Japan, New York, NY: Cambridge University Press.
8. Katsu, Kaishu (1977). Zenshu [The Complete Works]. Tokyo: Keiso shobo. Vol. 17. 1977. (In Japanese).
9. Katsu, Kaishu (1928). Katsu Kaishu zenshu [Katsu Kaishu's Complete Works]. Tokyo. Vol. 9. 1928. (In Japanese).
10. Mikami, Ryuzo (1994). Edo Bakufu: tosan e no michi [Edo Bakufu: the Way to the Bankruptcy]. Tokyo: Nihon hoso shuppankai. (In Japanese).
11. Pogrebinsky, A.P. (1954) Ocherki istorii finansov dorevolyutsionnoi Rossii (XIX–XX vv.) [Sketches of the History of Finances in Pre-revolutionary Russia in the Nineteenth and Twentieth Centuries]. Moscow: Nauka.
12. Sakudo, Yotaro (1971). Kinsei hoken shakai no kahei kin'yu kozo [Monetary and Financial Structure of Feudal Society in Kinsei Period]. Tokyo: Hanawa shobo. (In Japanese).
13. Sidorov, A.L. (1960). Finansovoe polozhenie Rossii v gody pervoi mirovoi voiny [The Financial Conditions of Russia in the years of WWI]. M.: Nauka. (In Russian).
14. Stanley Fischer, Rudiger Dornbusch, Richard Schmalensee (1995). Economics. 2-nd edition. Russian translation. M.: Delo LTD. (In Russian).
15. Tsuji, Yoshimasa (1981). Rosia jugatsu kakumei to roshi kankei no tenkai [The October Revolution in Russia and Development of Labor-capital Relations]. Tokyo: Ochanomizu shobo. (In Japanese).

Journals' articles

16. Crawcour, E.S., Kozo, Yamamura (1970). The Tokugawa monetary system: 1787–1868, *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 18, No. 4, Part 1 (July, 1970).
17. Kitamura, Masanori (2012). Sobieta Rosia ni okeru kahei seido no hakai katei to fukko [Collapse and Reconstruction of the Monetary System in Soviet Russia]. Matsumoto Dental University research bulletin 40, 2012.
18. Tolstoguzov, S. (2012). “The Bakumatsu Currency Crisis and the Bakufu's Finances”, *Japan Studies Association Journal*, 2012, vol. 10.

Collections' articles

19. Miyamoto, Matao (1988). Kinsei bukka shi [The history of prices in Kinsei period]. In Odaka Konosuke, Yamamoto Yuzo (ed.). Bakumatsu Meiji no Nihon keizai [Japanese economy in Bakumatsu-Meiji period]. (Suryo keizaishi ronshu [The essays in the quantitative economic history] 4). Tokyo: Nihon keizai shinbunsha.

20. Tolstoguzov, S. (2014). “Finansovo-ekonomicheskii krizis i anti-krizisnaia politika pravitel'stva Rossii v usloviiah Pervoi mirovoi voyny [Financial and economic crisis and crisis management policy of Russian government in WWI]”, in Rossiia I Pervaia Mirovaia voina: ekonomicheskie problemy, obshestvennye nastroyeniia, mezhdunarodnye otnosheniia [Russia in WWI: Economic Problems, Public Sentiment and Foreign Relations], Petrov Iu. ed., Moscow: Nauchnyi sovet po istorii sotsial'nykh reform, dvizhenii i revoliutsii [Scientific Council on the History of the Social Reforms, Movements and Revolutions]. (In Russian).

21. Tolstoguzov, S. (2005). “Katalizator krizisa gosudarstvennoi vlasti (na primere Meiji Ishin, Rossiiskoi revoliutsii 1917 goda i raspada SSSR)” [The Catalyst in the Crisis of State: a Comparative Study of the Meiji Restoration, the Russian Revolution of 1917 and the Dissolution of the Soviet Union in 1991], in Tragediia velikoi derzhavy: natsionalnyi vopros i raspad Sovetskogo Soiuza [The Tragedy of the Great State: Ethnic Problems and the Collapse of the Soviet Union], Sevostianov G.N. ed. (Moscow, Socio-Political Thought, 2005) (In Russian).

Internet resources

22. Ohashi, Yuka (2012). Edo koki ni okeru bukka hendo no shakaiteki haikai ni tsuite [Towards the social background of price dynamics in late Edo period]. URL: http://www.soc.titech.ac.jp/publication/Theses2012/graduate/08_05086.pdf (accessed: 16.02.2018) (In Japanese).

Поступила в редакцию 07.05.2018

Received 07.05.2018

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10012

Shirakawa Kinsui: Writing Biographies of Exemplary Women in the Age of Modernization

M.V. Skovoronskikh

Abstract. Following the Meiji Restoration, Japan experienced an unprecedented wave of modernization. At the same time, many early modern cultural phenomena survived well into the Meiji era including the tradition of writing didactic biographies of exemplary women aimed at educating young girls. This article examines a collection of such biographies entitled *Honchō tōshi retsujoden* published by a female scholar Shirakawa Kinsui in 1879. It places her work within a broader historical context and identifies major themes explored therein. The article argues that, while rooted in orthodox Confucian values, the image of a woman Kinsui proffered possessed many qualities shared by men and women alike.

Keywords: Shirakawa Kinsui, female history, exemplary women, Confucianism.

Author: Skovoronskikh Mikhail V., MA (Asian Studies), Independent scholar. E-mail: skovoronskikh@gmail.com

Сиракава Кинсуй: жизнеописания выдающихся женщин в эпоху модернизации

М.В. Сковоронских

Аннотация. После реставрации Мэйдзи Японию захлестнула беспрецедентная волна модернизации. В то же время многие культурные феномены раннего нового времени сохранились и в эпоху Мэйдзи, включая традицию создания дидактических жизнеописаний выдающихся женщин для обучения девочек. Эта статья обращается к сборнику таких жизнеописаний под названием «Хонтё тōси рэцудзёдэн», опубликованному женщиной-учёным Сиракава Кинсуй в 1879 г. Статья помещает её работу в широкий исторический контекст и выделяет основные темы, раскрытые в «Хонтё тōси рэцудзёдэн». Статья отмечает, что образ женщины, который рисует Кинсуй, основывается на ортодоксальных конфуцианских ценностях, но в то же время обладает многими качествами, свойственными как женщинам, так и мужчинам.

Ключевые слова: Сиракава Кинсуй, история женщин, выдающиеся женщины, конфуцианство.

Автор: Сковоронских Михаил Владимирович, магистр искусств (востоковедение), независимый исследователь. E-mail: skovoronskikh@gmail.com

Introduction

Shirakawa Kinsui (1856–1890) was a female poet, painter, historian, and educator active in Kyoto and Osaka at the beginning of the Meiji era. In 1879, she published *Honchō tōshi retsujoden* (*Biographies of Japan's Exemplary Women by a Female Historian*), a didactic collection of accounts of Japan's exemplary women intended to instill Confucian values in young girls. Kinsui was unusual in a number of ways. Unlike most women of her time, she received a thorough Sinological training at home. She wrote poetry in Chinese and published her first collection of verse when she was only twenty years old. Moreover, having studied western literature and the English language, Kinsui remained loyal to the age-old Confucian tradition in her approach to female education. This makes her an interesting subject for historical research, but for unknown reasons Kinsui and her oeuvre remained forgotten for a century.

In Japan, Kinsui's life and work were first studied by Taga Akigorō (1912–1990), a historian specializing, among other things, in the history of Hida (now Gifu prefecture), Kinsui's native province. In 1986, Taga published an article in which he reconstructed Kinsui's biography and made a few arguments about her approach to education. His work was followed by that of Morioka Yukari, a contemporary scholar, who authored two short papers on Kinsui's poetry and *Honchō tōshi retsujoden*. In this article, I will pick up where Taga and Morioka left. I will place Kinsui's work in a historical context by surveying Chinese and Japanese literary traditions of writing accounts of exemplary women, reconstruct her biography once again synthesizing Taga and Morioka's previous findings, and analyze the contents of *Honchō tōshi retsujoden* to find out more about Kinsui's views on the problem of women.

This is the first study to address Shirakawa Kinsui and her work in a European language. I hope that scholars of female history, the history of literacy and education, local history, and intellectual history will find it useful. Moreover, the findings of this study may be utilized in prosopographical research as Kinsui was a member of a few literary networks in late nineteenth century Japan and was connected to Chinese Confucian literati of the day. Kinsui's story may also interest researchers studying modernity in general. After all, her case offers insights into how pre-modern traditions linger and change in societies facing the challenges of modernization.

Biographies of Exemplary Women in Chinese and Japanese Literary Traditions

The tradition of recording biographies of notable women dates back to the first century BCE when Liu Xiang (77–6 BCE), a Confucian intellectual and an imperial official charged with supervising the affairs of the ruling Liu clan, compiled the first collection of such biographies entitled *Lienü zhuan*, or the *Biographies of Exemplary Women*. During Liu's lifetime, the emperor's female relatives such as his concubines and in-laws arrogated great power, which threatened the survival of the ruling family. Women of humble origins wielded unprecedented influence at court much to the chagrin of Confucian scholar-officials. According to Ban Gu, Liu Xiang observed the depravity of people like Empress and Consort Zhao and Consort Wei and compiled his *Biographies* to admonish the Son of Heaven [1].

The *Biographies of Exemplary Women* consists of seven original chapters: the Maternal Models, the Worthy and Enlightened, the Sympathetic and Wise, the Chaste and Compliant, the Principled and Righteous, the Accomplished Rhetoricians, and the Depraved and Favored. Each chapter is preceded by a brief rhymed introduction and followed by a eulogy. Later an eighth chapter containing some supplementary biographies was added to the text by an unknown author sometimes identified as Ban Zhao (circa 45–117 CE), who is also known to have commented on it. Each original chapter except for the first one contains fifteen biographies (the first chapter contains fourteen). This format itself was influenced by Sima Qian's arranged biographies (Ch. *liezhuan*) in the *Records of the Grand Historian*. In most biographies, Liu Xiang uses original material from older texts such as the *Book of Documents*, the *Spring and Autumn Annals* and the *Zuo Commentary*, *Hanshi waizhuan*, etc. However, for some biographies, sources have not been identified, and it is likely that they are Liu's original works.

By submitting the *Biographies of Exemplary Women* to the throne, Liu Xiang attempted to expose the abnormal situation at court and also present models for the imperial women to emulate. The text was clearly meant to be read not only by the emperor himself, but also by courtier women as prefaces to its seven chapters make reference to a female readership. Moreover, Liu used the *Biographies* as a vehicle to translate his own ideas about government and politics to his superiors. When compiling the work, he aptly manipulated historical precedents and embellished them with his own words to get his position across [12, p. 70].

The main theme of the text is how women can contribute to the prosperity of their clan and the state by behaving according to the rules of propriety. In all biographies, women prioritize the fate of the clan rather than their individual fortune or even that of their husbands. While women's social roles as daughters, wives, and mothers are emphasized, «their functions are multifaceted and include active social and political involvements; their roles and actions are not limited to family and marriage» [9, p. 12]. Conversely, if women's energy is not guided by the rules of propriety, it may become destructive and cause the downfall of not just family lineages, but also dynasties and states. It is worth mentioning that when faced with extraordinary circumstances, Liu Xiang's women are prepared to incur death so as to maintain their principles and righteousness. Some of them commit suicide, while one chooses to mutilate herself in order to avoid the advances of an unwanted suitor. These motifs would become an integral part of later historical writing on exemplary women.

Liu Xian's *Biographies of Exemplary Women* inaugurated a new genre of Chinese biographical literature. After Liu, numerous collections of women's biographies appeared, often under the same title (e.g. *Biographies of Exemplary Women* by Huangfu Mi, now lost). As time went by, these collections of biographies were influenced by other genres such as horror stories (Ch. *zhiguai*) or Buddhist scripture. Vernacular adaptations of *lienü* accounts became especially popular during the Ming dynasty: a good example is *Gujin lienüzhuàn yanyi* (*The Romance of Exemplary Women, Old and Contemporary*) by Feng Menglong (1547–1646) [3, p. 61]. Most importantly, Chinese historians seem to have been inspired by Liu Xiang's work when they chose to record biographies of notable women in official dynastic histories. Among twenty-four of China's standard histories, twelve have chapters

dedicated to exemplary women¹. Subscribing to a largely didactic view of history, Chinese historians agreed that it was necessary to preserve accounts of notable women's lives to propagate exemplars of womanly virtue and assist in the teaching of females. However, their views on what it was that made those women exemplary changed over time, a process aptly captured by Sherry J. Mou in her *Gentlemen's Prescriptions for Women's Lives*.

In her work, Mou analyzes Liu Xiang's *Biographies of Exemplary Women* and chapters on exemplary women in the first seven standard histories. Her findings suggest that with time these biographies became more moralistic and more focused on such virtues as amicability, complaisance, gentleness, and chastity. On the other hand, the importance of such qualities as prescience and learning steadily decreased. Moreover, starting with the two Tang histories, a surge in the number of accounts concerning self-mutilation to preserve one's chastity is observed. Such accounts, along with stories of either suicide or involuntary death in defense of one's chastity, become a staple of Chinese historical writing on women. Mou also observes that while Liu Xiang places greater emphasis on the potencies of women, later standard histories focus on set familial roles such as the filial daughter, the loyal wife, the chaste widow, and the sagacious mother [9].

After the Tang dynasty, a number of trends can be discerned in the evolution of writing on exemplary women. First, the sheer number of accounts of such women increased significantly starting from the Yuan dynasty. This can be explained by the fact that a system of official commendation was established in the Yuan to recognize noteworthy women. Since the system involved officials reviewing accounts of women to establish whether or not they were worthy of recognition, a great number of such accounts were composed by literati on behalf of families who wanted a female member to be immortalized. Furthermore, writing biographies and poems dedicated to virtuous women became a widespread practice among literati and played an important role in their socializing [6, p. 192].

Second, the increase in the number of accounts of exemplary women was accompanied by their standardization and simplification. Mizukoshi Tomo argues that while some individuality and vigor can be observed in the relevant chapter of *Song shi*, biographies of women found in *Yuan shi* become formalized under the influence of Neo-Confucian rigorism [6, p. 174]. The same can be said about all further dynastic histories. There is no doubt that the official system of recognition of exemplary women and the fact that composing accounts of such women became the vogue among the literati class contributed to this trend.

Third, with time Chinese historians became preoccupied with writing biographies of female martyrs. More attention was paid to gruesome incidents involving involuntary death, suicide, self-mutilation, and other kinds of adversity. It is curious that historians themselves were aware of this trend. For instance, the introduction to the chapter on exemplary women in *Ming shi* openly acknowledges this fact:

When Liu Xiang compiled biographies of exemplary women, he chose accounts that could serve as a warning and did not confine himself to a singular virtue. Fan Ye followed his example and

¹ These are *Hou Han shu*, *Jin shu*, *Wei shu*, *Sui shu*, *Bei shi*, *Jiu Tang shu*, *Xin Tang shu*, *Song shi*, *Liao shi*, *Jin shi*, *Yuan shi*, and *Ming shi*.

collected stories of exemplary talent and behavior; it was not just female martyrs that he extolled. However, after Wei and Sui, historians began to pay increased attention to accounts of adversity and hardship, stories concerning death and martyrdom. One may argue that contemporary [popular] sentiment made light of measured action and valued extremity. In all instances, it was extreme oddity and hardship that were considered to be praiseworthy; they were rewarded by state institutions, recorded by historians, praised by ordinary people, and found titillating by commoners. Moreover, scholars and other men of learning used accounts of extraordinary behavior to express their own bold, vehement, and unrestrained sentiments as they pleased. That is why the biographies they produced were most extravagant, yet these accounts were also among the most well-known ones [16].

The introduction goes on to state that most accounts recorded during the Ming are of women martyrs and attributes this trend to the pervasive influence of royal suasion that compelled Ming subjects to act in such a laudable way. Moreover, it mentions the increasing number of such accounts found in contemporary «veritable records» and «local gazetteers» and admits that only a modicum of these accounts is preserved in *Ming shi*.

By the end of the Ming, a rich literary tradition of recording biographies of notable women centering on official standard histories had been formed in China. It was inaugurated by Liu Xiang's *Biographies of Exemplary Women*, appropriated by Chinese historians, and also popularized by vernacular adaptations. With time accounts of exemplary women became more uniform, more focused on familial roles, and intensely preoccupied with martyrdom. In connection with this, a valid question one may ask is how this rich tradition was received, interpreted, and adapted in Japan.

It is unclear when Chinese biographies of exemplary women reached Japan for the first time. A catalogue of Chinese books compiled around 891 by Fujiwara-no Sukeyo and entitled *Nihon-koku genzaisho mokuroku* (*A Catalogue of Contemporary Books in the Japanese Realm*) contains Liu Xiang's *Biographies of Exemplary Women* and a number of related titles [12, p. 36]. Thus we can assume that these books were brought to Japan before the end of the ninth century and must have been read by the learned elite. Yet they did not circulate widely as Chinese literature remained exclusively within the purview of court nobility, scholars, and Buddhist monks until the inception of the Edo period. The *lienü* genre did not take root in classical and medieval Japan: there were no attempts by Japanese authors to record accounts of Japan's notable women². It was only in the Edo period that biographies of exemplary women began to be widely read and also composed in that country.

In 1653–1654, the first printed edition of Liu Xiang's *Biographies of Exemplary Women* was published in Japan. It was followed by a partial rendering of the same book into Japanese by Kitamura Kigin (1625–1705) entitled *Kana retsujoden* (*The Biographies of Exemplary Women in Kana Script*) printed just a year later [5, pp. 23–24]. These books inaugurated what Sekiguchi Sumiko has called

² Incidentally, something akin to biographies of exemplary women may be found in Buddhist *setsuwa* literature – for instance, chapter eighteen of *Genkō shakusho* (*The Genkō Era Accounts of Eminent Priests*) is devoted to the accounts of fifteen exemplary nuns, most of whom were from Japan. However, the precise relationship between *setsuwa* literature and Chinese *lienü* narratives remains to be studied (for this comment I am indebted to Professor Keller Kimbrough).

a «veritable biographies of exemplary women boom» [10, p. 204]. Kasai Kiyoshi has analyzed this phenomenon in detail; a summary of his analysis is provided below [4].

As printed editions of the *Biographies of Exemplary Women* in original Chinese and its partial Japanese translations entered wide circulation, one of the first Japanese collection of accounts of notable women appeared in 1655. It was authored by Kurokawa Hirotada (1612–1678), a Confucian scholar, and entitled *Honchō retsujoden* (*The Biographies of Japan's Exemplary Women*). In his introductory notes, Kurokawa mentions that he was following the example of Liu Xiang when composing his voluminous compilation. However, he rejected the classification of exemplary women proposed by Liu and instead separated his 217 heroines into ten strictly hierarchical groups: Empresses and Consorts, Wives of Feudal Lords, Wives of Grandees, Wives of Officials, Wives of Commoners, Concubines, Courtesans, Virgins, Odd Women, and Devine Women. Kurokawa's *Biographies* is a didactic work: in its introduction, the author himself says that he wishes it to be used as an aid to domestic governance and regulating family affairs. Since it is written in *kanbun*, it was probably meant to be read by educated men and then explained to women.

Honchō retsujoden inaugurated a new genre in Japanese literature, that of didactic female biographies. It was followed by a number of books that were aiming to provide exemplars of female virtue to Japanese women. One notable work of this type is *Honchō jōkan* (*The Female Mirror of Japan*) published in 1661 by Asai Ryōi (1612–1691). This book is written in Japanese and contains accounts of some eighty-five notable Japanese women from high antiquity to the beginning of the early modern period organized into five categories similar to those found in Liu Xiang's work. It is clear from its preface that the author intended *Honchō jōkan* to be read by women as a textbook of womanly virtue. Curiously, while focusing on Japanese women, *Honchō jōkan* utilizes storylines from Chinese *lienü* literature adapting them to the domestic context.

Among other didactic accounts on Japanese notable women are *Wakan kenjō monogatari* (*Tales of Japanese and Chinese Wise Women*) published in 1668 and *Nihon meijō monogatari* (*Tales of Famous Japanese Women*) printed two years later. This genre seems to have become quite popular in Tokugawa Japan as such books were often reprinted. However, didactic literature was not the only popular mode of biographical writing about women. In 1678, a book entitled *Shikidō ōkagami* (*The Great Mirror of the Way of Love*) was published by Fujimoto Kizan. It contained a chapter entitled «Japan's Exemplary Women,» but quite surprisingly Fujimoto's heroines were all famous courtesans. Starting with Fujimoto's work, accounts of notable women's amorous affairs became another popular genre directly related to biographies of exemplary women. Similar works include *Meijō nasakekurabe* (*The Comparison of Famous Women's Feelings*) published in 1681. It is worth mentioning that this book also contains a separate chapter dedicated to renowned courtesans.

The above analysis suggests that by the end of the seventeenth century two major genres of biographical writing focusing on accounts of notable women had developed in Japan. One was that of serious didactic literature aiming to inculcate primarily Confucian moral teachings in Japanese women (this genre is quite similar to Chinese *lienü* narratives and their vernacular adaptations); the other focused on the love life of famous women and was largely enjoyed as reading for entertainment. However, one of the pivotal modes of writing on exemplary women did not appear in Japan at all. I am referring to biographies of exemplary women in standard histories. The reason for this is quite simple:

Japanese official historiography never adopted the *jizhuanti* (annals and biographies) style of Chinese standard histories; all six official Japanese histories (Jp. *rikkokushi*) were written in the *biannianti* (chronology) style thus leaving no room for accounts of exemplary women. There is one important exception: the voluminous *Dainihon-shi* (*The History of Great Japan*), the compilation of which was initiated under the auspices of Tokugawa Mitsukuni, the second lord of the Mito domain, in 1657 and which was completed only in 1906. This monumental work of semi-official historiography was meant to become the Japanese version of the *Records of the Grand Historian* and was written in the *jizhuanti* style. It contained a chapter on the biographies of Japanese exemplary women modeled on those found in Chinese standard histories and explored topics often encountered in Chinese *lienü* narratives such as filial piety and chastity.

Works of the *lienü* genre continued to be published well into the Meiji period. This literature was also influenced by the wave of westernization that swept over Japan following the Meiji Restoration. For instance, a work entitled *Fujo kagami* (*A Mirror for Women*) was printed in 1887 under the editorship of Nishimura Shigeki and subsequently adopted as a textbook in the Peers School for Girls. The text contained not only biographies of China's exemplary women such as the mother of Mencius, but also accounts of Japanese and Western notable women [11, pp. 109–110].

Chinese and Japanese accounts of exemplary women first entered wide circulation in Japan in the second half of the seventeenth century. As many of them were written in the vernacular, and as Japanese female literacy rates grew throughout the Edo period, it may be assumed that these works became more accessible to a female readership as time went by. Most of such books were composed by educated men, but there are exceptions to this trend, on one of which I would like to focus here. Shirakawa Kinsui produced a compilation of accounts of notable Japanese women of her own written in the Japanese language in 1879. What was the nature of her work and the reason for its compilation? What is its place in the broader *lienü* traditions of both Japan and China? What can Kinsui's compilation tell us about her take on women's education? Before addressing these and other questions, I will attempt to reconstruct Kinsui's biography below.

Shirakawa Kinsui: A Biographical Sketch³

A landlocked province in the Tōsandō area of Japan, Hida was never famous for producing literary talent. A land «encircled by myriad mountain peaks covered with clouds and mists, its valleys deep, its vegetation dense» [14], it became a renowned source of high quality timber in ancient times. Old legends speak of Hida-no Takumi, a prodigy carpenter from Hida, whose skill with wood was unrivalled across the country and who is rumored to have erected a score of Buddhist temples and Shinto shrines. The inhabitants of this secluded province have been described as «simple and straightforward, hard-working and frugal», and also somewhat «aloof from worldly trends» [2, p. 58]. From 1692 and until the Meiji Restoration, Hida was directly administered by the Shogunate as a *tenryō*, which may have also contributed to the conservative disposition of its people.

³ Unless otherwise noted, this biography is based on findings by Taga Akigorō [15] and Morioka Yukari [7, 8].

As many other remote provinces in the Edo period, Hida lacked high-level educational facilities. Virtually the only source of knowledge available to its residents were the numerous temple schools referred to as *terakoya*, which offered their students basic tutelage in arithmetic and literacy [2, p. 60]. Buddhist clergy that ran these schools, however, was relatively educated and often well-versed not only in the Buddhist canon, but also in the Confucian classics. In 1856, a girl named Sachi was born to one of the priestly families from Hida surnamed Shirakawa. Later she would become a female poet, painter, and educator known to posterity as Shirakawa Kinsui.

Kinsui's father Jishō was a Shin Buddhist priest and the twentieth abbot of Ganshōji temple located in present-day Takayama. His predecessor, the nineteenth abbot of Ganshōji Ryōgyō was a highly educated man, who learned the art of composing Chinese poetry from Akada Gagyū, a Confucian scholar and a poet himself. The atmosphere of literary attainment must have been strong in the Shirakawa family: apart from her grandfather, Kinsui's two elder brothers Jikō and Jiben were both accomplished poets. Jishō did his best to educate his daughter, who proved to have a natural talent for learning. At the age of five she could already read Chinese books and have a general grasp of their meaning; at seven she composed Chinese poetry herself. Moreover, from an early age Kinsui had a particular penchant for painting. According to Taga Akigorō, her talent can be discerned even in the works that she produced when she was eight [15, p. 27]. We can find them in two albums of Kinsui's paintings that have been preserved in Ganshōji to this day.

When Kinsui was thirteen, the old Bakufu system collapsed as the young emperor Meiji assumed direct control of the country. The Restoration sent shock waves across Japan, and Hida was not an exception. Formerly a domain under the Shogunate's direct administration, it became a prefecture in 1868, first named Hida and then renamed Takayama. The new government dispatched a twenty-seven-year-old loyalist samurai from the Mito domain to Takayama making him the prefecture's first governor. The man's name was Umemura Hayami, and he went down in history as an unsuccessful reformer, whose policies resulted in a series of disturbances known as the Umemura riots. In March, 1869, Umemura was relieved of his duties and left Takayama, but during his short stint as governor he managed to remarry twice, one of his wives being none other than the teenage Shirakawa Kinsui. Their marriage did not last more than a few months, yet must have had a profound influence on Kinsui's life. Taga Akigorō surmises that Takayama's residents' attitude toward the former wife of the failed reformer must have been mixed [15, p. 28].

In 1873, Kinsui's brothers Jikō and Jiben obtained positions at Higashi Honganji and moved to Kyoto taking their sister with them. A year later she entered the Shūsei Middle School in Osaka, where she studied the English language and literature. However, in October of the same year, Jikō died at the age of thirty-two. Following his death, Kinsui moved to Kyoto and occupied herself with making silk. At that point she met Kikuchi Sankei (1819–1891), a Confucian scholar and a poet who taught her the art of Chinese verse. According to him,

Ms. [Shirakawa] was born in Hida. This land is surrounded by many mountains forcing one to lead a life of seclusion. There are few good teachers and wise companions there. Ms. [Shirakawa] was displeased with this, so she set out on a journey of a thousand li and occupied herself with learning in Naniwa (Osaka) studying western books. She gained a general understanding of their

meaning. Shortly thereafter she began to adore the cultural accomplishments of Heian (Kyoto), so last year (1875) she moved to the western capital and sometimes, whenever she was free from silk-making, she came to me and asked me about poetry [13].

Kikuchi's testimony makes it clear that Kinsui moved to Kyoto and Osaka not simply because her brothers found employment there, but also owing to her strong desire to learn and engage in cultural pursuits. Besides Chinese poetry, she studied traditional Japanese painting under Murata Kōkoku and oil painting under Wetton. In 1876, her first collection of Chinese poetry entitled *Kinsui shōkō* (*Kinsui's Small Manuscript*) was published. Kinsui was only twenty years old at the time.

In January, 1877, Kinsui entered Kyoto Prefectural Women's School. Her performance must have been exceptional, so much so that she obtained a teaching position at the school just two months after matriculation. The decision to employ Kinsui may have been influenced by the high honors she received from the imperial family: her accomplishments were noticed by the empress and emperor Meiji himself, who bestowed on Kinsui a copy of the Kangxi dictionary during his visit to the school. In December, 1879, Kinsui resigned from her position at the school to marry Aoki Yosuke, a merchant from Nagoya. They had three children together: two girls and a boy. In the year of her resignation, Kinsui completed her second book, a collection of biographies of Japan's exemplary women entitled *Honchō tōshi retsujoden*, and submitted it to the Imperial Household Ministry.

Kinsui's poetry was noticed by her contemporaries at an early time. It was highly regarded by her teacher Kikuchi Sankei, who praised it in his introduction to *Honchō tōshi retsujoden*:

Her literary talent is as sharp as the *kunwudao* sword piercing jade: one strike and [the stone] is cut into a hundred pieces, everyone who touches it perishes. ... Her poems are pure and elegant, natural and unrestrained. She never loses sense of what is important. Sometimes she uses powerful and expressive language to surprise her audience. Whenever I appraise her verse, I use the eight characters inscribed on the back side of the Cao E stele [14]⁴.

Ten of her poems were featured in an anthology of women's verse entitled *Nihon keien ginsō* (*The Declamations of Japanese Women*) published in Tokyo in 1880. At some point between 1880 and 1883 her work attracted the attention of Yu Yue, a Confucian scholar from China who was collecting Chinese poetry by Japanese authors. He selected a number of Kinsui's poems to be included in *Tongying shixuan* (*An Anthology of Japanese Verse*), a monumental collection of Chinese poems composed in Japan in forty volumes published in China in 1883. Yu Yue regarded her poetry quite highly, which is apparent from a small introduction to Kinsui's verse in *Tongying shixuan*:

Kinsui is highly skilled in the old style of poetry, a talent hard to find among female authors. Her four pieces entitled *Hongxian yuchang* (*Kōgen yoshō*) resemble songs or folk ballads with a superb and unusual rhythmic structure. In her preface to these poems, Kinsui says that she «has

⁴ Eight characters on the back of the stele form a character rebus meaning «beautiful words».

devoted some time to studying the rhythms of local songs», and I believe that she is referring to what is called *waka* in her land. Her poetry is sensitive and moving [15, p. 22].

Yu Yue is not entirely correct in his suggestion. What Kinsui refers to in her preface to *Kōgen yoshō* are not *waka*, but rather traditional Japanese songs belonging to the *jiuta* genre. The four poems collected under the title *Kōgen yoshō – The Echo of the Red Strings* – are in fact free translations of such songs into literary Chinese. In *Kinsui shōkō*, the names of these original songs are inscribed under each poem's title in smaller characters: they include *Hana-mo yuki-mo*, *Kurokami-no*, *Harusame-ni* and *Izukata-he*.

Yu Yue was not the only Chinese intellectual to have noticed Kinsui's verse. Some of her poems were included in an anthology of contemporary Japanese poetry in Chinese compiled by Chen Honggao in 1883 and entitled *Riben dongren shixuan (An Anthology of Verse by Fellow Japanese Poets)*. He is believed to have selected a few pieces from *Ōsei gūsō (Scribbles from the Residence West of the Kamo River)*, another collection of Kinsui's poems, which unfortunately has been lost. Chen Honggao commented on each of her poems praising Kinsui's literary talent. He described her style as «pure and elegant, not sullied by the dust of the world» and compared her to renowned Qing female poets Xi Peilan and Jin Xianxian [15, p. 22].

In 1885, Kinsui's husband Aoki Yosuke died. She continued to live in Nagoya raising her three children, writing and painting. In 1890, she died at the age of thirty-five and was buried at Shōkyōji, the ancestral temple of the Aoki family. Her daughter Jōko became a well-known *waka* poet and was active in Nagoya's literary circles.

Shirakawa Kinsui's *Honchō tōshi retsujoden*: A Confucian Primer for Women in an Age of Modernization

In December, 1879, *Honchō tōshi retsujoden* was released by a publishing house in Kyoto. Morioka Yukari has researched the archives of Kinsui's ancestral Ganshōji temple and discovered three editions of the same text [8]. The first edition seems to have been printed as a sample and delivered to Kinsui for proofreading (It is likely that this sample edition was printed before December, 1879). The remaining two are very similar with only minor differences pertaining to design. We may assume that the text had been completed by the end of 1878: both its prefaces – one written by Kinsui herself and the other by her teacher Kikuchi Sankei – are dated November and October, 1878, respectively. Moreover, Kinsui's introductory notes were written in the summer of 1877. Thus we understand that she was working on her book during her studies and employment at Kyoto Prefectural Women's School.

The book's title *Honchō tōshi retsujoden* may be translated as *Biographies of Japan's Exemplary Women by a Female Historian*. According to Kinsui's own introductory notes, she originally intended to call the book *Honchō tōshi – A Women's History of Japan* – but her publisher demanded she adduce the «*retsujoden*» part to the title to make it more comprehensible. This fact suggests that the *retsujō/lienū* genre was still easily recognizable and popular in Japan at the time.

To understand Kinsui's reasons for releasing yet another collection of accounts of exemplary women, one must refer to her preface and introductory notes. The preface is quoted in full below:

Without historical writings it is impossible to discern the truth and reflect on the traces of high antiquity. Without historical writings it is also impossible to relate affairs and illuminate facts for distant posterity. Therefore the role such writings play is indeed great. In our land, a cultural boom occurred in the middle ages, so historical writings are now readily available. It is needless to say that all the notable accomplishments of enlightened sovereigns, learned vassals, and heroes have been recorded in detail and preserved. However, there also are many works that can serve as lessons for women in female virtue [such as] *Guan ju* and domestic governance [such as] *Neize*. It is only regrettable that so far they have not been compiled into a single volume. That is why I spent several years collecting accounts of wise, virtuous, righteous, and upright women whenever I was free from sewing and weaving, recorded what I managed to find in historical sources, and produced a book in four volumes arranged into six categories. I called it *A Women's History of Japan*. However, the labor of the historian is so challenging that even men sometimes find themselves at a loss. This is even more so in case of a woman who attempts to relate the events that happened a thousand years ago using a red brush of three *sun*. She only shows that she does not know her own capacity. Thus, I have written this work in expectation of someone like Xie Daoyun or Cao Dagu [14].

Here Kinsui contends that the many historical accounts of notable Japanese women are yet to be compiled into a single volume, so she decided to undertake this arduous task. This remark is curious: Kinsui must have known of Kurokawa's *Honchō tōshi retsujoden*, but for some reason considered his work unsuitable for her intended purposes. Perhaps she believed *Honchō tōshi retsujoden* to be inaccessible to women as it was written in *kanbun*.

Kinsui's introductory notes shed more light on her motives:

Whenever I read ancient and contemporary historical accounts and encounter the words and deeds of exemplary women, I admire the veracity of facts and the elegance of language; I wish that young girls everywhere could read such accounts and draw moral lessons from them. However, historical writings are abundant, and I fear that this makes learning inconvenient for young girls. Therefore I have excerpted the essential parts of these writings and re-written them in the vernacular script so as to offer an easy path to reading history. This is why I compiled this volume [14].

From Kinsui's explanation, it is clear that she intended *Honchō tōshi retsujoden* to be a didactic manual for young girls. She also wanted to make accounts of Japan's exemplary women more accessible to them, so she re-wrote them in the vernacular, albeit heavily sinicized.

As she mentioned in her preface, Kinsui originally intended to arrange the biographies into six categories each dedicated to a certain Confucian virtue: filial piety, chastity, wisdom, loyalty, talent, and bravery. However, for an unknown reason she managed to complete only two parts of her work, one on filial piety and the other on chastity. It is worth mentioning that Kinsui chose not to arrange her biographies according to class or social status. In this regard, her work resembles Liu Xiang's *Biographies* and differs from Kurokawa's *Honchō retsujoden*. In the introductory notes, Kinsui makes

it clear that she eschewed accounts she believed to be fictional. Taga Akigorō maintains that her belief that moral lessons can only be drawn from facts and not fables resembles the tenets of the evidential scholarship tradition developed in the Qing [15, p. 34], but it is unclear whether Kinsui had encountered any works by Qing *kaozheng* scholars.

Unlike Liu Xiang, Kinsui did not embellish the accounts she borrowed from her sources. Morioka Yukari has discovered that most of Kinsui's stories are taken from the chapter on exemplary women in *Dainihon-shi*, while others are borrowed from Ōtsuki Bankei's (1801–1878) *Kinko shidan* (*Historical Discourses on the Contemporary and the Ancient*) and Rai San'yō's (1780–1832) *San'yō ikō* (*The Remaining Writings of Rai San'yō*) [8, p. 43]. Since all these sources are written in *kanbun*, Kinsui transcribed them into heavily sinicized Japanese. While easier to read than *kanbun*, this style of Japanese was only accessible to readers who, like Kinsui, had received at least some training in the Chinese classics.

The actual accounts of Japanese exemplary women are interspaced with Kinsui's own comments, which are by far the most interesting feature of the text. These comments allow the reader to infer the author's stance on a whole number of themes and issues, which will be explored below. Some of the biographies are also accompanied by Chinese poems and *waka* written by Kinsui as well as illustrations painted by her. Moreover, critical commentary by Kikuchi Sankei is inscribed in *kanbun* at the top of every other page.

Honchō tōshi retsujoden contains accounts of twenty-five notable women from high antiquity to the Tokugawa period. The social status of Kinsui's heroines ranges from aristocrats to commoners. Below I will examine the key themes Kinsui explores in her work (a list of these themes can be found in Table 1).

Filial piety

Six biographies in *Honchō tōshi retsujoden* are devoted exclusively to the virtue of filial piety. In her comments, Kinsui contends that filial piety is an innate quality of every child – both male and female – originating from natural feelings for one's parents. Learning is not a necessary prerequisite to attain filial piety; however, in order for filial piety to be expressed properly, it must be regulated by rights. Without rights, there is bound to be either excess or lack of filial devotion. Kinsui's understanding parallels the general Confucian principle that the superior man must regulate his behavior by the rules of propriety. Kinsui also argues against «doing the impossible in the service of one's parents,» that is, against extreme behavior in pursuit of filial piety. Later Chinese *lienü* accounts often extol reckless self-sacrifice, bodily harm, and even cannibalism as examples of filial piety, but Kinsui does not go so far.

Dedicated service to one's parents (or parents-in-law) when they are alive and proper mourning when they pass away is an important theme of *Honchō tōshi retsujoden*. In two cases, a bereaved daughter goes so far as to reside in a hut near the deceased parent's grave for an extended period of time – a common practice in China called *lumu*. Three women are recognized by officials and either given tax exemption or official rank as commendation for their filial behavior (another common theme in Chinese biographies of exemplary women). Curiously, three other women demonstrate Buddhist devotion following their parent's demise, which is not a standard feature of Chinese *lienü* accounts.

The most extensive biography of a filial daughter is dedicated to revenge. In it, a girl named Riya learns swordsmanship, tracks down and slays the murderer of her father. The text demonstrates that daughters can avenge their parents similarly to sons. In her comment, Kinsui adds that revenge should not be a moral lesson in the Meiji era as it is prohibited by law, but during the Tokugawa period revenge was an ordinary matter. Kinsui believes that if a woman has integrity, she can be viewed as a man of valor (Jp. *jōbu*). In case of Riya, she behaved as a real *jōbu*, even though she was born a woman. It is important to point out that while revenge was prohibited by the legal systems of China and Japan alike, it was nonetheless universally acclaimed, and perpetrators of revenge were often pardoned by officials.

Chastity

The greater part of *Honchō tōshi retsujoden* (eighteen biographies) concerns the virtue of chastity (Ch. *zhen*, Jp. *tei*). The term *zhen/tei* is often translated as «chastity» when referring to Chinese imperial accounts of notable women, especially widows who do not remarry. However, in case of *Honchō tōshi retsujoden*, a more general and gender-neutral rendering «firm of character, upright» is also applicable since the book covers a whole number of moral qualities often going beyond «chastity» in the conventional sense.

The most prominent theme of the second part of *Honchō tōshi retsujoden* is suicide. Nine heroines of the book commit suicide; most do so to follow their husbands in death. One woman, Okatsu, ended her life to prevent a war between Oda Nobunaga and Tokugawa Ieyasu. Another, Oshō, chose death over the shame of contradicting the deathbed wish of her father by breaking her engagement vows. In an apparent adaptation of one of the stories from Liu Xiang's *Biographies of Exemplary Women*, Kesa, the wife of an official, posed as her husband and incurred a gruesome death instead of him. In all instances, these women demonstrate an unwavering dedication to their husbands (or fiancés), and their actions are condoned by Kinsui in her commentaries. She goes so far as to state that to die for one's husband for a woman is the same as to die for one's country in case of a man.

Refusal to associate with other men and/or to remarry is another prominent motif of the book. The wife of Minamoto-no Yoshitaka refused to remarry after her husband's death and died of grief soon. Ōiso-no Tora, a courtesan who became a samurai's concubine, turned down another man's advances and took the tonsure after her master perished. Yoi, a samurai's wife, killed an unwanted suitor who intended to assault her in her husband's absence. A commoner young widow Tsuru never remarried and even ordered that no man should participate in her burial. The accounts of these women resemble similar Chinese stories lauding female chastity.

Less prominent dimensions of «chastity», or, more appropriately, «firmness of character» include wisdom, cunning and bravery. The Wife of Kamitsukenu-no Katana, a general, used her wisdom and cunning to persuade her husband to fight and fooled his enemies thereby helping him win the battle. In her comments, Kinsui says that she was as good as other male warriors and laments the fact that there are few women like her. The wife of Yamanouchi Kazutoyo saved money for an important occasion and then gave it to her husband resulting in his promotion. The wife of Tomita Nobutaka, again a

general, rushed onto the battlefield thinking that he was dead and fought bravely. All these women demonstrated their staunch devotion to their husband.

The account of the wife of Kajiura Heishichi is especially curious. She was the daughter of Asano Naganori's senior retainer, who did not participate in the Akō incident. When Heishichi learned about this, he decided to divorce her because, as he explained, he could not bear to be married to a coward's daughter. She obediently followed her husband's wish and never spoke to him again despite being blameless herself. This story may dishearten the modern reader, but to Kinsui it remained exemplary nonetheless.

Kinsui understood chastity more broadly than late Chinese authors. To her, it revolved around devotion to one's husband and was not necessarily confined to refusal to remarry. Taga Akigorō notes that for Kinsui, chastity originates as love for one's husband and is expressed in accordance with righteousness [15, p. 35]. This is similar to Kinsui's views on filial piety: proper filial piety must be regulated by rights while chastity must be expressed with righteousness in mind.

Conclusion

In *Honchō tōshi retsujoden*, Kinsui articulated an image of a woman she wished young girls to emulate. While rooted in orthodox Confucian virtues, this image is nonetheless somewhat different from late Chinese accounts that emphasize submissiveness and focus on martyrdom. Just like Liu Xiang's women, Kinsui's heroines possess great potential that is expressed in accordance with rules of propriety and righteousness. Many of them choose death to demonstrate their devotion to husbands, but others exhibit such qualities as bravery, cunning, and wisdom in order to promote the fortune of their families. Moreover, according to Kinsui, some women may be as good as men when it comes to military affairs or revenge. They may even put lesser men to shame. In general, Kinsui demands from women the same virtues any Confucian would require of men: filial piety and uprightness.

Kinsui's adherence to orthodox ideals in female education is curious. She is known to have spent considerable time studying western books and art, but remained committed to Confucian ethics. Unlike many educators of her time, Kinsui was not enthralled by western discourses of civilization and enlightenment and continued to live essentially as a Confucian literatus until her death in 1890. Taga Akigorō points out that Kinsui's work on *Honchō tōshi retsujoden* coincided with a trend toward a more nativist understanding of education at Kyoto Prefectural Women's School in particular and in Japan as a whole [15, p. 36]. In this light, Kinsui's emphasis on traditional morals in *Honchō tōshi retsujoden* becomes more understandable.

Above I have attempted to place *Honchō tōshi retsujoden* within a broader historical context and analyze its contents. I have also reconstructed Shirakawa Kinsui's biography. However, given the scope of this article, one aspect of Kinsui's work has not been illuminated here. I am referring to her poetry in Chinese, which is an interesting subject for study and to which I intend to turn next.

Table 1. Key Themes in *Honchō tōshi retsujoden*

No.	Name	Years active	Social status	Main theme and comments
<i>Filial women</i>				
1.	The daughter of Kinunui-no Kanatsugu	9 th century	Most likely a commoner	Mourning for her father and mother, Buddhist devotion, living next to her father's grave, official recognition, receiving rank, tax exemption
2.	Fukuyome	9 th century	A commoner from Satsuma	Serving one's parents according to the rules of propriety, official recognition, receiving rank
3.	The daughter of Tachibana-no Hayanari	8 th –9 th century	Daughter of a noble courtier	Following one's parents to exile, living next to her father's grave, Buddhist devotion
4.	The dancing girl Mimyō	12 th century	Daughter from a good family from the capital	Dedication to a lowly profession so as to find information about father, Buddhist devotion
5.	Ito	No data	A commoner from Wakasa	Fulfilling father-in-law's wishes no matter how hard that could be, official recognition, tax exemption
6.	Riya	17 th century	Daughter of an <i>ashigaru</i> from Sanuki	Revenge for deceased parents
<i>Chaste women</i>				
7.	The wife of Taji	4 th century	Wife of a general	Suicide after husband's brave death
8.	The wife of Kamitsukenu-no Katana	7 th century	Wife of a general	Cunning in the service of husband
9.	The wife of Abe-no Noritō	11 th century	Wife of a samurai	Suicide with husband
10.	The wife of Kamada Masaie	12 th century	Daughter of a <i>shōen</i> administrator, wife of a samurai	Suicide after husband's death
11.	Kesa	12 th century	Daughter from a rich family, wife of an official	Self-sacrifice for the sake of husband
12.	The wife of Minamoto-no Yoshitaka	12 th century	Wife of a nobleman	Refusal to remarry and death of grief
13.	Kozaishō	12 th century	Wife of a Taira nobleman, daughter from a noble family	Suicide after husband's death

14.	The wife of Sasuke Sadatoshi	14 th century	Wife of a samurai	Suicide after husband's death
15.	Shizuka	12 th century	A <i>shirabyōshi</i> dancer, Minamoto-no Yoshitsune's concubine	General strength of character and devotion to husband, refusal to associate with other men
16.	Ōiso-no Tora	12 th century	A courtesan, a samurai's concubine	General strength of character and devotion to husband, refusal to associate with other men, Buddhist devotion
17.	Okatsu	16 th century	A servant to Oda Nobuyuki	Revenge for the death of her husband, suicide to prevent war
18.	The wife of Yamanouchi Kazutoyo	16 th century	Wife of a samurai	Wifely wisdom.
19.	The wife of Tomita Nobutaka	16 th century	Wife of a general	Martial valor and devotion to husband, willingness to die for husband
20.	The wife of Hosokawa Tadaoki	16 th century	Wife of a samurai	Suicide to prevent shame
21.	The wife of Ojima Kihei (and the wife of Kajiura Heishichi)	18 th century	Wife of a samurai	Suicide after husband's death
22.	Yoi	17 th –18 th century	Wife of a samurai	Kindness in caring for a child of a concubine, bravery, killing an unwanted suitor
23.	Tsuru	18 th century	Most likely a commoner	Never remarried, womanly benevolence
24.	Oshō	18 th –19 th century	A commoner	Suicide, not contradicting father's wishes and marital vows, commended by local authorities

References

1. Ban, G. (1784). *Han shu*. Beijing: Qinding Siku Quanshu.
2. Hida kyōiku kai (1894). *Hida koku shōchishi*. Nagoya: Yūshūsha.
3. Hinsch, B. and X. Han. (2006). Cross-genre Influence on the Fictional Aspects of *lienü* Narratives, *Journal of Oriental Studies*, 41(1): 41–66.
4. Kasai, K. (1961). Kana zōshi ni oyobosita 'retsujoden' no eikyō [The Influence of *retsujoden* on kana zōshi], *Hikaku bungaku*, 4(1): 34–43.
5. Kornicki, P.F., M. Patessio and G.G. Rowley, ed. (2010). *The Female as Subject: Reading and Writing in Early Modern Japan*. Ann Arbor: Center for Japanese Studies, The University of Michigan.
6. Mizukoshi, T. (2008). Gen matsu Min shoki ni okeru retsujo densetsu [Retsujo Legends in Late Yuan and Early Ming], *Tōyō bunka kenkyū*, 10(1): 173–202.

7. Morioka, Y. (2011). Jiuta wo kanshi ni – Shirakawa Kinsui to sono kanshi wo megutte [Jiuta into kanshi – Concerning Shirakawa Kinsui and her kanshi], *Shohō kangaku kenkyū*, 8(1): 23–31.
8. Morioka, Y. (2014). Shirakawa Kinsui ‘Honchō tōshi retsujoden’ ni tsuite no shohoteki kōsatsu – Ganshōji shozōbon wo tegakari to shite [A Preliminary Consideration of Shirakawa Kinsui’s Honchō tōshi retsujoden – Based on Editions Stored at Ganshōji], *Hidaki: kenkyū kiyō*, 11(1): 39–51.
9. Mou, S.J. (2015). *Gentlemen’s Prescriptions for Women’s Lives: A Thousand Years of Biographies of Chinese Women*. London and New York: Routledge.
10. Sekiguchi, S. and M. Burtscher. (2008). Gender in the Meiji Renovation: Confucian ‘Lessons for Women’ and the Making of Modern Japan, *Social Science Japan Journal*, 11(2): 201–221.
11. Sekiguchi, S. (2010). Confucian Morals and the Making of a ‘Good Wife and Wise Mother’: From ‘Between Husband and Wife there is Distinction’ to ‘as Husbands and Wives be Harmonious’, *Social Science Japan Journal*, 13(1): 95–113.
12. Shimomi, T. (1987). Ryū Kyō ‘Retsujoden’ kenkyū josetsu [An Introduction to the Research of Liu Xiang’s Lienüzhuan], *Hiroshima daigaku bungakubu kiyō*, 7(1): 1–126.
13. Shirakawa, S. (1876). Kinsui shōkō. Publisher unknown.
14. Shirakawa, S. (1879). Honchō tōshi retsujoden. Kyoto: Ōtani Jinbei.
15. Taga, A. (1986). Shirakawa Kinsui no shōgai to sono kyōiku shisō [The Life of Shirakawa Kinsui and her Thought on Education], *Kokushikan daigaku bungakubu jinbun gakkai kiyō*, 18(1): 21–41.
16. Zhang, T. (1789). Ming shu. Beijing: Qinding Siku Quanshu.

Received 23.05.2018

Поступила в редакцию 23.05.2018

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10013

О трёх риторических жанрах современной Японии

Л.М. Ермакова

Аннотация. Статья начинается с рассуждений о понятии жанра в японских филологических и культурных исследованиях. Затем приводятся описания трёх риторических жанров современной Японии: первый – жанр *кацудо: бэнси*, комментаторов немого кино, зародившийся в начале XX в. и активно возрождаемый ныне; второй имеет отношение к культуре социализации девочек в современной японской школе посредством так называемых обменных дневников (*ko:kan nikki*), третий – тот разряд современных синтоистских молитвословий *норито*, которые составляются по заказу и отражают индивидуальные вкусы священника, местные диалекты и верования, включают цитаты из японской классики.

Ключевые слова: жанр как понятие, *кацудо: бэнси* (комментаторы японских немых фильмов), «обменные дневники», субкультура и социализация девочек в японских школах, современные *норито* по заказу.

Автор: Ермакова Людмила Михайловна, доктор филологических наук, заслуженный профессор Муниципального университета иностранных языков г. Кобэ, преподаватель университета Ритсумэйкан. E-mail: lermakova@gmail.com

On Three Rhetoric Genres of Contemporary Japan

L.M. Ermakova

Abstract. The paper begins with the analysis of the notion of genre in Japanese cultural researches. These observations are followed by descriptions of three quite different rhetoric genres of contemporary Japan. The first reveals a popular genre of the beginning of the XX century which is now being revived, that is, the activity of *katsudo: benshi*, performers who provided live narration for silent films. The second is related to the “girls sub-culture” and analyzes the socializing mechanism of the so-called “mutual diaries” (*ko:kan nikki*), that have been popular among the pupils of Japanese middle school in the last quarter of the XX century. The third treats Shintoist prayers *Norito*, which are being composed nowadays in all Shinto shrines according to the client’s demand. These *Norito* reflect the individuality of a particular priest, includes local beliefs and dialects, quotations from the Japanese classics.

Keywords: Notion of genre, three kinds of contemporary rhetoric, *benshi* (commentators of the Japanese silent films), “girls subculture” and girls socializing texts, Shintoist prayers *Norito* and its contemporary developments.

Author: Ermakova Liudmila M., PhD, D. (Literature), Professor Emeritus, Kobe City University of Foreign Studies; Lecturer, Ritsumeikan University. E-mail: lermakova@gmail.com

Относительно поля значений понятия «жанр» в контуре японской культуры и филологии, похоже, ещё не существует научно обоснованных мнений и теоретических разработок ни в отечественном японоведении, ни в самой Японии. В работах японских литературоведов термин «жанр» хотя и не становится предметом дискуссий, но оказывается ещё более расплывчатым и неопределённым, чем на Западе. Само это слово, звучащее по-японски как «*дзянру*», было заимствовано в Японии с Запада в Новое время и вполне прижилось на японской почве. Однако как термин японские филологи применяют это понятие в основном тогда, когда говорят об иностранной, преимущественно западной, литературе или литературной теории; когда же речь идёт о японской словесности, необходимость различать понятия жанра, вида и даже родов литературы оказывается неактуальной, и все эти таксономии расплываются и нередко смешиваются. Во многих японских фундаментальных энциклопедиях и теоретических работах жанрами называют те три разновидности словесного искусства (эпос, лирика, драма), которые мы по устоявшейся европейской традиции привыкли считать родами литературы. Как представляется, в таких случаях для японского литературоведа «жанр» – это не совсем термин, а скорее слово обыденной речи со значением «разновидность», и за ним не подразумевается никакой теории, обосновывающей терминологическое словоупотребление.

Есть и более яркие примеры этой расплывчатости. В коллективной монографии 2007 г. под многообещающим названием «Пересечение жанров в японской литературе» [Нихон бунгаку, 2007, с. 6] рассматриваются, в частности, такие темы, как 1) соотношение пейзажной живописи и пятистиший вака в творчестве художника и поэта конца XIX – начала XX века Хирафуку Хякусуй, 2) воплощение различных повествовательных средневековых сюжетов в пластических и изобразительных искусствах, 3) изображение песенно-оркестрового ритуала *саибара* в романе XII века «Гэндзи-могатари». То есть здесь жанрами и вовсе называются принципиально разные виды искусств с разными материальными носителями – живопись, литература, музыка. В отечественной и западной филологии, при всём различии в понимании и толкованиях понятия «жанр», такое употребление термина представляется маловероятным.

Разумеется, российским или западным литературоведам ничто не мешает приложить категорию жанра к истории японской литературы, подобно тому, как мы прикладываем к ней и многие другие понятия, разработанные в западной филологии и основанные ещё на аристотелевской поэтике. Но, вероятно, стоит всё же отметить, что говоря о жанре применительно к японской литературе, мы будем оставаться в рамках западных представлений об этом понятии, которое не стало вполне рабочим в японской филологической науке.

С учётом этой оговорки можно, несомненно, утверждать, что жанр в нашем привычном понимании в японской литературе существует, и здесь, как и везде, процесс изменений жанровых форм и жанрообразования шёл непрерывно и продолжается до сих пор.

Общеизвестны специфические жанры классической японской литературы, которым не находится непосредственного аналога в литературах Запада, включая Россию: такие важные и характерные, как, например, средневековые *дзуйхицу*, «следование за пером», то есть непосредственные наброски-заметки и мгновенные записи лирических впечатлений, или *ута-могатари* – «повествование о песнях», где рассказывается о том, кто и при каких обстоятельствах сложил ту или иную «песню» (то есть пятистишие *вака*), и многие другие.

Такие жанровые формы и подобные им, безусловно, представляют значительный интерес, о них нельзя было не упомянуть как о примере жанров, характерных для японской литературы прошлого и составляющих её важные отличительные черты. Но здесь мы хотели бы говорить не о них, а привести примеры, во-первых, более современные, а во-вторых, представляющие жанры, тоже имеющие чисто японские отличия, то есть отмеченные и некоторой печатью риторической экзотики.

Жанры, о которых пойдёт речь, совершенно не связаны между собой – разве только своей принадлежностью к Новейшему времени и связью с литературным наследием и прежде существовавшими в культуре разновидностями жанров; последнее, впрочем, естественно.

«Короли» японского кинопоказа

Итак, первый из этих примеров находится в зоне скрещения нескольких видов искусства и нескольких художественных эпох. Это был особый устный жанр, который возник в Японии в начале XX века, в эпоху немого кино. Исполнителями этого жанра были люди, называемые «*бэнси*» («владеющий искусством красноречия») или, полностью, «*кацудо сясин бэнси*», т.е. «оратор движущихся фотографий».

Дело в том, что в Японии демонстрация немых фильмов не сопровождалась игрой тапёра на фортепьяно (этот иноземный для японцев инструмент в начале XX века был не так широко распространён, да и громоздкость ограничивала его применение). При демонстрации киноленты обычно играл небольшой ансамбль, составленный из традиционных музыкальных инструментов, примерно тех же, что в театре Кабуки, и нескольких западных, таких, как скрипка, труба, кларнет.

Однако главным в этом перформансе кинопоказа был не музыкальный ансамбль и – скажем с некоторым преувеличением – даже не фильм как таковой, а именно *бэнси*, причём при каждом кинотеатре свой. Некоторые из этих исполнителей-комментаторов, особо одарённые, приобретали популярность или даже громкую славу, и зрители шли не просто посмотреть тот или иной фильм, а на того или иного *бэнси*, каковых тогда в Японии насчитывалось примерно восемь тысяч [Эйга, 2013].

Роль этих сопроводителей кинопоказа была настолько велика, что на афишах нового фильма часто помещали большой фотопортрет именно *бэнси*, а рядом, поменьше размером – фотографии актёров-исполнителей. В газетах печатались даже списки *бэнси* по степени популярности у зрителей. Среди *бэнси* существовала и своя специализация, многие из них имели амплуа, например, Окура Мицугу сопровождал, в основном, западные комедии, и есть сведения, что при демонстрации фильма Чарли Чаплина «Малыш» (The Kid) он был одет à la Чарли Чаплин. Оцудзи Сиро был известен своим комическим талантом при комментировании японских комедий, и, кстати, при отключениях электричества, которые были нередки в кинотеатрах того времени, он заполнял паузы своими комическими дивертисментами. Были *бэнси*-лирики, *бэнси*, считавшиеся интеллектуалами на западный манер, и т.п.

Наверно, можно предположить, что *бэнси* первой трети XX века, говорящий за разных персонажей, меняющий голос и интонации на фоне звучания традиционной музыки, воссоздавал

для широких зрителей атмосферу известного ему театра, скажем, Кабуки или кукольного Бунраку, чем облегчал восприятие нового вида искусства – кино.

Может быть, функционально *бэнси* были, в какой-то мере, ещё и продолжателями дела гильдии сказителей; эти профессиональные актёры-рассказчики, специализировавшиеся на комментариях к немым фильмам, стоя рядом с экраном, не просто поясняли происходящее на экране; они красочно и поэтически описывали показываемую в фильме бурю, или тихую ночь, или сражение, цитируя при этом классические танка или китайские изречения по своему выбору, умозаключая, резонерствуя и т.п. Но самое главное – они ещё и подавали пространственные выразительные реплики за персонажей, создавая тем самым свою собственную, авторскую пьесу – по мотивам фильма, разумеется. При этом они чередовали окраску и тембр голоса сообразно полу и характеру героев, меняя интонации и стиль речи в соответствии с социальным статусом, индивидуальностью персонажей, а также с особенностями ситуации. Важнейший фактор участия *бэнси* состоял в том, что один и тот же момент фильма в зависимости от *бэнси* выглядел по-разному: каждый из них мог приписать актёру реплику по своему усмотрению или вовсе промолчать и оставить этот момент без озвучивания, фильм таким образом приобретал множество трактовок, интонаций, стилевых особенностей и т.п.

В разнообразных работах по истории этого жанра мы узнаём о его зарождении: в первое время после появления в Японии кинематографа, демонстрирующего западные фильмы (1896), сами ленты требовали пояснений для японских зрителей, и эти пояснения давались перед фильмом. Японская же кинопродукция, появившаяся в 1899 г., вскоре после появления в стране этого нового искусства, представляла собой не что иное, как съёмку пьес Кабуки, разыгрываемых перед неподвижно стоящей камерой. Этот киножанр вызвал к жизни существование так называемых *коваиро* (яп. «окраска голоса»), то есть комментаторов-«тембровиков». Стоя рядом с экраном, группа людей озвучивала происходящее в пьесе Кабуки по уже давно существующему тексту пьесы и в рамках сценической традиции, так что не требовалось ни титров (в японском кино они появились только около 1920 г.), ни особой кинотехники. Для воспроизведения роли ребенка подыскивали ребёнка, для старика – пожилого актёра и т.д.¹ [Grinberg, 2001, p. 6–12]. Такие исполнители гастролировали по Японии вместе с кинолентой, кинопередвижкой и складными палатками-кинотеатрами, и главным в этом процессе было не столько производство фильма, сколько его непосредственный перформанс. Если исполнителей не хватало, то один и тот же *коваиро*, прошедший соответствующее обучение, подражал разным голосам.

Бэнси представляли собой несколько иную разновидность, хотя работали в том же пространстве, выполняя задачу восполнения отсутствующих в ленте голосов рассказчика, персонажей и т.п. В конце XIX века актёр Сомэй Сабуро, который считается первым *бэнси*, прибег к новому типу сопровождения немых фильмов – он один говорил на разные голоса, комментировал и т.п. на основе собственной импровизации, которой предшествовал просмотр ленты.

¹ О таких перформансах см. также: Александр Куланов «Бэнси – темная лошадка японского Немого» // Искусство кино, 2013. № 6.

Существование *коваиро* и *бэнси*, в сущности, в немалой степени даже тормозило в Японии развитие кинематографа как самостоятельного вида искусства, и в конце 10-х годов приняло вид острого столкновения интересов кинорежиссёров и «кинокомментаторов». Считается, что компромисс был найден по предложению писателя Танидзаки Дзюньитиро, глубоко и живо интересовавшегося кинематографом и написавшего ряд статей о современном ему киноискусстве. Так или иначе, но жанр *коваиро*, с труппой из нескольких человек, воспроизводящих текст давно существующей классической пьесы, постепенно начал сходить на нет, а импровизаторы-*бэнси* остались.

Их влияние было так велико, что нередко режиссёры давали им на просмотр сценарий до начала съёмок фильма и, бывало, *бэнси* требовали снятия какой-либо сцены или её изменения – в целях наибольшей выразительности и эффектности предполагаемого перформанса *бэнси* во время демонстрации фильма. Постановщики фильма авторитету *бэнси* обычно подчинялись. Само собой разумеется, что и без этого прямого вмешательства японские сценаристы и режиссёры при работе над фильмом учитывали будущую роль *бэнси* в кинопоказе.

Произносимый *бэнси* текст был, несомненно, индивидуальным творчеством и искусством каждого *бэнси* – как интерпретатора, рассказчика и импровизатора, владеющего актёрским мастерством. Сама эта функция, как мы предположили выше, могла быть унаследована от представлений японского традиционного театра, с обязательной фигурой рассказчика или повествовательной функцией хора. Может быть, в каком-то смысле фигура *бэнси* может ещё ассоциироваться с театром кукол «Бунраку», где повествование и реплики персонажей озвучиваются сообразно движению безмолвных кукол на сцене, но это, конечно, всего лишь метафора.

Кстати, раньше только мужчины могли стать «*кацубэн-сан*» (так называли *кацудо: бэнси*), прежде всего потому, что традиционный театр сам по себе был сферой исключительно мужской деятельности вплоть до начала XX века.

Жанр *бэнси* вскоре начал угасать: к 40-м годам в Японии, как и везде, с приходом в кино техники звука немые фильмы начали постепенно исчезать из проката, однако здесь они удержались на довольно долгое время, и, как считается среди японских историков кино, это исчезновение произошло не сразу именно благодаря искусству *бэнси*. Ценность речевых импровизаций наиболее выдающихся представителей этого жанра в Японии осознавалась ещё в эпоху немого кино – тогда выходили печатные сборники с записями речевых сопровождений фильмов в исполнении прославленных и всеми любимых *бэнси*; нам известно, по крайней мере, два таких объёмистых сборника: «Кацудо бэнси эйга сэцумэй кэссакусю:» («Собрание шедевров объяснений *бэнси* к фильмам»), Токио, Касандо: сюпанбу, 1927 и «Кацудо: бэнси дзидай эйга сэцумэйсю» («Собрание объяснений *бэнси* к фильмам эпохи немого кино»), Сэкибункан сётэн, Фукуока, 1930. Вероятно, такие записи «речевого поведения» *бэнси* фигурировали как своего рода подробные покадровые сценарии, и в то же время как особый, вполне авторский, литературный жанр, их можно было читать сами по себе, как пьесу или даже повествовательную прозу, в какой-то степени они могли заменить просмотр фильма.

В конце концов, жанр кинопоказов с *бэнси* всё-таки оказался вытеснен, но он сохранился в воспоминаниях зрителей тех лет, а также в опыте самих *бэнси*, которые отчасти передавали

свои умения и память об утраченном жанре следующим поколениям. С начала 50-х годов началась деятельность по возрождению этого почти утраченного искусства, нашлись актёры, которые стали осваивать технику прежних *бэнси*, поднимать из архива старые немые фильмы и придавать им речевое сопровождение по своему вкусу.

В настоящее время выпускаются даже DVD с записью старых немых фильмов и с новой звуковой дорожкой. При этом на этой дорожке записывают не «озвучку» реплик актёров и не шум моря или улицы, а речь *бэнси* – наших современников (например, в этой роли выступал Мацуда Сюнсуй II, сын прославленного *бэнси* начала XX века). Сейчас в продаже можно найти немые фильмы знаменитого режиссера Мидзогути Кэндзи в сопровождении современного *бэнси* – одного из учеников Мацуда Сюнсуй, который ездит с гастролями даже по Европе и Америке с демонстрацией немых фильмов со своим речевым сопровождением. Этот жанр, уцелевший до нынешних времён в таком развитом виде, можно сказать, уникален, хотя отдельные проявления этого специфического типа взаимодействия визуального и повествовательного зафиксированы и в российской кинокультуре, и в западном мире. Сошлюсь на статью А.С. Архиповой и С.Ю. Неклюдова «Фольклор на асфальте», где говорится об адаптации кинематографа в России в самом начале XX века [Архипова А.С., Неклюдов С.Ю., 2007, с. 2–3]. Тогда на краткое время появились киноверсии популярных романсов и песен, это так называемые кинопесни в виде коротких сценок – до 15 минут экранного времени, сопровождавшиеся граммофонной записью или прямым исполнением живыми актёрами, гастролеровавшими с этой целью по стране вместе с кинопередвижкой².

Эта тенденция продолжает развиваться не только вглубь, но и вширь – в настоящее время есть профессиональные драматические актёры, которые ради собственного удовольствия и интереса, а также ради сохранения традиционного наследия работают над возрождением жанра и выступают в роли *бэнси* при случающихся время от времени демонстрациях старых немых фильмов. Для знатоков и любителей организуются специальные вечера кинопоказов старого кино с *бэнси* как главным действующим лицом вечера.

Среди таких демонстраций встречаются исполнители разного уровня, есть *бэнси*-профессионалы, сейчас такими признаются двадцать человек. Один из них, Иноуэ Ё.ити, считается последним из учившихся непосредственно у старых *бэнси*. Отличительная примета времени – теперь среди *бэнси* больше исполнителей-женщин, чем мужчин. Обычно *бэнси* готовят свой текст заранее и, глядя то на экран, то в текст, читают его на разные голоса, иногда отвлекаясь от написанного, добавляя эпитеты, реплики и т.п. Кроме того, современный исполнитель подбирает ещё и музыкальный аккомпанемент, подходящий по настроению к данному фильму или данной сцене, только вместо живого ансамбля музыкальных инструментов использует музыкальные записи. Высококласные старые мастера, бывает, не читают по готовому тексту, а импровизируют по ходу фильма, часто обходясь и без музыкального сопровождения, так что их жанр воспроизводится в чистом виде, со всеми оттенками индивидуальности самого *бэнси* и его обаяния в этом качестве.

² Здесь же хочу выразить свою благодарность С.Ю. Неклюдову за внимательное прочтение и советы по содержанию данной статьи.

Как бы то ни было, и в нынешнем исполнении явно сохраняются элементы, не изменившиеся с той поры, когда *бэнси* были королями кинопоказа: это сами очертания жанра и его основные приёмы, сама техника обращения с материалом немого фильма – его индивидуальное истолкование и озвучание, создание диалогов и текста «от автора», сочетание текста (устного или письменного), подготовленного заранее для сопровождения фильма, и импровизации по ходу демонстрации, хотя последнее зависит от способностей и притязаний каждого *бэнси*³.

Жанр *бэнси* трудно определим терминологически, поскольку он находится где-то между кино как новым искусством XX века, с одной стороны, и – с другой – традиционным театром. Он находится где-то между техникой литературного и исторического комментирования, ролью сценариста и драматурга, искусством средневековых рассказчиков *катарибэ*, повествователей *гидаю* в театре Бунраку, их текстовая деятельность характеризуется почти фольклорным варьированием в рамках кинопьесы и кинообраза и включает также многие другие элементы – скажем, даже любительское страноведение (в случае иностранных фильмов) и любительское психологизирование. Как нам представляется, этот жанр представляет собой весьма интересный феномен – своего рода воплощение стратегий культурной адаптации, жанр-посредник между новоизобретённым кинематографом, недавно явившимся с Запада, и традиционными словесными и перформативными видами искусств, привычными и понятными японскому зрителю. Он располагается где-то посередине между литературой и фольклором, поскольку, несмотря на предварительный просмотр материала и разные формы подготовки к выступлению (у некоторых современных *бэнси* это отчасти и подготовка письменных материалов), в реальности значение имеет только устное бытование со всеми его особенностями.

«Обменный дневник»

Ещё один оригинальный японский жанр, о котором хочется упомянуть тоже именно из-за его своеобразия, относится к совершенно иной сфере японской культуры Новейшего времени. Эту сферу в отечественной гуманитарной науке принято называть постфольклором. Речь идёт о функционировании текстов в так называемой девичьей культуре, которая может быть обнаружена практически повсеместно. Как пишет об этом понятии С.В. Борисов, «существует преимущественно латентная культура девичьей социализации – “девичья (суб)культура”, – представляющая собой систему ценностей, норм и образцов, устных и рукописных текстов, игровых, эротических, магических и мантических практик и являющаяся важнейшим, ранее не замечавшимся и не изучавшимся каналом гендерной социализации детей и подростков женского пола» [Борисов, URL].

Здесь мы хотим кратко рассказать о специфическом дневниковом жанре «девичьей субкультуры» Японии, который, как и деятельность *бэнси*, стал практически уходящим и, может быть, ушедшим явлением, но при этом, как и современные *бэнси*, этот жанр видоизменился и начал новую жизнь на новейших материальных носителях.

³ Кстати говоря, искусство и техника *бэнси* были затем перенесены из Японии на Тайвань и в Корею, где также просуществовали до 40-х годов.

Жанр этот существовал, по крайней мере, до 90-х годов XX века, а в провинции, может быть, и дольше – в «девочковых» компаниях были популярны так называемые *ко:кан никки*, «обменные дневники». Они имели хождение среди девочек-школьниц средней ступени – то есть начиная лет с 11–12, иногда эта текстовая деятельность продолжалась и до окончания школы. Расцвет этой деятельности пришёлся на докомпьютерную, или раннекомпьютерную эпоху, когда дневники были ещё рукописными. Авторами «обменных дневников» могли стать две девочки-подруги, или, чаще, компания из четырёх–пяти девочек принимала решение вести один общий дневник, что одновременно знаменовало формирование скрытой социальной группы с очень тесными социальными связями. Каждая девочка делала записи в дневнике в течение, например, одного дня, а затем передавала следующей, ещё через день тот же дневник попадал к третьей подруге, нередко дневники передавали друг другу во время школьной перемены и т.д.

Обычно такой дневник принадлежал только этому сообществу, составлял его секретное от других «прошлое» и «историю» и не мог быть вынесен за его рамки. Если какие-то сведения из общего «обменного» дневника просачивались наружу, повинная в этом девочка обвинялась соавторами дневника в предательстве, изгонялась из сообщества дневника и подвергалась остракизму и насмешкам⁴.

Такой дневник функционировал иначе, чем, например, альбом, принятый в девической субкультуре в России. В российской традиции альбом имеет целью прежде всего диалог двоих, пусть даже открытый другими читателям дневника, то есть по мере роста записей альбом становится средством коммуникации между его владелицей и каждым из пишущих [Чеканова, URL]. Таким образом, несмотря на множество участников и возможность переключек, российский альбом является, по преимуществу, совокупностью диалогов и имеет центробежную структуру. В японском случае текст «обменного дневника» становится способом культурной коммуникации внутри группы, по преимуществу полилогичен и состоит из множества перекрёстных связей.

Культурантрополог в этом явлении усмотрит, вероятно, самые разные аспекты механизмов социализации и гендерной инкультурации. Нас же здесь интересует риторико-инструментальная сторона жанра.

Известно, что дневниковый жанр как литературная традиция в Японии восходит ещё к эпохе Хэйан и весьма популярен не только в литературных кругах, но и среди обычных людей. Можно предположить, что в современном жанре «обменных дневников» помимо дневниковой традиции могло сыграть роль ещё одно довольно старинное социолитературное обыкновение в придворной среде – коллективное составление *рэнга*, цепочек стихотворных экспромтов, когда каждый участник по определённым правилам складывает на месте и предлагает свою часть пятистишия танка с целью создания общего длинного стихотворения на некоторую тему. Эта традиция предполагала устное перформативное исполнение (участники при этом, разумеется, обычно готовились заранее, используя письменные материалы), и при составлении *рэнга*, как и в девическом общем дневнике, дух состязательности или диалога оказывался не главным

⁴ Хочу поблагодарить за предоставленные сведения Касимото Манами, согласившуюся выступить моим информантом.

фактором, на первый план выходила именно групповая сторона этой деятельности, согласованность и полилогизм.

Предполагается, что обычай общих дневников зарождается в самом начале XX века. Наиболее раннее документальное упоминание о таких дневниках связано с культурой, не вполне «девической»: это был общий дневник двух юношей, их связывали нетрадиционные отношения, и один из них вскоре стал популярным японским литератором. В документально-биографической повести «Неразлучные. Кикүти Кан и Сасаки Мосаку» [Мацумото, 1982] Мацумото Сэйтё пишет о таком «общем дневнике», объединявшем будущего писателя Кикүти Кан и Сибуя Акира, его младшего сотоварища по школе (Городская гимназия г. Такамацу, преф. Кагава). Упоминания об «обменных дневниках» в сугубо «девичьей культуре» встречаются затем в 30-е годы, новый расцвет приходится на послевоенные 50-е и своего пика популярность «обменных дневников» достигает в 90-е. Тогда фабрики канцтоваров даже налаживают выпуск специальных тетрадей, предназначенных для ведения «обменных дневников». Теперь это уже не просто средство социализации девочек, в новой традиции общих дневников такие обмены записями могли затеять даже мальчик и девочка, что обычно означало вступление в первую фазу романтических отношений.

У общих дневников была и своя негативная сторона – одно время среди педагогов считалось, что они способствуют изоляции группы от остальных учеников класса, кроме того, дневник часто использовался участниками для того, чтобы писать друг другу жалобы на родителей, там встречались грубые выражения (таким образом девочки осваивали запретную лексику и мир, который ею описывался), резкая критика школы и учителей. Многие родители в 90-е годы бывали обеспокоены, если случайно узнавали, что их ребенок участвует в такой группе, для них это означало, что он в чем-то неблагополучен. Некоторые учителя прямо запрещали школьникам ведение таких дневников⁵.

Тем не менее, в конце 90-х – начале 00-х годов «обменные дневники» делаются настолько расхожим жанром, что возвращаются в искусство и выступают как сюжетообразующий фактор в японских *анимэ* и *манга* («Адзуки-тян», «Девочка и последнее на земле оружие»).

В последнее время и кино обращается к жанру «обменного дневника». В вышедшем в 2013 г. фильме «Бокүтати-но ко:кан никки» («Наш мужской “обменный дневник”») рассказывается о том, как двое молодых людей, когда-то вместе занимавшихся плаванием в школьном кружке (без упоминания школы сюжет об «обменных дневниках» все-таки, видимо, обойтись не может), став взрослыми, образуют дуэт комедийных рассказчиков, артистов эстрадного жанра и пытаются сделать себе имя в артистическом мире. Оказавшись перед своим 30-летним рубежом, они с разочарованием обнаруживают, что до успеха им всё ещё далеко. Вскоре дуэт распадается. Тогда один из них предлагает начать вести «обменный дневник», второй нехотя подчиняется, с помощью дневника они постепенно достигают нового уровня понимания друг друга, трещина в отношениях затягивается, и они готовы вернуться к своей любимой деятельности и снова бороться за своё актёрское будущее.

⁵ Хочу поблагодарить Касимото Манами, согласившуюся быть моим информантом по этому вопросу.

Таким образом, можно видеть, что дневник как особый жанр и вообще «дневниковость» как характерное свойство японской литературы проходят через всю историю японской словесности. При этом воспроизводится ещё одна характерная черта японской литературной деятельности – её коллективность, как, например, при сочинении стихотворных цепочек *рэнга*. «Обменный дневник» – специфическая разновидность этих жанров в Новое время, а в компьютерную эпоху он превращается в особую форму закрытого «обменно-дневникового блога», пароль к которому имеют несколько человек, связанных дружескими отношениями.

Другими словами, японская «дневниковость», срачиваясь с японским духом коллективного творчества, становится такой формой риторики, которая ощущается японской культурой как естественная и многофункциональная стратегия, открывающая возможности как для индивидуального творчества, так и для достижения новых уровней социализации, совместности и духовно-психологического роста.

Обращения к синтоистским богам

Ещё один, третий, может быть, ещё более экзотический жанр, о котором мы хотим рассказать, имеет в современной Японии повсеместное распространение, хотя и в довольно специфической сфере, и при этом уходит корнями в несомненную древность. Эта группа произведений редко становится объектом изучения как жанр словесности. К тому же самые новые и сиюминутные образцы этого жанра, как правило, оказываются практически недоступны исследователям в силу специфики среды их функционирования.

Речь идет о текстах, в наше время провозглашаемых священниками во всех синтоистских храмах и восходящих к раннесредневековым прототекстам. Это так называемые *норито*, обращения к божествам *ками*, и впервые эти норито были собраны в 921 г. в Уложении законов «Энги-сики» как тексты, провозглашаемые в придворных ритуалах, которые затем воспроизводились в разных святилищах страны (при этом самое древнее из обращений к богам этого жанра, как считается, помещено в мифологическом своде «Записи древних деяний», «Кодзики»).

Первый исследователь норито X века, выдающийся отечественный востоковед Н.А. Невский, писал о них: «По своему языку и стилю норито занимают среднее место между поэзией и прозой и скорее должны быть отнесены к первой, чем ко второй. Здесь мы видим массу риторических украшений, метафор, параллелизмов, повторов и других приёмов, рассчитанных на то, чтобы усилить впечатление и придать молитвословиям возвышенный характер» [Невский, 1935, с. 18].

Другие исследователи прошлого также высказывались относительно того, к каким европейским жанровым формам близки эти старые норито: так, К. Флоренцу эти тексты напоминали католические проповеди (хотя, пожалуй, в них нет ничего проповеднического, этического, поучительного и т.п., так что речь идёт, быть может, об интонации и манере исполнения), Ф.Г. Бок – псалмы (с этим можно согласиться скорее). Японские же филологи находят в них родство с разными стилями японской поэзии древности, нередко расходясь во мнениях. Ко:ниси Дзинъити полагал, что, за исключением отдельных формул, эти тексты были

намеренно стилизованы под язык VII века: «норито – форма стихопрозы, долженствующая нести благо». Подсчитывая соотношения прозы и поэзии в норито «Благопожелания императорскому дворцу» (понимая под поэзией ритмизованный текст с чередованием силлабических групп в 5 и 7 слогов), Кониси констатирует, что поэзия и проза здесь находятся в пропорции 10:14, то есть ритмизованные фрагменты занимают примерно две пятых текста [Кониси, 1985, с. 301].

Нынешние норито, молитвословия, обращенные к богам, провозглашаемые в синтоистских святилищах, делятся на две группы: первая – тексты, повторяемые в определённых ритуалах по временам года во всех святилищах страны практически без изменений, и вторая – ритуальные тексты по случаю или по заказу верующего, – эти последние каждый раз составляются священником заново.

Во времена Средневековья, как свидетельствуют документы, тоже бывало, что ритуал проводился по случаю – например, при открытии нового порта и т.п., но, скорее всего, не по частным заказам, последнее – примета Нового времени.

Как правило, нынешние синтоистские священнослужители заранее готовят текст по конкретному случаю в письменном варианте, при этом священник следует в самом общем виде тем риторическим правилам, которые были характерны для собрания в кодексе «Энги-сики» тысячелетней давности – самого древнего и тем самым наиболее авторитетного собрания норито.

Кроме того, существуют современные пособия по составлению норито, они служат учебниками для будущих синтоистских священнослужителей, обучающихся в университете Ко:гаккан дайгаку. Университет был основан в 1882 г. принцем Куни-но мия Асахико в исследовательских целях, а также ради утверждения и распространения религиозных воззрений, именуемых Синто – «путь богов». В сущности, нынешний синтоизм, хотя и восходит к различным культам и верованиям двухтысячелетней давности, оформлялся институционально и идеологически, главным образом, с конца XIX века, когда Япония вступила в эпоху Мэйдзи и стала страной, открытой для внешнего мира. С тех пор синтоизм прошёл несколько этапов развития и изменений, связанных и с историческими обстоятельствами, и с влияниями других конфессий.

Существующие и закреплённые в специальных учебниках образцы норито, хотя и задают некоторые канонические рамки, но не копируются буквально; при составлении норито по конкретному случаю священник отражает в нём собственные понятия и литературные вкусы, цитируя по собственному выбору сюжеты из мифологических сводов, пятистишия танка из «Манъё:сю:» и т.п. Сочиняя норито по заказу и по случаю, священник может апеллировать к поверьям или фольклору данной местности, кроме того, в зависимости от местонахождения святилища, нередко возникает необходимость составлять текст на местном диалекте, чтобы быть понятным слушателям – членам общины, приписанным к данному святилищу. Отсюда – обильное варьирование и значительное разнообразие текстов норито в разных частях страны, и это разнообразие обусловлено не только различиями функциональных задач, определяемых потребностями и особенностями заказчика, но и личностью священнослужителя, его индивидуальным жизненным опытом, литературными познаниями, вкусом и характером его непосредственного учителя, от которого он перенимал навыки составления норито, и многим другим.

Поводами для составления норито по случаю в настоящее время может быть, например, свадьба по синтоистскому обряду, обряд «усмирения земли» перед строительством нового дома, обряд установки плиты с датой начала работ при строительстве здания, обряд установки конькового бруса при строительстве дома, обряд завершения работы по перестройке здания, обряд синтоистских похорон (был учреждён в 1860-е годы, в рамках реформ периода Мэйдзи), поминальный обряд, проводимый в течение 50 лет после смерти человека каждые 10 лет, обряд первого посещения святилища новорожденным, посещение святилища детьми, которым исполнилось 3, 5 и 7 лет, обряд совершеннолетия и многое другое [Мицухаси, 1993, с. 74–75].

Ещё во времена Средневековья риторика норито состояла из двух основных разнонаправленных стратегий – передача людям слов божеств и обращение к богам от имени людей. Однако, по мнению, например, Мицухаси Такэси, современного синтоистского теолога, в Новое время норито полностью превратились в обращения к богам, чаще всего выражающие просьбу или благодарность им, и тем самым приобрели более частный характер, а прежние разновидности норито, воспроизводившие слова богов и адресованные от их имени общине или всему народу, вышли из употребления, что свидетельствует, с его точки зрения, об упадке этой сферы и этого вида ритуальных текстов [Мицухаси, 1993, с. 75–76].

В самом деле, «норито о Великом очищении в последний день месяца минадзуки», согласно кодексу «Энги-сики» X века, возглашалось главным жрецом в храмах Исэ и содержало изложение мифологической истории со вставками повелений богов. В противоположность этому современная разновидность ритуала – «очищение рода Накатоми» – может быть проведена где угодно и когда угодно, и ранг священнослужителя при этом не оговаривается, а содержание представляет собой обращение людей к богам, обращение же богов к людям опущено, отсутствует и конкретное перечисление «прегрешений небесных, прегрешений земных», важной части прежних норито. Однако эта часть уже никак не соответствовала новым реалиям и этике (в самом деле, анахронизмом прозвучали бы в наше время такие прегрешения, как «повторный посев, вбивание кольев, сдирание заживо шкур, сдирание шкур сзади к переду, разрезы кожи на живом, разрезы кожи на мёртвом, беда от насекомого ползающего»)...

Из этого явствует, что синто, именно в период Мэйдзи получив статус самостоятельного религиозного института, структуру, имущество и регламент деятельности, сразу стало формировать и содержание норито, отвечающих Новому времени.

Разнообразные пособия по составлению норито, словари употребляемых в норито слов и выражений, адресованные будущим священнослужителям, начали издаваться ещё в период Мэйдзи, они переиздаются до сих пор, а также складываются новые. И молодые синтоистские священники, составляя норито по какому-либо случаю, широко пользуются ими. Однако даже среди этой группы религиозных специалистов характерно убеждение, что такой компилятивный способ недостаточен и даже, в сущности, неверен. Так, один из молодых священников синто пишет: «Когда надо сложить норито, многие обычно подбирают из сборников с образцами норито те слова и выражения, которые более всего подходят к данному случаю, а потом соединяют их в целое (честно говоря, я и сам так поступаю), но на самом деле лучше начинать с чистого листа и выражать собственные чувства собственными словами, и пусть порой выражения будут не самыми удачными, во мне сильно ощущение, что такие слова норито,

содержащие *котодама* (магическую «душу слова»), дойдут до богов вернее. Так изначально слагались и прежние норито, поэтому мы, служащие при святилище, должны не покладая рук постоянно упражняться в сочинении норито, чтобы быть готовыми в любой день и час создать норито, подходящее к предлагаемым обстоятельствам» [Нисино-дзиндзя, 2012, URL].

Помимо идеи о том, что норито всякий раз надо создавать самому и заново, из этой цитаты (впрочем, не только из неё) следует ещё один важный вывод: пособия и словари для составления норито, преследуя практическую цель обучения молодого корпуса священнослужителей, служат второй, побочной цели – они поддерживают и воспроизводят старый японский язык, с его лексикой и фразеологией, звучащий ныне возвышенно-поэтически, хотя и во многом непонятно обычному посетителю храма (что, естественно, лишь повышает сакральность и поэтичность норито).

Очевидно также, что в современных норито старояпонский язык функционирует как языковая система, способная служить целям генерации новых авторских текстов и даже порождающая новые лексемы.

Чувствуя себя носителями старых традиций обращения с текстом, синтоистские священнослужители, особенно люди старшего поколения, говорили автору данной статьи, что, сочиняя норито, нельзя пользоваться компьютером, а надо писать только кистью и тушью, некоторые рассказывали, что даже во время регулярных храмовых праздников, даже при большом скоплении народа они не пользуются микрофоном или любой другой звукоусилительной аппаратурой – чтобы из слов и фразеологизмов, составляющих норито, не улетучилась *котодама*. По-видимому, всякого рода современная техника в ритуале ощущается как чужеродное нововведение, то есть явление, которого не существовало во времена предков, а, стало быть, оно не способно служить древним прецедентом.

Правда, священнослужитель, не использующий технику, тоже не гарантирован от утраты *котодама*: как рассказывают некоторые из них, произнося написанный текст, нельзя допустить ошибку или оговорку, а потом тут же исправить их в своей речи, – это также способно повредить *котодама*. Поскольку норито состоит из одних только благих слов, любые искажения непозволительны. Исполнение норито, по свидетельствам священнослужителей, требует полной погружённости и отвлечения от происходящего и присутствующих.

Ещё одна интересная особенность норито: японская речь, устная и письменная, на протяжении последних полутора тысяч лет была насыщена китаизмами (*канго*) много больше, чем нынешний русский язык латинскими и греческими корнями или церковнославянизмами. Тексты же норито и раньше, и теперь состояются почти без этих естественных для японского языка китаизмов, из одних только «Ямато котоба», слов Ямато, то есть лексики древнеяпонского поэтического языка. Корпус этой лексики формируется 1) из поэтических слов (*ута котоба*), т.е. слов, заимствованных из поэзии пятистиший, 2) из старинных норито из кодекса «Энгисики» (начало X века), 3) из свода *сэммё*: – указов раннесредневековых императоров и 4) разного рода паремий (*котовадза* и т.п.), и всем этим четырём категориям слов приписывается способность содержать «душу слова».

Иногда по этим образцам конструируются новые слова. Можно сказать, в какой-то мере сбылась мечта Мотоори Норинага, японского филолога и философа-почвенника XVIII века,

изгонявшего китаизмы из традиции чтения древних текстов и, по возможности, превращавшего все китайские «галоши» в японские «мокроступы». Сейчас тоже делаются такие попытки, хотя ещё в 1898 г. в издании «Синсёку хо:кан» («Драгоценное зеркало для священнослужителей синто»)⁶, своего рода энциклопедии и своде предписаний для служителей и священников, звучали призывы к языковой естественности. Там высказывались предостережения против попыток перевести новые реалии на искусственно изобретаемый старый язык: например, критиковалась манера называть «поезд» не устоявшимся китаизмом *дэнся* («электрическая повозка»), а искусственно сконструированным выражением из японских по происхождению корней, которое можно перевести как «молниеносная повозка» (*инадзума-но курума*).

Ещё более инородно звучат в таких, можно сказать, археофильских текстах суперсовременные названия японских фирм, содержащие не только китаизмы *канго*, но и во множестве случаев слова, записанные слоговой азбукой катакана, то есть заимствования из западных языков. В текст *норито*, отшлифованный на старинный лад, такие названия фирм вносят дисгармонию и приводят к падению стиля, на что жаловались автору статьи многие синтоистские священнослужители. Но даже в упоминавшемся выше университете Ко:гаккан дайгаку, где сравнительно недавно была учреждена кафедра теории коммуникаций (*Комюникэсён гакка*), в *норито*-благопожелании новому образованию оказалось невозможным обойти латинское слово «коммуникация» и заменить его на старояпонское, пусть даже придуманное.

Интересно, что в некоторых сборниках *норито*, например, «Общий очерк *норито*» [*Норито гайсэцу*, 1987, с. 153], приводятся *норито*, составленные разговорным языком или даже приспособленные к пониманию детской аудиторией – как, скажем, *норито* по случаю начала строительства учебного класса в детском саду. Текст его составлен таким образом, чтобы его поняли дети, которые являлись большинством аудитории этого *норито* и от имени которых возглашался текст. Приведём отрывок: «Мы встречаем великое божество храма Хатимангу в квартале N, которое каждый день нас оберегает и находится в храме на самом верху каменной лестницы, а также Великое божество – Хозяина той земли, на которой мы находимся, поскольку вселились они в дерево *сакаки* – замечательное временное святилище, и подносим им рисовые колобки и рисовое вино, и просим, чтобы они приняли дары всех-всех детей, собравшихся в детском саду NN, и чтобы всегда присматривали за нами своими глазами, которые могут увидеть всё и везде <...> Начиная строить учебную комнату, просим, чтобы те, кто на этой стройке работает, обошлись без ранений и болезней, чтобы и крыша, и столбы, и окна учебной комнаты были построены красиво и как можно быстрее, и чтобы те, кто будет здесь учиться, и сердцем, и телом были светлы и прямы, были здоровыми и крепкими, и все были бы добрыми товарищами. Чтобы, как этот прекрасный детский сад, достойный двора-сада при святилище богов, и мы росли бы, получая одобрение людей, чтобы стали хорошими прихожанами святилища Хатимангу. В том мы даём обещание перед великими богами, и все, за руки взявшись, святилища посещение совершаем».

⁶ В этом своде регламентируются архитектура святилища, одежда и утварь служителей, все праздники и ритуалы, ежедневный распорядок жизни и, разумеется, *норито*.

Текст в самом деле написан современными словами, хотя грамматически и синтаксически воспроизводит усложненную структуру старинных норито «Энги-сики». Если сравнивать этот текст, например, с норито «Благопожелание великому дворцу» или «Праздник священных врат» [Норито, Сэммё, 1991, с. 107–110], записанными в X веке, то мы увидим, что многие смысловые и композиционные ходы обнаруживают несомненное сходство, но они упрощены, сокращены.

Однако большинство синтоистских теологов, вполне сочувствуя целям автора этого «детского» норито, всё же указывают, что такой стиль неадекватен, поскольку это норито лишено специфических приёмов и выражений, характерных для этого жанра, а именно они обеспечивают связь каждого новосоставляемого норито с предшествующими вплоть до самых древних. А самое главное, «душа слова» живёт именно во всех этих специфических архаических выражениях, которые ради понимания детьми составители «детского норито» исключили из текста, а значит, в этом норито котодама не нашла себе места.

Мотодзава Масафуми, учёный и синтоистский священнослужитель, возражая против разговорного стиля, в той части своего исследования норито, которая касается современности, приводит в пример ритуал Великого очищения, участником и свидетелем которого он был за границей. Он описывает ритуал на Гавайских островах в синтоистском храме, прихожане которого (в мире синто прихожане именуются *удзико* – «дети рода») – американцы японского происхождения, причём во втором и даже в третьем поколении; их родной язык английский, японским они владеют в очень малой степени. Тем не менее, во время церемонии они слушают по-японски норито в старинном стиле (текст его повторяется из года в год), более того, по ходу ритуала все присутствующие начинают произносить это норито вместе с жрецом, что в Японии совершенно не принято и немыслимо [Мотодзава, 2006, с. 146–147]. В Японии обычный человек, не являющийся священнослужителем, никогда сам не произносит норито, ни в синтоистском святилище дзиндзя, ни перед так называемой *камидана* / *кандана* – домашним синтоистским алтарём, деревянной полкой с ветками священного дерева *сакаки* в маленьких сосудах и приношениями в виде воды и риса. Если говорить о том, как с этим обстоит дело в буддийской традиции, то, надо сказать, что в Японии большинство семей относятся к той или иной буддийской школе, и во многих семьях придерживаются обычая ежевечернего возглашения сутры перед домашним буддийским алтарём. Когда же для возглашения сутры приглашается буддийский настоятель, домашние часто тихо проговаривают сутры вместе с ним, то же самое происходит и в буддийском храме. Однако на синтоистские норито этот обычай не распространяется и влияния не оказывает, обычно люди не знают слов норито и не подпевают им, так что в гавайском случае можно предположить, что на синтоистский ритуал оказали влияние местные протестантские обыкновения.

Упомянутый выше Мотодзава Масафуми приводит интересные соображения – с его точки зрения, сам процесс составления текста норито уже является процессом взаимодействия с божествами *ками*. Как он формулирует, норито – это выражение синтоистских верований в языке [Мотодзава, 2006, с. 145]. И тот же Мотодзава пишет, что чтение норито только глазами, молча, «про себя» не имеет никакого смысла, поскольку для активизации *котодама*, «души слова», необходимо произнесение вслух, т.е. настаивает на магической роли голоса, уходящей корнями в глубокую архаику [Мотодзава, 2006, с. 148]. Другими словами, с точки зрения этого

автора, а его труды весьма авторитетны в мире синто, сочиняемое норито можно записывать и можно его декламировать (определённым квазимузыкальным образом), однако его нельзя и бессмысленно читать глазами.

Аоки Тамоцу, известный японский искусствовед, этнограф и антрополог, объясняет приверженность норито старому языку, исходя из функции в ритуале разного рода глоссолалий: «Трудно определённо сказать, чем являются слова в ритуале – будь то буддийские сутры или японские синтоистские норито – действительно ли это слова или просто звуки. Они находятся поверх этой границы между словом и звуком. В нашей повседневной жизни, услышав их, мы не понимаем их смысла. Однако в ритуале, именно потому, что смысл не понятен, как раз и рождаются чрезвычайно глубокие смыслы» [Аоки, 1981, с. 176].

Эта мысль кажется очевидной для филолога или антрополога, однако синтоистские священнослужители и теологи вряд ли согласятся с ней, потому что для них норито, которые они сочиняют и произносят, и их опорные слова и фразеологизмы как раз исполнены концентрированного смысла и сами по себе являются вместилищем мистической силы и каналом связи с божествами.

Таким образом, в современных норито происходит специфическое соединение традиций, восходящих к японской и отчасти китайской древности и современных реалий; в них сочетаются моральные установления, которые были приняты в так называемой традиционной Японии, с новыми и вестернизированными понятиями; происходит смешение регламента старых ритуалов, описанных ещё в кодексах древности, со следами влияния буддийских и даже христианских обрядовых обыкновений; архаическая лексика и синтаксис перемежаются неологизмами и т.д.

Таковы основные, на наш взгляд, черты этого современного, повседневного, и в тоже время архаического и экзотического жанра; анализом такого рода текстов японоведение, кажется, ещё не занималось, и выше мы имели в виду наметить лишь контур общих представлений об этом жанре и возможные направления его исследования.

Библиографический список

1. Аоки Тамоцу. Нитидзё:-но киго:, гирэй-но киго: : [Семиотика повседневности, семиотика ритуала] // Токигатару киго:рон : [Семиотика проповедничества]. Токио: Нихон Буританика, 1981.
2. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор на асфальте // Живая старина. 2007. №3.
3. Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70–90-х гг. XX в. Автореферат дисс. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov8.htm> (дата обращения: 12.05.2018).
4. Кониси Дзинъити. Нихон бунгэй си : [История японской словесности]. Т. I. Токио: Коданся, 1985.
5. Мацумото Сэйтё:. Кикуту Кан то Сасаки Мосаку : [Неразлучные: Кикуту Кан и Сасаки Мосаку]. Токио: Бунгэй сундзю, 1982. 195 с.

6. *Мицухаси Такэси*. Норито // Синто. Нихон-но миндзоку сю:кё: : [Синто. Национальная религия Японии] / сост. Сонода Минору. Токио, 1993.
7. *Мотодзава Масафуми*. Норито-но кэнкю: : [Исследование норито]. Токио: О:бундо:, 2006.
8. *Невский Н.А.* Культовая поэзия древней Японии // Сборник «Восток». Литература Китая и Японии. М.–Л.: Academia, 1935.
9. Нисино-дзиндзя сямү никки : [Записи послушника при святилище Нисино-дзиндзя], март, URL: <http://d.hatena.ne.jp/nisinojinnjya/20120302> (дата обращения: 12.05.2018).
10. Нихон бунгаку-ни окэру дзянру-но ко:саку: кё:до: кэнкю: : [Коллективное исследование о пересечениях жанров в японской литературе]. Кё:рицу дзёси дайгаку бунгаку гэйдзюцу кэнкю:сё., v.25, 2007. 233 с.
11. Норито гайсёцу : [Общий обзор норито] / под ред. Нисимура Такао. Токио: Кокусё канко:кай, 1987.
12. Норито. Сэммё. Пер., иссл. и комм. Л.М. Ермаковой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, сер. Памятники письменности Востока. ХСVII, 1991.
13. *Чеканова А.В.* Современный девичий альбом: проблемы бытования. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_chekanova1.htm (дата обращения: 12.05.2018).
14. Эйга ва «кику моно» : [Кинофильм – это «то, что слушают»]. Иомиури симбун. 24.12.2013.
15. *Grinberg, L.* The Arrival of Cinema in Japan. – The Benshi – Japanese Silent Film Narrators. Tokyo: Urban Connections, 2001.

References

1. Aoki, Tamotsu. (1981). Nichijo:-no Kigo:, Girei-no Kigo: [The Semiotics of Everyday Life, the Semiotics of Ritual]. – Tokigatari Kigo:ron [The Semiotics of Preaching]. Ed. by Yamaguchi Masao. Tokyo: Nihon Buritanika.
2. Arhipova, A.P., Neklyudov, S.Yu. (2007). Fol'klor Na Asfal'te. [The Folklore on the Asphalt]. *Zhivaya Starina*, №3.
3. Borisov, P.B. Subkul'tura Devichestva: Rossiyskaya Provintsiya 70-90-h gg. XX v. [The Girls' Subculture: Russian Provincial Life in 1970-1990]. Abstract of Doctoral Thesis. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov8.htm> (accessed: 12.05.2018).
4. Konishi, Jin'ichi. (1985). Nihon Bungeishi [History of the Japanese Literary Art]. T.I. Tokyo: Ko:dansha.
5. Matsumoto, Seicho:. (1982). Keiei – Kikuti Kan to Sasaki Mosaku [Unseparable: Kikuti Kan and Sasaki Mosaku]. Tokyo: Bungei Shunju:.
6. Mitsuhashi, Takeshi. (1993). Norito. // Shinto – Nihon-no Mindzoku Shu:kyo: [Norito. //Shinto: National Religion of Japan]. Ed. by Sonoda Minoru. Tokyo.
7. Motozava, Masafumi. (2006). Norito-no Kenkyu: [Norito Studies]. Tokyo: O:bundo:.

8. Nevskiy, N.A. (1935). Kul'tovaja Poeziya Drevnej Japonii [The Cult Poetry of the Archaic Japan] // «Vostok». Literatura Kitaya i Japonii [The East. The Literature of China and Japan]. Moscow-Leningrad: Academia.
9. Nishino-jinja shamu nikki. (2012). [Records of a Lay Brother, office of the Nishino-jinja shrine], March. URL: <http://d.hatena.ne.jp/nishinoinnija/20120302> (accessed: 12.05.2018)
10. Nihon bungaku-ni okeru janru-no ko:saku: kyo:do: kenkyu:. (2007). [Joint Investigations on Intersections of Genres in Japanese Literature]. Kyo:ritsu joshi daigaku bungaku geijutsu kenkyu:sho, v.25.
11. Norito gaisetsu. (1987). [Norito – General Outlook]. Ed. by Nishimura Takao. Tokyo: Kokusho kanko:kai.
12. Norito. Semmyo:. (1991). Transl. into Russian, study and comm. by L.M. Ermakova. – Moscow: Nauka. The Main Redaction if the Oriental Literature. Monuments of The Oriental Classics ser., XCVII.
13. Chekanova, A.V. (2013). Sovremennyy Devichij Al'bom: Problemy Bytovaniya [Girls' Albums Nowadays and the Problems of its Functioning], URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/l04_chekanova1.htm (accessed: 12.05.2018)
14. Eiga wa «Kiku Mono» [Cinema is Something to Listen], *Yomiuri Shimbun*, 24.12.2013.
15. Grinberg, L. (2001). The Arrival of Cinema in Japan. – The Benshi – Japanese Silent Film Narrators. Tokyo: Urban Connections.

Поступила в редакцию 28.05.2018

Received 28.05.2018

Научная жизньAcademic Events

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10014

О Международной конференции, посвящённой 150-летию революции Мэйдзи в Японии

А.Ю. Борькина

Аннотация. Краткий отчёт о прошедшей на Восточном факультете СПбГУ 2–3 марта 2018 г. международной научной конференции, организованной кафедрой японоведения СПбГУ и посвящённой 150-летию революции Мэйдзи в Японии.

Ключевые слова: революция Мэйдзи, международная конференция, Восточный факультет СПбГУ, кафедра японоведения СПбГУ.

Автор: Борькина Анастасия Юрьевна, аспирант Восточного факультета СПбГУ. E-mail: an_borkina@mail.ru

On the International Conference, Dedicated to the 150th Anniversary of the Meiji Revolution in Japan

A.Yu. Borkina

Abstract. The paper is a brief report on the International Scientific Conference, organised by the Department of Japanology of Saint Petersburg State University. It was held on the Faculty of Asian and African studies of Saint Petersburg State University on March 2 and 3, 2018 and was dedicated to the 150th anniversary of the Meiji Revolution in Japan.

Keywords: Meiji Revolution, International Conference, Faculty of Asian and African studies of Saint Petersburg State University, Department of Japanology of Saint Petersburg State University.

Author: Borkina Anastasia Yu., PhD student, Faculty of Asian and African studies, Saint Petersburg State University. E-mail: an_borkina@mail.ru

2 и 3 марта 2018 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла организованная кафедрой японоведения Восточного факультета Международная научная конференция, посвящённая 150-летию революции Мэйдзи в Японии. Мероприятие вызвало большой интерес как у отечественных, так и у зарубежных исследователей – в оргкомитет поступило девяносто две заявки на участие в конференции. Исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Владивостока, Казани, Токио, Киото, Осака, Саппоро,

Рима, Софии, Белграда, Астаны активно приняли участие в работе конференции. Столь широкий спектр участников обеспечил уникальную возможность плодотворной дискуссии вокруг *Мэйдзи исин* – несомненно, одного из наиболее значительных и спорных явлений в японской истории, позволил учесть многочисленные мнения японоведов из различных учебных заведений и стран, а также упрочить научное сотрудничество между ними.

Конференция началась с пленарного заседания 2 марта. Первым свой доклад прочитал председатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой японоведения СПбГУ **А.В. Филиппов**. В своём выступлении он коснулся таких важных тем, как, например, вопрос о терминологии понятия *Мэйдзи исин*, и призвал участников к критическому осмыслению и широте суждений, к выработке нового взгляда на изучаемую проблематику (взгляда, при этом учитывающего и достижения исследователей предшествующих поколений). Следующим с докладом о трансформации японской исторической традиции новейшего времени выступил заведующий кафедрой японоведения МГИМО **Д.В. Стрельцов**. Говоря о таких особенностях *Мэйдзи исин*, как большое влияние фактора внешней угрозы и традиционной ценностной базы преобразований, Д.В. Стрельцов связал реформаторскую традицию *Мэйдзи исин* и с демократическими реформами в Японии послевоенного периода, и с трансформационными процессами в современной Японии, всё ещё продолжающей «поиски оптимальной модели общественного развития». Наконец, в завершение пленарного заседания коллеги из Белградского университета представили вниманию присутствующих новый учебник по японской иероглифике, в основу которого положена ассоциативная методика запоминания знаков *кандзи*.

Затем работа конференции продолжилась по семи тематическим секциям: «Япония, открытая миру: 150 лет активной внешней политики», «Литература Японии сквозь призму Мэйдзи исин», «Трансформация японского общества и динамика политических процессов. От Мэйдзи исин до наших дней», «Россия и Япония», «Корни Мэйдзи исин и исторические реалии мэйдзийской Японии», «Японский язык», «Преобразования Мэйдзи и их место в японской культуре, быте, образовании». В ходе двух дней заседаний были прочитаны многочисленные доклады по самым разнообразным тематикам, как напрямую связанным с событиями революции Мэйдзи, так и рассматривающим её корни и последствия.

Участники секции «Япония, открытая миру: 150 лет активной внешней политики» обратили внимание на такие значимые аспекты, как, например, взаимоотношения Японии с ближайшими соседями по дальневосточному региону на современном этапе и в исторической ретроспективе; вопросы японо-индийских отношений; исторические корни японо-турецких связей; особенности подходов современных японских учёных к анализу внешнеполитического курса Японии.

В рамках секции «Литература Японии сквозь призму Мэйдзи исин» был освещён спектр вопросов, связанных как с классической, так и с современной литературой Японии, при этом большое внимание было уделено именно периоду Мэйдзи как важному переходному этапу в развитии японской литературы.

Секция «Трансформация японского общества и динамика политических процессов. От Мэйдзи исин до наших дней» объединила комплекс докладов социально-экономической

направленности, авторы которых попытались проследить зарождение в эпоху Мэйдзи ряда общественных тенденций, сохранивших своё значение и по сей день. Сфера их интересов оказалась весьма широкой – от телеграфа в эпоху Мэйдзи до особенностей формирования банковской системы Японии в конце XIX в., от промышленных выставок Киото в 1871–1895 гг. до современной демографической политики в Японии. При этом актуальность тем, затронутых участниками, не вызывает сомнения.

Большое внимание докладчиков и слушателей, несомненно, привлекла традиционная секция «Россия и Япония». Участники секции уделили время рассмотрению и анализу важных событий в рамках взаимоотношений России и Японии как в период Мэйдзи, так и в другие исторические эпохи. Ряд докладов был посвящён роли определённых исторических личностей в развитии этих взаимоотношений, так, например, внимание нескольких докладчиков было сконцентрировано на фигуре Ито Хиробуми.

В секции «Корни Мэйдзи исин и исторические реалии мэйдзийской Японии» докладчики, прежде всего, сфокусировались на описании и интерпретации исторических источников, на основании которых им удалось сделать важные выводы об истоках и тенденциях Мэйдзи исин.

Докладчики секции «Японский язык» говорили о важнейших процессах трансформации японского языка в период Мэйдзи, а также об актуальном состоянии современного японского языка в различных его аспектах.

Наконец, в секции «Преобразования Мэйдзи и их место в японской культуре, быте, образовании» прозвучали разнообразные доклады по проблемам роли преобразований эпохи Мэйдзи в развитии японской культуры и образования, а также в повседневной жизни японского народа. В рамках данной секции прошли интереснейшие выступления по целому ряду тематик: чайной церемонии, садово-парковому искусству, музыке, культуре питания и другим.

Доклады участников стали основой для коллективной монографии «Япония: 150 лет революции Мэйдзи»¹, опубликованной к началу конференции. Монография объединила статьи как очно выступавших на конференции докладчиков, так и тех коллег, отечественных и зарубежных, которые в силу определённых обстоятельств не смогли приехать на конференцию, что даёт возможность ознакомиться с весьма широким спектром работ и составить максимально возможное в данных условиях многоплановое представление о подходах исследователей-японоведов к проблемам трансформации японского общества в самых различных его сферах.

Хочется надеяться, что мероприятия подобного характера и масштаба станут более регулярными, поскольку именно такое объединение усилий российских и зарубежных исследователей позволяет в ходе научной дискуссии создать целостную картину рассматриваемого явления, проследить его характерные черты и динамику развития. Эффективность этого подхода и показала прошедшая конференция. Учитывая данный позитивный опыт, а также исправив ряд организационных недочётов, которые неизбежно сопутствуют таким крупным мероприятиям, хотелось бы продолжить традицию

¹ Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных ученых, посвящённые 150-й годовщине революции Мэйдзи [«Issues of Japanology = Вопросы японоведения» №7]. СПб.: Изд-во Art-xpress, 2018. 849 с.

международных японоведческих конференций на базе Восточного факультета СПбГУ. Не стоит недооценивать роль подобных мероприятий и в воспитании молодого поколения будущих японоведов – о ней в первую очередь говорит большой интерес, проявленный к конференции студентами, которые не только активно помогали в организации, но и принимали участие в работе секций конференции в качестве докладчиков.

Поступила в редакцию 30.04.2018

Received 30.04.2018

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10015

О XX ежегодной конференции «История и культура Японии»

Е.Б. Сахарова

Аннотация. 12–14 февраля 2018 г. в Москве прошла XX ежегодная конференция «История и культура Японии»; организаторы конференции: Институт восточных культур и античности РГГУ и Институт классического востока и античности ВШЭ. В конференции приняли участие 50 исследователей из России и Японии. По традиции работа конференции не делилась на секции, так что у участников и гостей была редкая возможность не пропустить ничего интересного и из первых рук узнать результаты последних исследований в самых разных областях японистики.

Ключевые слова: конференция, «История и культура Японии», Институт классического востока и античности, Российский государственный гуманитарный университет.

Автор: Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и филологии Дальнего Востока, Институт восточных культур и античности, Российский государственный гуманитарный университет. E-mail: saharovae@gmail.com

The 20th Annual International Conference «History and Culture of Japan»

E.B. Sakharova

Abstract. The 20th Annual International Conference “History and Culture of Japan” was held in Moscow on February 12–14, at Russian State University for the Humanities and High School of Economics. The conference was organized by the Institute for Oriental and Classical Studies of Russian State University for the Humanities and the Institute for Oriental and Classical Studies of High School of Economics. 50 scholars conducting research in various fields took part in the conference (History, Philology, Arts, Religion, Philosophy etc.).

Keywords: conference, History and Culture of Japan, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities.

Author: Sakharova Evgeniya B., Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History and Philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies of Russian State University for the Humanities. E-mail: saharovae@gmail.com

Ежегодная конференция «История и культура Японии» стартовала 20 лет назад, в мае 1998 г. Тогда она проходила в ИВАНе, было 14 докладчиков, слушателей почти не было. С тех пор расширилось и число, и география участников, по материалам конференций было издано двенадцать сборников (в последние годы сборники выходят ежегодно). Конференция

перестала уместиться сначала в один, а затем и в два дня и превратилась в трёхдневный форум, став ключевым и неотъемлемым событием научной жизни отечественной японистики. Открывая конференцию, профессор **А.Н. Мещеряков**, поделился воспоминаниями о том, как задумывалась конференция, какие трудности преодолела, об этом же он написал во введении к последнему из вышедших сборников по материалам конференции прошлого года.

К сожалению, из-за недофинансирования (в частности, отсутствия средств на командировки) сегодня представители большинства региональных центров японистики не могут участвовать в работе конференции, и в нынешнем году большинство докладчиков представляли Москву и Санкт-Петербург, но были и исследователи из Новосибирска, Владивостока, города Шахты; Япония была представлена городами Токио и Кобэ.

Для удобства изложения все доклады будут – весьма условно – разделены на следующие блоки: История (22 доклада), Современная история (3), Филология (11), Религия и философия (6), Искусство (8).

Значительная часть докладов по *филологии* была посвящена поэтической традиции Японии. **Л.М. Ермакова** (университет Кобэ) в докладе «“Правда” и “вымысел” как стратегии японской традиционной поэзии» затронула очень тонкую и деликатную «рецептуру» поэтического текста, продемонстрировав, что тонко выверенное соотношение подлинного и вымысла создают то поле, где оказывается возможным рождение настоящего поэтического текста. **М.В. Торопыгина** (ИВ РАН, ИВКА РГГУ) – в докладе «Особенности записи японских классических стихотворений: *кайси* и *тандзаку*» – рассказала о правилах письменной фиксации стихотворений, слагавшихся на многочисленных поэтических турнирах и собраниях. Такие правила впервые обсуждаются уже в источниках XII в. И включают указание на типы и формы бумаги, структуру записи; фиксируются и различия, обусловленные гендерной принадлежностью авторов, которыми, впрочем, поэтессы высшего разряда могли пренебречь. **А.С. Оськина** (ВШЭ) в выступлении на тему «История библиотеки поэтического дома Рэйдзэй» рассказала о предыстории раскола поэтического дома Микохидари на три ветви и о перипетиях богатейшей библиотеки, унаследованной сыном знаменитой монахини Абуцу (1222?–1283), Фудзивара-но Тамэсукэ, от отца, Фудзивара-но Тамэиэ (1198–1275). **В.А. Федянина** (МПУ) в докладе «Частная поэтическая антология “Сюгёкусю”: сохранение поэтического наследия Дзиэн» рассказала об антологии «Собрание драгоценных жемчужин», включающей 6000 стихотворений и прозаических отрывков знаменитого тэндайского монаха и поэта Дзиэн (1155–1225). **М.К. Цой** (ИСАА МГУ) в докладе «Благопожелательные символы в оформлении печатной литературы эпохи Эдо» рассмотрела основные благопожелательные элементы, использовавшиеся при издании массовой комической поэзии, отметив, что благопожелания фиксируются в личных подписях, в оформлении обложек, и – самая многочисленная группа – в элементах дизайна.

А.И. Ковалевская (РГГУ) в докладе «Сюжет о добывании чудесного знания в легенде о Ёсицунэ» проанализировала варианты сюжета в «Сказании о Ёсицунэ» (XV в.), а также целом ряде других источников, в которых содержатся легенды о Ёсицунэ. А.И. Ковалевская отметила, что фольклорные варианты сюжета (получение тайного знания от *тэнгу*) со временем усиливаются и развиваются. **Н.Ю. Петренко** (Институт стран Востока) в докладе на тему «Гендерные взаимоотношения в повести “Тэндзи-моногатари”» остановилась на особенностях брачных отношений в эпоху Хэйан на примере знаменитого романа Мурасаки Сикибу. **С.А. Пасивкина** (ИВКА РГГУ) выступила с докладом на тему «Асаи Рёи и его

повесть о зыбком мире», рассмотрев понятие «укиё» на примере «Повести о зыбком мире» (1665). Цитаты из этого произведения, над переводом которого работает С.А. Пасивкина, вызвали самый живой и неподдельный интерес у слушателей, на мгновение перенесшихся из академических будней в преходящий, но манящий мир наслаждений, – несомненная заслуга и Асаи Рёи, и переводчика. **О.К. Наливайко** (ИСАА МГУ) («Концепция правильного питания в эпоху Мэйдзи (на примере романа Гэнсай Мураи “Куи до:раку”»)» рассмотрела переплетение традиционных и заимствованных европейских представлений о здоровом питании в известном в эпоху Мэйдзи романе. **К.Г. Санина** (Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет) в докладе «Истоки и развитие мотива “Пигмалион и Галатея” в творчестве Танидзаки Дзюнъитиро» проанализировала, как заимствованный из европейской и американской литературы сюжет получил в творчестве Танидзаки дальнейшее переосмысление уже в рамках японской литературной традиции. **К.В. Спиридонова** (РАНГиГС) в докладе «Русские переводчики Акутагава Рюноске: стратегии и приёмы» обратилась к анализу русских переводов одного из самых известных на Западе писателей и попыталась проанализировать причины роста и спада интереса к творчеству Акутагава в России.

Из выступлений на *религиозную и философскую тематику* четыре были посвящены православию в Японии. **Н.Ф. Клобукова (Голубинская)** (Московская государственная консерватория) в докладе «Японское православие: лики и облики» рассказала о современном состоянии японской православной церкви, с которым знакома не понаслышке: в 2016–2017 гг. она посетила 52 японских православных прихода. Н.Ф. Клобукова рассказала об особенностях приходской жизни, литургической практики, архитектуры и иконописи. Игумен **Иоанн (Рубин)**, ректор Николо-Угрешской духовной семинарии, рассказал об издательском проекте публикации полного собрания трудов Николая Японского, приуроченном к грядущему в 2020 г. 150-летию основания Русской духовной миссии в Японии и 50-летию канонизации Николая Японского в лике равноапостольного святого. Предполагается издать 10 томов как на русском, так и на японском языках: официальная и частная переписка, речи, проповеди, статьи, различные документы, а также комментированное переиздание дневников. **А.А. Орехов** (Николо-Угрешская духовная семинария) рассказал о роли С.А. Рачинского в истории православного миссионерства в Японии (доклад «С.А. Рачинский в истории Русской духовной миссии в Японии»). **А.А. Черепня** (Николо-Угрешская духовная семинария) выступил с докладом «Архиепископ Владимир (Соколовский) и его преподавательская деятельность в Токио 1879–1886 гг.»

Н.Н. Трубникова («Вопросы философии», ШАГИ РАНГХиГС) в докладе «Чудеса бодхисаттвы Каннон в “Преданиях храма Кокава”» рассмотрела основные особенности жанра *энги* на примере малоизученного памятника XIII в. «Кокава-дэра энги», проанализировав, в частности, многочисленные рассказы о чудесах Каннон, вошедшие в этот источник. **Е.Л. Скворцова** (ИВ РАН) в докладе «Эстетик Сакабэ Мэгуми о мимезисе в японской культуре» рассказала о трактовке известным японским учёным, который особое внимание уделяет театру Но, мимезиса (подражание искусству действительности) в традиционной японской культуре.

Из выступлений, условно отнесённых мною к разделу *Искусство*, два были посвящены кино. **А.А. Федорова** (ИКВиА ВШЭ) в докладе «Экзистенциализм или марксизм? Японское кино 1950–1960 гг.» обратилась к исследованию симбиоза двух философских направлений

на примере кинофильмов ведущих режиссёров «новой волны», используя также кинокритику тех лет и мемуарные источники. **М.Л. Теракопьян** (НИИК-ВГИК) в докладе «Где обитают приведения и духи (японские фильмы ужасов)» рассмотрела особенности современных японских фильмов этого жанра, его связь с традиционной японской культурой (литература и театр) и приметы современного быта, удачно вписавшиеся в жанр фильмов ужасов.

М.В. Есипова (Московская государственная консерватория) в докладе «Божества громовики-барабанщики: китайский Лэйгун и японский Райдзин. Континентальный и периферийный пути развития иконографии образа» на широком круге изобразительных источников наглядно показала различия в эволюции континентальной и японской иконографии рассматриваемых божеств. **А.В. Кудряшова** (ИСАА МГУ) поделилась результатами исследования изображений чайной церемонии на гравюрах эпохи Мэйдзи (доклад «Искусство “Тяною” в гравюрах эпохи Мэйдзи»). **Е.Э. Войтишек** (НГУ) рассказала о знаках «таблицы ароматов Гэндзи» – графико-символических изображениях пяти видов благовоний или чая, созданных в эпоху Эдо и по сей день используемых в современном японском дизайне; каждый символ восходит к одной из глав «Гэндзи-моногатари». В докладе **М.С. Болошиной** (Русская христианская гуманитарная академия, СПб.) «Образы русского изобразительного искусства в японских журналах “Мадо” и “Муза” 70-х годов XX – начала XXI века» на примере двух периодических изданий японских русистов были представлены результаты изучения изобразительных образов, применяемых в данных просветительских изданиях. Различные стратегии использования иллюстративного материала во многом объясняются разной целевой аудиторией журналов: более массовый «Мадо» («Окно») часто использует русский лубок, а также иллюстрации японских художников, в «Музе» нередко литографии русских художников-авангардистов, портреты крупнейших русских поэтов и писателей, русская живопись здесь вписана в контекст русской литературы. **Ю.А. Паюк** (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица) рассмотрела «Проблемы стилевого влияния западной культуры на изобразительное искусство Японии конца XIX – начала XX века». **Д.А. Василюко** (филиал ДГТУ в г. Шахты) в докладе «Взаимодействие культур народов России и Японии в области костюма и дизайна костюма. Начальный период изучения» на широком круге источников проанализировала сведения об одежде соседнего государства, которыми располагали русская и японская культуры в период с конца XVII по середину XIX в.

К блоку *История* можно отнести 22 доклада. 3 из них были посвящены исторической географии. **Е.К. Симонова-Гудзенко** (ИСАА МГУ) в докладе «Географическая карта Японии (1843–1847) для неграмотных» рассказала об иллюстрированной карте-ребусе названий японских провинций конца эпохи Токугава. На карте в картинках зашифрованы, порой весьма замысловато, названия провинций. Фактически это мнемоническое пособие в игровой форме. Докладчица отметила, что подобные мнемонические списки названий провинций (яп. «куни дзукуси») фиксируются начиная с эпохи Муромати. Например, топоним Ямасиро записывается двумя иероглифами – «гора» (яп. «яма») и «замок» (яп. «сиро»), на карте эта провинция обозначена рисунком – замок под горой. Для провинций острова Кюсю – Бунго и Будзэн – используется, в частности, изображение «пускающего ветры» человека, т.к. в просторечии по-японски «пускать ветры» звучит как долгое «бу», т.е. картинка отсылает к первому слогу в названии этих провинций. Разумеется, расшифровка такой карты оказывается делом непростым, но чрезвычайно увлекательным. Доклад

А.Б. Шаровой (ИСАА МГУ) «Описание Голландии в географическом сочинении Утида Масао “Ёти сиряку”» был посвящён разделу о Голландии, помещённому в сочинении Утида Масао (1839–1876) по мировой географии. Автор несколько лет жил в Голландии, знал голландский язык, текст о Голландии сопровождается иллюстрациями. К географическому блоку примыкает и доклад **С.Ю. Михайловой** (НИИ культурного наследия имени Лихачева, «Интурист») – «Про новый путеводитель: “Места, связанные с историей и культурой России в Японии”», сделанный на основе изданного недавно на японском языке путеводителя “По следам российской истории и культуры в Японии”» (日本におけるロシア文化と歴史). Путеводитель издан при поддержке Министерства культуры РФ и Института имени Д.С. Лихачева и состоит из шести разделов: православие в Японии; спорт и кухня; балет, музыка и театр; русско-японская война; дипломатические отношения; деятели русской культуры, жившие в Японии. Докладчица, являющаяся одним из авторов путеводителя, надеется, что сборник выйдет и на русском языке.

Особый интерес вызвали два доклада петербургских исследователей, основанные на ещё не вводившихся в научный оборот архивных данных. **Ю.В. Климов** (ИВР, СПб.) в докладе «Из истории несбывшегося – подарки Александра I, не принятые властями японскими (миссия Рязанова)» не только рассказал о том, какие подарки были привезены российской стороной, но и проследил дальнейшую судьбу некоторых из них. Исследователь отметил, что есть надежда отыскать некоторые из задокументированных даров в запасниках Эрмитажа. **С.И. Мараховнова** (ИВР, СПб.) в докладе «Японская коллекция Н.В. Щегловой. Продолжение поиска» поделилась результатами своей почти детективной работы по поиску части исчезнувшей японской коллекции русского дипломата А.Н. Щеглова. Речь идёт о ценной коллекции японских мечей, конфискованных в 1919 г. Сами мечи утеряны безвозвратно, судьбу ножен и эфесов удалось проследить. Следы, опять же, ведут в Эрмитаж, где, возможно, что-то удастся обнаружить. Так что, будем ждать продолжения обеих историй.

Два доклада были посвящены эпохе Хэйан (794–1185). **М.В. Грачёв** (ИСАА МГУ) в докладе «Невзгоды и беспечалие божественного императора: “обратная сторона” жизни придворного общества в эпоху Хэйан» на примере императора Итидзё (прав. 986–1011) рассмотрел, как нелегка порою была строго регламентированная жизнь императоров, особо отметив, что зачастую не просто трудно, но и невозможно восстановить психологические мотивы поступков, интерпретировать те или иные факты в психологическом ключе. **Н.В. Власова** (ИВКА РГГУ) в докладе «Описание чудес в дневнике Эннина “Нитто: гухо: дзюнрэй ко:ки”» рассмотрела как количественные (общая доля чудес в тексте), так и качественные характеристики зафиксированных в дневнике чудес.

А.М. Дулина (независимый исследователь) в своём выступлении на тему «Толкование концепции “сто государей” в период Камакура», основываясь на сочинениях японских мыслителей XII–XIII вв., проанализировала, как заимствованная из Китая концепция трансформировалась в Японии. **М.С. Коляда** (философский факультет МГУ) в докладе «Философия войны: воины и разрешённое насилие в “Кондзяку моногатари сю” и текстах эпохи Камакура» на примере сборника *сэцува* начала XII в. и других, в том числе законодательных, источников рассмотрела этическое толкование самурайством эпохи Камакура справедливой и несправедливой войны, отметив, в частности, и двойственное отношение к мести.

Три доклада были посвящены эпохе Токугава. **В.В. Щепкин** (ИВР, СПб.) (доклад «Власть и литература в Японии на рубеже XVIII–XIX вв.: “Тихоку гудан” Оохара Сакинго и “Хоккай идан” Нампотэй Эйсуке») рассказал об интерпретации ранних российско-японских отношений в двух художественных произведениях рубежа XVIII–XIX вв. Реальные события интерпретировались авторами по-разному, разной была и реакция властей: первое подстегнуло власти направить очередную экспедицию в земли айнов, второе было запрещено к публикации, а автор приговорён к смертной казни. Таким образом, очевидна эволюция взглядов центральной власти на развитие северных земель и установление связей с Россией. **Д.М. Трухан** (независимый исследователь) в докладе «Представления о природе землетрясений в эпоху Токугава» отметила разнообразие представлений о причинах землетрясений в зависимости от социального среза и выделила три группы: простонародные представления – стихийные бедствия возникают как следствие деятельности сверхъестественных существ (например, гигантского сома), конфуцианские – землетрясение является «небесной карой» за несправедное управление, буддийские – землетрясения есть следствие поступков будд и бодхисаттв. **А.Ю. Борькина** (СПбГУ) (тема выступления «Мир города Эдо в голосах посетителей “Современной бани” и “Современной цирюльни” Сикитэй Самба») на примере двух развлекательных произведений *гэсаку* рассмотрела, какими средствами рисуется бытовая жизнь горожан, какие типичные персонажи могут быть выделены, отметив актуальность дальнейшего изучения данных произведений.

Е.А. Филиппов (СПбГУ) (доклад «“Спор” о соробане: исторический обзор») поделился результатами исследования истории *соробан* (счёты, завезённые в Японию в эпоху Муромати), особое внимание уделив периоду 1870-х годов, когда в японском образовании активно внедрялись методы европейской математической школы, а соробан были даже запрещены на короткий срок. Докладчик отметил, что издаваемые чиновниками циркуляры зачастую расходились с действительностью: европейская и традиционная японская модели преподавания математики на деле сосуществовали и противостояли друг другу; более того, соробан используется в преподавании арифметики и по сей день и популярен не только в Японии.

Значительное число докладов было посвящено разным аспектам японской истории XX века.

Е.М. Османов (СПбГУ) – (доклад «От войны к дружбе: “золотое десятилетие” русско-японских отношений (1907–1916 гг.)») – рассказал о малоизученном периоде русско-японского сближения, к сожалению, не получившего дальнейшего развития. **А.Н. Мещеряков** (ИВКА РГГУ, ИКВиА ВШЭ, РАНХиГС) в докладе «Янагита Кунио: характер человека и характер его науки» рассмотрел творческий путь знаменитого японского этнографа в контексте его личностных качеств. Портрет учёного оказался неоднозначным: лидер по натуре, человек независимый и самобытный, но в то же время – конфликтный и неуживчивый. Увидеть в легендарном исследователе живого человека помогли и фотодокументы, широко использованные в докладе. Вехи творческой биографии в таком контексте оживают и наполняются новым звучанием. **А.М. Горбылёв** (ИСАА МГУ) в докладе «“Японский дух” против “интернационализма”: националистическая критика фундаментальных принципов дзюдо в период “чрезвычайного времени” 1930-х годов» рассказал о давлении на основателя дзюдо Кано Дзигоро (1860–1938) со стороны носителей

националистической идеологии, продемонстрировав в очередной раз, насколько трезво Кано оценивал происходившие в Японии перемены и каким незаурядным мужеством обладал. **О.И. Лебедева** (ШАГИ РАНХиГС) (тема выступления «Автобиография Фумико Канэко: на границе жанров и на периферии культуры 1920-х») рассказала об автобиографии анархистки и нигилистки Фумико Канэко, написанной в тюрьме незадолго до самоубийства. **Л.В. Овчинникова** (ИСАА МГУ) в докладе «“Сфера совместного процветания великой Восточной Азии” и Корея. Концепция идеологов японской колониальной политики второй половины 30-х – начала 40-х гг. XX в.» на примере изданий японского генерал-губернаторства, предназначенных для служебного пользования, проанализировала основные принципы японской колониальной политики в Корее. Японская исследовательница **Омори Масако** (Токийский университет) в докладе «Образ Японии в сатирическом журнале “Крокодил” в период холодной войны» отметила доминирование образа Японии как жертвы США, а также наглядно показала более позитивный образ японских женщин в отличие от милитаристского и агрессивного облика японцев-мужчин, обычно изображаемых самураями в очках с огромным мечом в руках. **К.Г. Спицына** (независимый исследователь) рассказала о деятельности и основных жизненных принципах Кобаяси Итидзо (1873–1957), известного предпринимателя и политика, в частности создавшего киностудию «Тохо». **М.Н. Малашевская** (СПбГУ) проанализировала роман японского дипломата и русиста Кавато Акио (псевдоним Кумано Акира) «За даль земли: повесть об Илье» с точки зрения отражения в нём перемен в российском обществе 1990-х годов. Среди героев романа – М.С. Горбачёв и Б.Н. Ельцин, роман издан и на русском, и на японском языках, в нём ощутимо и влияние русской литературы (романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака). **А.В. Филиппов** (СПбГУ), известный своими исследованиями по периоду Токугава, обратился к неожиданной теме – конкуренции трёх компьютерных систем – Mac, Windows, NEC-98 (собственно японская система) – на японском рынке с 1970-х по 2000 г.

О сегодняшней Японии речь шла в трёх докладах. **И.С. Тихоцкая** и **М. Петропавловская** (МГУ) рассказали о феномене японских круглосуточных минимаркетов – *комбини*, в которых можно не только купить всё необходимое, но и отправить факс, получить или отправить посылку и багаж и т.д. Ассортимент предлагаемых *комбини* товаров и услуг всё время расширяется, исследователи отмечают и наличие региональных особенностей. **П.Э. Подалко** (университет Аояма гакуин, Токио) подробно рассмотрел основные вехи и противоречия официальной политики японских властей в отношении иностранной диаспоры в Японии; политики, направленной на увеличение численности иностранной колонии и улучшения интернационального имиджа Японии. Докладчик яркими примерами продемонстрировал порою абсурдную бюрократическую практику. **А.В. Авдюшенкова** (ГАУГН, Москва) в докладе «Новые погребальные практики в современной Японии» рассказала об одной из таких практик – «погребениях под деревьями», когда на месте захоронения праха высаживается дерево. По мнению японских исследователей, распространение такой формы захоронения связано не только с модой на экопохороны, но и с распадом больших семей и распространением не только нуклеарных семей, но и семей, состоящих из одного человека (яп. «*тансин сэтай*», «*тандоку сэтай*»).

В целом, как можно заметить, в последние годы наблюдается хронологическое выравнивание в распределении докладов. Если на первых конференциях был очевиден крен в сторону Древней истории, ныне он преодолен: в той или иной мере представлены все

периоды истории и культуры Японии, особенно заметно увеличение интереса исследователей к XX столетию. Каждый год – и нынешний не исключение – на конференции появляются новые имена, в том числе и начинающих японистов.

По традиции по завершении конференции состоялась неформальная часть: живое неформальное общение, возможность ближе узнать друг друга, обменяться впечатлениями – прекрасное завершение напряжённой и плодотворной работы.

Поступила в редакцию 15.05.2018

Received 15.05.2018

Книжная полкаBook Reviews

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10016

О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 2»**М.А. Кириченко**

Аннотация. О книге на японском языке «30 уникальных лиц Японии и России – 2. Люди, внесшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Главный редактор Х. Нагацука. Токио: Изд-во Сэйкацу дзянару, 2017. 532 с. (Серия Dramatic Russia in Japan). ISBN 978-4-88259-166-5.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, книги, рецензии.

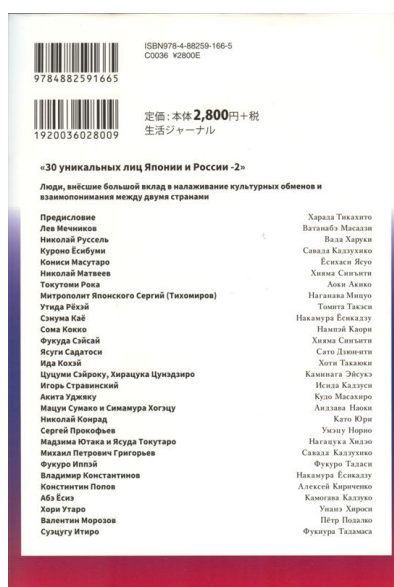
Автор: Кириченко Мария Алексеевна, редактор Отдела научных изданий Института Дальнего Востока РАН. E-mail: maria.lapanik@gmail.com

On the Book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 2”**M.A. Kirichenko**

Abstract. On the Japanese Book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 2. People Who Have Made Great Contribution to the Establishment of Exchange and Mutual Understanding between the Two Countries”. Ed. Nagatsuka H. Tokyo, Seikatsu jānaru, 2017. 532 p. (Series: Dramatic Russia in Japan). ISBN 978-4-88259-166-5.

Keywords: Japan, russian-japanese relations, book, reviews.

Author: Kirichenko Maria A., Editor, Department of Scientific Publications, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: maria.lapanik@gmail.com

В декабре 2017 г. в преддверии Перекрёстного года Японии в России и России в Японии издательством «Сэйкацу дзянару» был выпущен сборник «30 уникальных лиц Японии и России – 2. Люди, внёсшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами» (続・日露異色の群像30・―・文化・相互理解に尽くした人たち). Как видно из названия, эта книга – продолжение одноимённого сборника статей, вышедшего в 2014 г. Также книга является 4-м выпуском из серии *Dramatic Russia in Japan* – публикаций о культурном и историческом влиянии России на Японию, издаваемых под редакцией Нагацука Хидэо, Ответственного секретаря оргкомитета Фестиваля российской культуры в Японии, который выступил инициатором выпуска и этого сборника.

Внешний вид сборника указывает на принадлежность к ценным и подарочным изданиям. Цена этой добротной книги в твёрдом переплёте тоже относит книгу в разряд коллекционных изданий – 2800 иен (1578 руб. на июнь 2018 г.). Интересно, что на книжных аукционах новые экземпляры предыдущих выпусков продаются по цене, превышающей изначальную в несколько раз. Как и в прошлых изданиях серии, суперобложка выполнена в цветовой гамме российского триколора, что делает её заметной для целевой аудитории.

Любую японскую продукцию интересно рассмотреть не только с лицевой стороны, но и с других ракурсов: там всё так же продумано, качественно и неслучайно. Данная книга не является исключением: красный форзац виднеется при перелистывании белых страниц, образуя цветовую гамму японского флага, что в совокупности с обложкой, напоминающей российский флаг, создает у читателя подсознательную ассоциацию «Япония – Россия».

Тираж данной книги не указан, но можно предположить, что он небольшой, и книга предназначена для не очень широкого круга интересующихся Россией японцев – в основном, членов различных обществ дружбы и взаимопонимания между двумя странами.

Книга напечатана сравнительно большим для японских книг размером шрифта, что облегчает её прочтение. Каждая статья снабжена несколькими чёрно-белыми фотографиями, которые, как и в большинстве японских книг, расположены на соответствующих страницах, что избавляет читателя от ненужного перелистывания. На фотографиях изображены не только уникальные сцены с героями статей и их окружением, но и дневники, письма, театральные программки, книги, что даёт прекрасное представление об историческом и культурном фоне описываемых событий.

Начинается книга со вступления, написанного Харада Тикахито – Чрезвычайным и Полномочным Послом Японии в России (2011–2015) и специальным представителем по отношениям с Россией. В Предисловии под названием «Стремление к стабильности и углублению отношений между Японией и Россией» (здесь и далее названия взяты из русскоязычного оглавления книги) указывается на важность народной дипломатии, подчёркивается разносторонность, широта и глубина связей между Россией и Японией, многообразие областей, в которых проводится культурное сотрудничество и мероприятия, поддерживающие живой и неугасаемый интерес к России, несмотря на недостаточно высокую степень взаимопонимания на государственном уровне. Выражается благодарность господину Нагацука, инициатива которого даёт возможность всё большему количеству людей узнать о связях России и Японии, что очень важно с точки зрения обеспечения спокойствия и стабильности во всём Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Книга состоит из 30 статей, повествующих о русских и японцах, которым пришлось жить в нелёгкое время перемен с середины XIX по конец XX века. Авторами статей являются известные исследователи, профессора университетов, политики и журналисты, поэтому статьи изобилуют комментариями, примечаниями, документальными материалами и фотографиями, приводятся записи из дневников, личной переписки, многие статьи имеют большой библиографический список, часто со ссылками на архивы.

Среди авторов статей всего два русскоязычных. Президент ассоциации «Взаимопонимание», старший научный сотрудник ИВ РАН Алексей Кириченко в статье «Константин Михайлович Попов – востоковед от бога» вспоминает об одном из ведущих специалистов по Японии и странам АТР в XX веке. Попов не только изучал экономику, историю, политику, научно-технический прогресс, географию Японии, но и выпускал учебные пособия, монографии и аналитические труды по многим странам Тихоокеанского бассейна, вёл педагогическую и лекционную работу, воспитав много талантливых востоковедов, в том числе нескольких академиков.

Профессор университета Аояма Гакуин Пётр Подалко в статье «Валентин Морозов – человек, подаривший японцам вкус шоколада» рассказал об истории шоколада в Японии, об особенностях жизни в Японии русских эмигрантов и об одном из самых известных их представителей: взлёты и падения «шоколадного короля», помощь со стороны конкурентов и предательство со стороны партнёров по бизнесу, необычайная сила воли и дружелюбие, русский патриотизм в сочетании с интернационализмом, а также множество любопытных деталей нашли отражение в этой статье.

Многие японские исследователи также сделали героями своих статей представителей России и СССР.

Почётный профессор Токийского университета иностранных языков Ватанабэ Масадзи написал статью «Лев Мечников. Русский революционер, приглашенный Сайго старшим», в которой отобразил полную перипетий жизнь старшего брата лауреата Нобелевской премии Ильи Мечникова. Прожив в Токио всего 2 года, Лев Мечников всей своей жизнью исповедовал принцип «в народ»: активно общался с представителями разных сословий, не только изучал историю, культуру и природу Японии, писал статьи, фотографировал, делал зарисовки в японском стиле и составлял карты (что воплотилось в его 700-страничном трактате о Японии), но и переводил японскую литературу на французский язык, а также проявил себя талантливым и авторитетным педагогом, у которого все ученики увлечённо обучались русскому языку.

Почётный профессор Токийского университета Вада Харуки в статье «Николай Руссель. Память о космополите XX века, передаваемая потомками» поведал читателям о своём исследовании этого народника, не знающего границ: Россия, Америка, Европа, Гавайи, Япония, Китай – страны, в которых не просто проживал, а творил историю герой статьи. Профессор без преувеличения отмечает, что, собирая информацию об обширной и многогранной деятельности Русселя, он смог изучить мировую историю.

Преподаватель Университета Досися Хияма Синъити в статье «Фукуда Сэйсай – русофил – простой народ» рассказал о прихожанине православного храма в Киото, организовавшем общество «Самовар», и о бурной деятельности этого клуба, в котором состояли религиозные деятели, учёные, предприниматели, журналисты, учителя и студенты, русские в Японии.

Свою вторую статью Хияма Синъити озаглавил «Николай Петрович Матвеев и первые русские туристы-гимназисты в Японии после японо-русской войны». В ней – биография первого русского уроженца Японии и рассказ о первых туристах из России после Русско-японской войны.

Почётный профессор Йокогамского государственного университета Наганава Мицуо познакомил читателей с жизнью преемника Николая Японского, полжизни прожившего в Японии, честно выполняя свой священный долг и не отступая от своих принципов, несмотря на трагические события, преследовавшие его, православных японцев и всё общество в целом. Его статья называется «Митрополит Японский Сергей (Тихомиров). Жизнь и деятельность в Японии».

Музыкальный критик Исида Кадзуси в статье «Игорь Стравинский. Японизм в “серебряном веке”» рассказал об интересе композитора и русской интеллигенции к Японии и особенно к таким культурным явлениям, как японский театр, укиё-э, архитектура, а также о поездке Стравинского по священным буддийским и синтоистским местам Японии.

Профессор Университета Цукуба Като Юри в статье «Николай Конрад – педагог, сохранивший огонёк японоведения» обратилась к биографии великого учёного, «отца российского японоведения», который не только создал свою школу, но и сделал все возможное, чтобы сберечь её в трудные времена.

Музыкальный критик Умэцу Норио написал статью «Сергей Прокофьев. Общение с Отагуро Мотоо, записанное в обоих дневниках», в которой поведал о малоизвестных годах жизни в Японии только начинающего тогда композитора, за которые он познакомил японцев с творчеством русских композиторов, выступал с концертами, писал рассказы и вёл дневник.

Почётный профессор Университета Хитоцубаси Накамура Ёсикадзу в статье «О Константинове, переведшем “Хокуса бунряку”», рассказывает читателям о своём личном знакомстве с переводчиком Владимиром Константиновым и о совместной работе в Москве, Петербурге и в Японии.

Профессор Университета Сайтама Савада Кадзухико в статье «Жизнь и переводческая деятельность Михаила Петровича Григорьева» поведал о необычайном профессионализме и таланте этого незаслуженно и долго игнорировавшегося на Родине переводчика, который жил в Японии, Харбине, Дайрэне, в одиночку продолжая переводы японской литературы, занимаясь как стихами, так и прозой, как древней, так и современной литературой, в те времена, когда все его коллеги из России были под арестом.

Многие статьи японских авторов рассказывают о японцах, которые любили Россию, были поклонниками русского языка и искусства, посвятили свою жизнь налаживанию связей с нашей страной.

Савада Кадзухико также написал статью под названием «Куруно Ёсибуми. Из отделения русского языка Токийской школы иностранных языков на факультет Восточных языков Санкт-Петербургского университета», поведав нам о японце, который мечтал стать «мостом между двумя странами», для чего сначала преподавал русский в Японии, а затем уехал в Санкт-Петербург, чтобы учить русских японскому. Для русских учеников он составил японскую азбуку, словари, разговорники и хрестоматии. Среди его учеников – Е.Г. Спальвин, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, Н.И. Конрад и другие учёные с мировым именем.

Ёсихаси Ясуо, внук героя статьи с интригующим названием «Кониси Масутаро. Японец, встречавшийся с Л.Н. Толстым и И.В. Сталиным», рассказывает о своём дедушке,

который не только был японским учеником Толстого, но и водил знакомство со Сталиным, когда тот был ещё революционером-подпольщиком, будучи его соседом в съёмной квартире. Случай близкого знакомства японца со Сталиным – уникален. Жизнь Кониси Масутаро была тесно связана с Россией: он был православным, помогал Льву Николаевичу с переводом «Лао-цзы» на русский язык, а перед Второй мировой войной выступал в роли переводчика на официальной встрече министра связи Кухара Фусаноскэ и Сталина, когда тот был уже Генеральным секретарём ЦК КПСС.

Переводчик Аоки Акико в статье «Токутоми Рока как пионер принятия учения Л.Н. Толстого в Японии» поведала о человеке, познакомившего Японию с учением Льва Толстого, которого считал своим вторым отцом. Чтение Толстого в молодости на английском и в переводах с английского языка оказало огромное влияние на Токутоми Рока, посвятившего жизнь исследованию его учения и произведений. В статье рассказывается о его паломничестве по святым местам, о пребывании в Ясной Поляне и дружбе с семьёй Толстых, о его полемике с писателем.

Свою вторую статью профессор Накамура Ёсикадзу озаглавил «Сэнума Каё и перевод произведений А.П. Чехова». Она знакомит нас с биографией писательницы и переводчицы Сэнума Каё, в жизни которой большую роль сыграли православие и Святитель Николай Японский, подарившие японским женщинам возможность получать полноценное среднее образование в школе Дзёси-сингакко.

Преподаватель университетов Васэда и Цуда Нампэй Каори в статье «Сома Кокко. “Ambitions girl” и русская культура» описала жизнь владелицы популярного по сей день ресторана «Накамурая», которая одновременно была и организатором культурного салона, объединявшего интеллигенцию тех времен. Трудно перечислить разнообразие деятельности салона, направленной на заимствование в Японию лучшего из культуры России: изучение русского языка, издание журнала с переводами русской литературы, помощь нашим соотечественникам, изготовление блюд русской кухни и выпечка русского хлеба.

Почётный профессор Токийского университета Сато Дзюньити в статье «Ясуги Садатоси. Жизнь и достижения ведущего русиста-языковеда Японии XX в.» познакомил читателей с автором грамматики русского языка, составителем русско-японского словаря, впервые в мире содержавшего русские словоизменения и указание беглого ударения, переводчиком Пушкина и Грибоедова и создателем Российско-японского литературного общества.

Писатель Хоти Такаюки в статье «Ида Кохэй. Почему он утверждал необходимость специалистов, владеющих русским языком?» поведал об ученике Футабатэй Симэй, который вместе со своим учителем после поездки последнего в Россию изменил своё отношение к России в лучшую сторону, выступал за развитие связей с Россией в начале XX века, когда наши страны находились во враждебных отношениях, продвигал идею создания школ русского языка для увеличения количества русскоговорящих специалистов, и стал организатором открытия школы русского языка в Харбине.

Профессор Ниигатского университета международной культуры и информации Каминага Эйсуке представил статью «Цуцуми Сэйроку, Хирацука Цунэдзиро – двое рыбопромышленников, ставших политиками», в которой познакомил читателей с двумя друзьями и соратниками, проложившими себе путь в большую политику ради осуществления мечты об участии Японии в освоении богатых ресурсов России. Они

призывали к налаживанию связей с Россией и СССР вне зависимости от политического строя, а во время холодной войны через свои личные связи на деле развивали отношения с нашей страной. Оба понимали, что только поддержание мира сможет обеспечить процветание Японии и России.

Почётный профессор Университета Хоккайдо Кудо Масахиро в статье «О русской революции Акита Удзяку» делится воспоминаниями и знакомит нас с драматургом и общественным деятелем, основателем «Общества друзей Советского Союза» – Акита Удзяку.

Профессор Университета Ямагата Аидзава Наоки представил статью «Мацуи Сумако и Симамура Хогэцу – люди, открывшие «новый театр Японии», в которой рассказал об известной актрисе и основателе «нового театра», познакомивших японцев с драмами Чехова, Тургенева, Толстого, а также с русскими песнями, благодаря которым японским зрителям так полюбились русские драматические героини.

Ответственный секретарь оргкомитета Фестиваля российской культуры в Японии Нагацука Хидэо в статье «Мадзима Ютака и Ясуда Токутаро – два врача, внесшие вклад в углубление взаимопонимания между Японией и Россией» рассмотрел роль этих двух разносторонних медиков в развитии японо-советской дружбы, а также их планы и практическую деятельность по улучшению общества и жизни людей.

Камогава Кадзуко из Исследовательского центра Евразия в статье «Абэ Ёсиэ – арфистка, изучающая искусство и культуру России» рассказала о стенографистке японского посольства в Москве, которой пребывание в России подарило уникальную возможность – научиться профессионально играть на арфе и по возвращении в Японию организовать в японских музыкальных школах кафедры арфы. За долгие годы работы в России Абэ собрала огромную коллекцию фотографий сцен из оперных спектаклей, шедших на сценах советских театров, приобрела ноты русских композиторов, общалась с музыкантами Большого театра, известными японистами, режиссёрами и др. А ещё ей удалось растопить сердце и взять интервью у Михаила Шолохова, проживавшего затворником в деревне. Благодаря ей Шолохов посетил Японию в 1966 г. после получения Нобелевской премии.

Журналист Унанэ Хироси в статье «Хори Утаро. След возвратившегося из КУТВ, таинственной учебы в СССР без паспорта», используя многочисленные архивные данные, дал краткий, но очень информативный экскурс в историю стажировок японцев в России и СССР в разные исторические периоды, поместив в центр внимания одного из многочисленных японских студентов из Коммунистического университета трудящихся Востока и его дальнейшую деятельность в Японии.

Но не все японские герои статей были «беззаветными поклонниками» России. СССР и Россия часто вызывали смешанные чувства, критику, и даже неприязнь, либо проявление строгого прагматизма со стороны японцев, истории которых в данном сборнике воссоздают всестороннюю картину взаимодействия двух стран.

Актёр Фукуро Тадаси, потомок героя статьи «Три истории о Фукуро Иппэй: кино, перевод и альпинизм» рассказал об известном японском переводчике, кинокритике и альпинисте, который хотя и посвятил свою жизнь работе с Россией, но считал её неудобной для жизни страной, каким-то чудесным образом породившей искусство высокого уровня. Противоречивые впечатления о России и Москве, которую он называл столицей слова «нет», не помешали ему сделать много прекрасных и редких переводов на японский

современной классической и детской литературы, познакомить Японию с советским кино, написать тематические пособия про горы СССР для альпинистов, а также покорить вершины Кавказа, на которые прежде не ступала нога японца.

Почётный профессор Университета Сэйкэй Томита Такэси в статье «Утида Рёхэй. Взгляды на Россию Утида Рёхэй, лидера “Кокурю-кай”» подробно рассмотрел не изучавшиеся ранее воззрения на Россию создателя ультранационалистической военизированной организации под названием «Общество черного дракона», занимающейся пропагандой паназиатизма и ставящей главной целью изгнание русских из Восточной Азии.

Генеральный директор Исследовательского института «Евразия-21» Фукиура Тадамаса посвятил свою статью «Суэцугу Итиро – самурай, беспокоящийся о стране, Суэцугу Итиро и СССР – Россия» биографии, взглядам и мировоззрению этого влиятельного и харизматичного политика, к мнению которого прислушивались и с уважением относились многие премьер-министры и влиятельные политические деятели Японии. Активно общаясь с российской стороной, он всегда прямо и целенаправленно продвигал интересы Японии, в том числе в территориальном вопросе.

Статьи сборника объединены общей биографической тематикой, но разнородны по своему содержанию и структуре: некоторые написаны в виде приключенческих эссе, другие походят на архивные записи и расшифровку писем и дневников. Но все являются бесспорно ценными исследованиями, позволяющими со страниц одного сборника посмотреть на удивительное переплетение судеб людей известных и тех, о которых пока нет даже коротенькой заметки в Интернете. Японцы – и православные, и члены компартии, и с сугубо рационалистическим подходом к России, и не испытывающие к ней особо дружеских чувств, а также русские – эмигранты белогвардейского происхождения, церковные деятели, советские учёные и деятели искусств – каждый из них сыграл свою неповторимую роль в развитии отношений между Японией и Россией.

Благодаря личному опыту авторов, многие из которых были близко знакомы с теми, чьи жизни описывали, материал обогащён авторскими оценками и впечатлениями. Хотелось бы также обратить внимание на любопытные детали, которые оживляют повествование, являются необходимыми штрихами к портрету героев статей. Так, с интересом узнаём, что К.М. Попов научную деятельность сочетал с должностью руководителя экспериментального ансамбля советской оперы ВТО. А Морозов поехал в Америку возвращать долг за 60 лет с процентами и штрафом. Сома Кокко читала вслух незрячему поэту Ерошенко, а тот называл её мамочкой. А Сталин незадолго до начала Второй мировой войны через знакомых справлялся о своём японском друге Кониси и искал встречи с ним.

В послесловии Нагацука Хидэо, который также является директором АО Russian Arts, председателем исследовательской группы по изучению России в Японии и обладателем почётного Ордена Дружбы (2014), благодарит всех авторов за разнообразный и интересный материал, а также читателей предыдущих книг серии за мнения и пожелания, которые были учтены при подготовке данного сборника. Также он напоминает, что на территории Японии остается ещё много неизвестных памятников, имеющих отношение к российско-японским связям, и ещё много нерассказанных историй, которые, будем надеяться, найдут своё отражение в последующих сборниках.

В конце книги содержится наглядная красочная вкладка в виде цветной карты Японии, на которой обозначены местоположение и фотографии объектов, имеющих отношение

к России. Называется карта «Русский мир на Японском архипелаге». В основном это – православные храмы, обелиски, стелы и могилы русских моряков и военных, исследователей, исторических деятелей, а также многое другое: памятник известному бейсболисту Виктору Старухину, самая большая в мире янтарная мозаика, изготовленная русскими мастерами, выставочный зал космической станции «Мир». Сама карта является чрезвычайно познавательным и полезным материалом не только для интересующихся Россией японцев и японоведов, но и для любителей культурно-исторического туризма, который набирает всё большую популярность.

Как представляется, единственным недостатком сборника можно назвать большое количество опечаток в русском тексте и местами не очень удачный перевод названий японских статей на русский.

Тем не менее, остается только сожалеть, что книга издана небольшим тиражом и не выпускается параллельно на русском языке, что, несомненно, затрудняет знакомство с ней даже специалистов. Надеюсь, что в России появится хотя бы краткий перевод изданий из этой серии. Ведь они могут быть полезны не только российским японоведам, которые, несомненно, почерпнут новые сведения и материал о тех, кто своей жизнью и трудом прокладывал тропу к пониманию и дружбе двух стран, но и широкому кругу читателей, в том числе молодёжи и школьникам, потонувшим в потоке информации и потерявшим интерес к учёбе, но при этом увлекающимся Японией. Через эти книги они, быть может, зарядятся духом энтузиазма и увлечённости удивительных героев статей, беззаветно преданных своему делу, и по-новому посмотрят на наследие своей страны, которое так воодушевляет японцев.

В заключение хочется выразить благодарность Нагацука Хидэо за его непрестанный труд по представлению Японии российских деятелей искусства и науки и распространению материалов о малоизвестных страницах российско-японских отношений. Образ этого человека, посвятившего всего себя дружбе с Россией, ясно прослеживается со страниц изданной им книги.

Библиографический список

30 уникальных лиц Японии и России – 2. Люди, внёсшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами / гл. ред. Х. Нагацука. Токио: Сэйкацу дзянару, 2017. 532 с. (Серия Dramatic Russia in Japan). (На яп.)

References

Zoku nichiro ishoku no gunzō 30 – bunka sōgo rikai ni tsukushita hito-tachi (2017) [30 Unique Figures of Japan and Russia – 2. People Who Made Great Contribution to the Establishment of Exchange and Mutual Understanding between the Two Countries]. Ed. Nagatsuka H. Tokyo, Seikatsu jōnaru, 2017, 532 p. (Series: Dramatic Russia in Japan). (In Japanese)

Поступила в редакцию 12.06.2018

Received 12.06.2018

Научное издание

Японские исследования
№ 2, 2018

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	Л.В. Овчинникова
Выпускающий редактор:	Е.В. Белилина
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков

Дата публикации:	29.06.2018
------------------	------------

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
№ 2, 2018

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	L.V. Ovchinnikova
Publishing editor:	E.V. Belilina
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov

Date of issue:	29.06.2018
----------------	------------

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.ifes-ras.ru/js

日本研究